

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ.

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Рузанова В.Д., Хмелева Т.И. Слово о победителе: Баринов Николай Алексеевич	9
Ильницкий Д.А., Осетров С.А. Слово о победителе: Беспалый Игорь Трофимович	17
Напреенко А.А. Слово о победителе: Волкодаев Николай Федорович	18
Тарасов А.А. Слово о победителе: Марков Валерьян Андреевич	19

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Спирин М.Ю., Марьина Е.В. Судейское право в контексте перспектив развития российской правовой системы	21
--	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Шмелева М.В. Проблемы несогласованности внутригосударственного и международного права и пути их решения	27
--	----

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Волков В.Э. Политическая и научная деятельность в информационном контексте: проблемы реализации Федерального закона «О некоммерческих организациях»	33
Карасев Д.В. Участие гражданских коллективов в политических процессах в России: терминология, классификация	39
Половникова Ю.С. Правовые проблемы становления института общественной экспертизы в Российской Федерации	43
Шабанова Д.Е. Конституционно-правовые гарантии защиты трудовых прав граждан в Российской Федерации	49

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Михеева О.А. О некоторых проблемах реализации законодательства о государственном финансовом контроле: из опыта работы Госфинконтроля Самарской области	54
---	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Рузанова В.Д. Системность гражданского законодательства: оценка новелл ГК РФ	61
---	----

СЕМЕЙНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

- Крюкова Е.С.** Последствия самовольного переустройства и перепланировки жилого помещения 72

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

- Бронникова М.Н.** Наемный и заемный труд по законодательству Российской Федерации: проблемы квалификации 80
- Горбачева А.В.** Некоторые аспекты охраны труда женщин, занятых в дорожном хозяйстве 87

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Денисова А.В.** Регламентационная функция системосохраняющего механизма в российском уголовном праве 96
- Норвартян Ю.С.** Ответственность за заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. 102

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Закотянский А.С.** Анализ практики дознания в сокращенной форме по материалам Самарской области 107
- Лазарева В.А.** Вопросы доказывания в свете идеи формирования в РФ института следственного судьи 114
- Ромашов Р.А.** Уголовное судопроизводство и уголовное правосудие в России 122
- Ярыгина Л.А.** Исторический анализ развития дознания в отечественном уголовном судопроизводстве 128

Трибуна молодого ученого

- Кирсанова А.В.** Понятия «правосубъектность», «правоспособность», «дееспособность» юридических лиц 134
- Сведения об авторах* 142
- Требования к оформлению статей* 146

CONTENTS

EVENTS. TO THE 70TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Ruzanova V.D., Khmeleva T.I. Word about the winner: Barinov Nikolay Alexeevich	9
Il'nitsky D.A., Osetrov S.A. Word about the winner: Bospaly Igor Trofimovich	17
Napreenko A.A. Word about the winner: Volkodaev Nikolay Fedorovich	18
Tarasov A.A. Word about the winner: Markov Valerian Andreevich	19

THEORY OF HISTORY OF STATE AND LAW

Spirin M.Yu., Maryina E.V. Judicial law in the context of development prospects of Russian legal system	21
--	----

INTERNATIONAL PUBLIC LAW

Shmeleva M.V. Problems of inconsistency of domestic and international law and solutions of these problems	27
--	----

CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Volkov V.E. Political and scientific activities in the context of information: problems of implementation of the Federal Law «On non-commercial organizations»	33
Karasev D.V. Participation of civil groups in Russian political processes: terminology, classification	39
Polovnikova Iu.S. Regulatory framework of the institute of public examination in the Russian Federation	43
Shabanova D.E. Constitutional legal guarantees of protection of labor rights in the Russian Federation	49

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

Mikheeva O.A. Implementation issues of state financial control legislation: by experience of State Financial Control Service of the Samara Region	54
--	----

CIVIL LAW

Ruzanova V.D. Systematicity of civil legislation: assessment of novels in Russian civil code	61
---	----

FAMILIAL AND HOUSING LAW

- Kryukova E.S.** Effects of unauthorized alterations to the configuration and layout of dwellings 72

LABOR LAW AND LAW OF SOCIAL SECURITY

- Bronnikova M.N.** Wage and agency labor under the legislation of the Russian Federation: problems of qualification 80
- Gorbacheva A.V.** Some aspects of protection of labor of women employed in the road sector 87

CRIMINAL LAW

- Denisova A.V.** Regulatory function of system saving mechanism in Russian criminal law 96
- Norvartyan Yu.S.** Responsibility for contamination by infectious diseases that pose a danger for the wider public according to the Penal Code of Criminal and Corrective Penalties, 1845 102

CRIMINAL PROCESS

- Zakotyansky A.S.** Analysis of the practice of inquiry in the abbreviated form on the materials of the Samara Region 107
- Lazareva V.A.** Questions of the proof in the light of the idea of formation in the Russian Federation of an institute of an investigative judge 114
- Romashov R.A.** Criminal procedure and criminal justice in Russia 122
- Yarigina L.A.** Historical analysis of progress of inquiry in domestic criminal legal proceedings 128

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

- Kirsanova A.V.** Concepts «legal personality», «legal competence», «legal capacity» of legal entities 134

Information about the authors 142

Requirements to the design of articles 146

СОБЫТИЯ.
К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

СЛОВО О ПОБЕДИТЕЛЕ: БАРИНОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
(25 ФЕВРАЛЯ 1922 ГОДА – 30 ДЕКАБРЯ 2014 ГОДА)

*Мое жизненное кредо:
служить Отечеству и делать людям добро!*

Н.А. Баринов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, действительный член – академик Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка (г. Москва), профессор кафедры гражданского и семейного права Саратовской государственной юридической академии. Является ведущим ученым, крупным специалистом в области гражданского, предпринимательского и международного частного права, имеющим богатый опыт научно-исследовательской, преподавательской, практической и общественной деятельности, достижения в разработке приоритетных (новых) направлений науки, создании научной школы и подготовке научных кадров.

Общий трудовой стаж составил более 70 лет, из которых 6 лет службы в Советской Армии и 7 лет – в МВД, 13 лет работы в прокуратуре и 47 лет научно-педагогической деятельности. Всего юриспруденции посвящено 60 лет. Участник и инвалид Великой Отечественной войны, ветеран труда и ветеран прокуратуры.

Н.А. Баринов родился 25 февраля 1922 г. в селе Шаховское Лысогорского района Саратовской области в крестьянской семье. В 1932 г. семья Бариновых переехала в рабочий поселок Лукново Вязниковского района Владимирской области, где родители работали на ткацкой фабрике, а Николай учился в средней образовательной школе, которую окончил в 1941 г., получив прочные основы общих знаний.

Его детство, школьные годы, а затем военные и послевоенные годы были трудными. Активная деятельность началась в суровые годы Великой Отечественной войны, выпавшие на долю большинства сверстников его поколения. Он солдат войны, а солдату войны Маршал Победы Г.К. Жуков посвятил свои «Воспоминания и размышления», считая, что «на плечи солдата легла самая нелегкая часть ратного подвига». Он был «черным работником войны».

22 июня 1941 г. на рассвете Николай вместе со своими одноклассниками возвращался домой со школьного выпускного бала, а в это время западную границу нашей страны перешли немецко-фашистские войска, авиация бомбила наши города – началась Великая Отечественная война. И он решил идти на фронт, отказавшись от учебы в Ивановском энергетическом институте.

Не дожидаясь официального призыва, на второй день после начала войны Н.А. Баринов обратился в райвоенкомат с просьбой отправить его добровольцем в действующую армию, но был зачислен в резерв, для направления в военное училище, поскольку в то время молодых людей со средним образованием было не так уж много. Вскоре он был призван, а затем направлен в Ленинградское военно-полити-

ческое училище, дислоцировавшееся позднее на территории Московского военного округа (г. Шуя).

Как и многим курсантам некоторых военных училищ того времени, окончить училище не пришлось. В училище была срочно сформирована группа курсантов и направлена в Сталинград, а оттуда на Крымский фронт, в Крым – на керченское направление, где советским командованием осуществлялась Керченско-Феодосийская военно-морская десантная операция 1941–1942 годов, и действовали бригады морской пехоты (командующий фронтом – Д.Т. Козлов).

Из Новороссийска на рассвете на морском судне «Кавказ» в январе 1942 г. были доставлены к Керченскому полуострову и высадились в местечке Камыш-Бурун, недалеко от города-героя Керчь. Н.А. Баринов был зачислен пулеметчиком в состав 4-го батальона отдельной 83-й ордена Суворова дважды Краснознаменной Новороссийско-Дунайской бригады морской пехоты (командир бригады – И.П. Леонтьев).

Керченско-Феодосийская десантная операция проводилась на приморском направлении, на значительном удалении от главных сил Юго-Западного и Кавказского фронтов. 83-я бригада морской пехоты, будучи недоукомплектованной личным составом и неся потери, наносила противнику серьезный урон в живой силе и технике, ведя огонь из минометов, пулеметов, орудий, трудный бой вел и пулеметчик Н. Баринов. Серьезную поддержку оказывали знаменитые «Катюши», огненные взрывы их реактивных снарядов порождали ужас среди немецких войск.

Сложность и тяжесть обстановки заключалась еще и в том, что днем шли бои, а в ночное время Н. Баринов на шлюпках выходил в море и участвовал в отработке операции по высадке готовящегося морского десанта в тыл к немцам, порой под обстрелами трассирующими пулями из пулеметов внезапно появляющихся в небе мессершмитов.

О подвигах морских пехотинцев 83-й и других бригад морской пехоты в Крыму писал контр-адмирал А.И. Зубков в своей книге «Керченско-Феодосийская операция» (1970 г.) и бывший командир батареи 73-й бригады морской пехоты, доктор исторических наук А. Васов в статье «Враги называли их “черными дьяволами”» (Российская газета. 1995. 5 апреля).

В течение почти всей первой половины 1942 г. непрерывно шли ожесточенные бои на Керченском участке фронта, практически с участием всех родов войск и флота. Особенно ожесточенный характер бои приняли в марте, апреле и мае 1942 г. на Ак-Монайском перешейке в районе населенных пунктов Владиславовка, Камыш-Бурун и на подступах к городу-герою Керчь. Враг стремился захватить город Керчь, Севастополь и весь Крым.

Из боевых действий Н. Баринов выделяет три памятных и важных боя: два из них были описаны в книгах. Первый – отражение немецкого наступления, поддержанного танками и авиацией в апреле месяце, когда движущийся на наши позиции танк был подбит и подожжен. На других участках также горело несколько танков. Остальные повернули назад. Немецкое наступление захлебнулось, враг был отброшен, а морские пехотинцы продвинулись вперед.

Второй, особо запомнившийся, бой 9 мая 1942 г. длился весь день. Группа морских пехотинцев, в которую входил и Н. Баринов, защищала высоту, на которой размещался командный пункт морского батальона. Из огневых средств были только станковый пулемет системы «Максим» и ручной пулемет система Дегтярева. Получив легкое касательное ранение кисти правой руки, он оставался в строю, ведя огонь по противнику. Поступила команда сосредоточиться около командного пункта командира батальона. При отходе и смене позиции он был уже серьезно ранен и находился в окопе около командира батальона. Убедившись, что штурмом высоту не взять, про-

тивник стал обходить высоту с флангов и обрушил на ее защитников шквальный минометный огонь: сначала погиб первый номер, затем второй — и максим умолк. Комбат принял решение оставить высоту. Н. Баринову как раненому было предложено уходить первому и затем всем сосредоточиться в низине.

Третий бой больше похож не на большой бой, а на боевой эпизод: будучи раненым и отходя на заданные позиции уже в сумерки и при продолжающемся дожде, Н. Баринов встретился с тремя другими солдатами (как оказалось, корабельными моряками). Они искали в темной ночи выход к штабу 83-й бригады, но натолкнулись на два остановившихся немецких тяжелых танка. Оказалось, что линия фронта была нарушена и немцы вклинились в нашу оборону. Имеющимися гранатами, в том числе противотанковыми, группа забросала танки и скрылась в темноте.

Таким образом, в боях за Крым и город-герой Керчь Н. Баринов был дважды ранен. Первое ранение было легкое, касательное (правой руки), поэтому обошлось без госпитализации. Он оставался в строю и продолжал участвовать в боях. Вторым раз был уже серьезно ранен 9 мая 1942 г. — осколочное ранение мышц шеи, проникающее до шейных позвонков с повреждением затылочного нерва и контузией. При эвакуации и переправе через пролив из Керчи в Тамань судно четырежды атаковал немецкий бомбардировщик юнкерс, сбрасывал бомбы, которые взрывались рядом, но цели они не достигли. Во время бомбардировки все раненые спустились в трюм, а Н. Баринов остался на палубе и по приказу капитана помогал пулеметчикам, отражавшим нападение юнкерса. Судно с ранеными бойцами и командирами благополучно достигло Таманского берега. В связи с ранением он был эвакуирован и в течение 4 месяцев находился на лечении в военных госпиталях городов Тамань, Черкесск, Нальчик, Баку, Термез и перенес сложную и опасную операцию по извлечению осколка мины из тела.

По окончании лечения и некоторого пребывания на пункте формирования Н. Баринов для прохождения дальнейшей службы был направлен на Кавказский (Северо-Кавказский) фронт, которым командовал прославленный генерал армии И.В. Тюленев и в составе которого он находился с 1943 г. вплоть до окончания Великой Отечественной войны. Сначала он был назначен помощником командира минометного взвода, затем старшиной минометной роты 89-й Отдельной стрелковой бригады.

Его служба на Кавказском (Северо-Кавказском) фронте проходила при неординарных обстоятельствах. Военные операции, в которых участвовал Н. Баринов, чередовались с выполнением заданий, связанных с историческими событиями. Во-первых, он был в группе военнослужащих, обеспечивавших на определенном участке г. Тегерана безопасность проведения Тегеранской конференции лидеров стран-участниц антигитлеровской коалиции (СССР, США, Великобритании), состоявшейся 28 ноября — 1 декабря 1943 года (Иран).

«Мы стояли в городе Мешхеде (на фарси-Машхад), — вспоминает Николай Алексеевич. — Однажды нас подняли ночью и срочно вывезли на машинах в Тегеран. Мне поручили контролировать район города. Мы видели кортежи правительственных машин под усиленной охраной. Позже мы узнали, что началась конференция с участием Сталина, Рузвельта и Черчилля, вошедшая во все учебники истории. Мы обеспечивали безопасность лидеров великих держав».

Во-вторых, Н.А. Баринов дважды находился в составе военнослужащих, обеспечивавших безопасность встречи шаха Ирана Пехлеви-младшего и его переговоров с представителями фронта в 1944 г.

«Позже, — рассказывает дальше Николай Алексеевич, — в 1944-м был такой эпизод. Я шел по узенькой улочке Мешхеда, и навстречу мимо меня быстро проскользнул какой-то парнишка, мы еле разминулись. Через несколько шагов передо мной

вырос двухметровый верзила в штатском и по-русски спросил: «Куда делся шах?» — «Какой шах?» — не понял я. — «Ну, молодой человек, он только что сюда свернул». Оказывается, этим парнишкой был несовершеннолетний тогда шах-ин-шах Реза Пехлеви. Он приехал на переговоры с командованием нашей бригады и каким-то чудом ускользнул от охраны».

Далее, в 1945 г. Н.А. Баринов участвовал в ликвидации антисоветских вооруженных группировок (остатки бежавших из Средней Азии басмачей), действовавших в Северном Иране и приграничных районах нашей страны. Однажды его роту направили на ликвидацию банды басмачей, бежавших из Средней Азии. Банда была разгромлена, а ее главаря взяли в плен. Передали его иранским властям, а он от них убежал. Попросил разрешения сделать омовение по мусульманскому обычаю и на берегу реки надел свою папаху и бурку на палку и был таков.

В Иране Николай Алексеевич и узнал о победе над фашистской Германией.

В марте 1947 г. после демобилизации из армии Н.А. Баринов прибыл в г. Саратов, куда к тому времени переехали его родители.

Боевой путь Н.А. Баринова отмечен 15-ю государственными наградами. И сейчас грудь фронтовика украшают орден Отечественной войны I степени; медали «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медаль Жукова и другие. Кроме того, Советом по общественным наградам России он награжден орденом «За вклад в Победу» 1939–1945 гг.; Ассоциацией ветеранов боевых действий органов МВД награжден орденом «За мужество и гуманизм» II степени. Николай Алексеевич награжден также медалями Анатолия Кони, «Ветеран труда», «Ветеран прокуратуры» и еще 10 юбилейными медалями.

Не менее интересна и насыщенная мирная и созидательная жизнь Н.А. Баринова. С апреля 1947 г. и по апрель 1954 г. он находился в составе 6-й военизированной пожарной части Управления пожарной охраны УВД Саратовского облисполкома (ныне — МЧС России). Снова солдат Н.А. Баринов на передовых позициях — на этот раз в борьбе с огнем.

В 1949 г. поступил в Саратовский юридический институт, который окончил экстерном в 1952 г.

В 1950 г. заключил брак со Столяровой Ираидой Аркадьевной — выпускницей Саратовского медицинского института. Она 34 года впоследствии проработала в должности заместителя главного врача по лечебной работе Областной больницы № 1 (ныне — Областной госпиталь для ветеранов войн).

Н.А. Баринов с супругой воспитали двух дочерей: Наталию — экономиста по образованию и Марину, окончившую Саратовский юридический институт; сейчас она кандидат юридических наук, доцент СГАП. Внук Николай окончил СГАП.

С апреля 1954 г. Н.А. Баринов опять на переднем крае, но уже в борьбе с преступностью — он работник органов прокуратуры. По май 1957 г. — следователь районной, а затем городской прокуратуры г. Кулебаки Арзамасской (затем — Горьковской) области.

Ситуация с правопорядком в стране была очень сложной. Огульная амнистия 1953 г. привела к разгулу преступности. Рецидивисты сразу же дали знать о себе. Преступность в группе городов — Кулебаки, Муром, Выкса, Новашино, — расположенных друг от друга в 40–60 километрах: убийства, разбойные нападения (до 10 в одну ночь), кражи и другие преступления — наносила серьезный ущерб государству и населению. За ночь приходилось выезжать по 5–6 раз на места происшествий.

Примечательно то, что все дела, расследованные Н.А. Бариновым и направленные в суд, завершились осуждением преступников. Брака в работе не было.

В мае 1957 г. он был переведен на работу в прокуратуру Саратовской области. До января 1959 г. Н.А. Баринов работал к прокуратуре Екатерининского района, сначала следователем, затем — помощником прокурора района. Работая следователем прокуратуры Екатерининского района, принимал (в составе бригады) участие в расследовании известного дела Муромцева, совершившего убийство работников милиции Екатерининского отдела милиции и похитившего комплект пистолетов и боеприпасов из отдела милиции.

С января 1959 г.а по июнь 1961 г. Н.А. Баринов — прокурор отдела по надзору за местами лишения свободы прокуратуры Саратовской области, затем до апреля 1963 г. — прокурор следственного отдела.

В апреле 1963 г. назначается на должность старшего помощника прокурора Саратовской области по кадрам.

Н.А. Баринов, проявляя инициативу и активность в борьбе с преступностью, выступал за укрепление законности и правопорядка.

За период работы в органах прокуратуры он неоднократно поощрялся, не имея ни одного взыскания по работе. Приказом Прокурора РСФСР от 16 мая 1963 г. за успешную работу по борьбе с особо опасными преступлениями Н.А. Баринову была объявлена благодарность.

Приказом Генерального Прокурора Союза ССР от 4 августа 1967 г. за примерное исполнение своего служебного долга и достигнутые успехи в работе по укреплению социалистической законности и борьбе с преступностью ему в порядке поощрения присвоен классный чин «Советник юстиции» (что соответствует воинскому званию подполковник). В то время это считалось высоким классным чином.

Неоднократно поощрялся прокурором области. В сентябре 1967 года Советник юстиции Н.А. Баринов в порядке перевода из органов прокуратуры принят на преподавательскую работу в Саратовский юридический институт. Начался активный творческий период научно-педагогической деятельности в институте. Почти 47 лет Николай Алексеевич связан с СЮИ (СГАП, СГЮА), занимая должности преподавателя, старшего преподавателя, доцента, профессора.

С 1997 по 2008 гг. — профессор кафедры международного частного права, а с сентября 2008 г. до кончины — профессор кафедры гражданского и семейного права.

В декабре 1970 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ответственность сторон по договору бытового заказа», а 9 сентября 1988 г. — докторскую диссертацию на тему «Гражданско-правовые проблемы удовлетворения имущественных потребностей советских граждан» в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

За время работы в СЮИ (СГАП, СГЮА) проявил себя высококвалифицированным, творческим работником, читает лекции по гражданскому праву, предпринимательскому праву, коммерческому праву, международному гражданскому процессу, международному частному праву. Курс международного частного права был впервые введен в СГАП в 1993 г., и в течение 5 лет Н.А. Баринов был первым и единственным лектором по этому курсу.

Н.А. Бариновым написано около 200 научных работ, из них опубликовано в журналах «Государство и право», «Правоведение», «Советская юстиция», «Закон», «Право и политика», «Законы России: опыт, анализ, практика», в книгах, межвузовских сборниках, ученых записках и «Вестнике СГАП» более 170 работ. Им создано 12 монографий (8 написаны единолично и 4 — в соавторстве) и 25 книг и научных сборников — в соавторстве. Вышли в свет избранные труды.

Он являлся участником большого числа научно-практических конференций различного уровня, круглых столов и научных форумов в Москве, Санкт-Петербурге,

Екатеринбурге, Воронеже, Казани, Краснодаре, Самаре, Рязани, Уфе, Саратове и других городах, на которых им были сделаны содержательные доклады, выдвинуты концептуальные цели.

Н.А. Баринов являлся научным редактором многих научных изданий.

Он на высоком теоретическом и методическом уровне читал лекции студентам и аспирантам, проводил практические занятия с внедрением инновационных и воспитательных элементов, ориентированных на повышение качества успеваемости студентов по гражданскому, предпринимательскому праву, международному частному праву и международному коммерческому арбитражу.

Подготовленные Н.А. Бариновым учебно-методические пособия и практикумы и сейчас используются в учебном процессе, способствуя его организации с учетом современных требований и достижений науки и практики в общеобразовательном процессе.

Значительную работу Н.А. Баринов проводил и по научному редактированию монографий, научных сборников, докладов, статей, учебных пособий и других изданий, а также по подготовке отзывов на докторские и кандидатские диссертации.

Он являлся членом редколлегии 4 научных журналов – это «Философская и правовая мысль» (издатель Санкт-Петербургский научный центр РАН и Поволжский региональный юридический институт Саратовской государственной академии права); федеральный научно-практический журнал «Гражданское право» (Москва); научный журнал «Вестник Саратовской государственной академии права» (ныне – Вестник СГЮА).

Богатый личный научный, практический и преподавательский опыт позволили Н.А. Баринову сделать ряд важнейших научных выводов и положений с выходом на практику и законотворческую деятельность.

Н.А. Бариновым разрабатывались такие приоритетные (новые) направления науки, как:

- «Гражданское право и гражданское законодательство – основа правопорядка в сфере социально-экономических отношений»;
- «Потребительские отношения как особая категория имущественных отношений и элемент (составная часть) предмета гражданского права»;
- «Обеспечение и охрана имущественных потребностей граждан и их объединений».

В результате произведенных разработок:

- создана современная теория имущественных потребностей (в объектах собственности, имуществе, товарах, жилище, работах и услугах);
- обоснована концепция гражданско-правовых средств обеспечения удовлетворения имущественных потребностей;
- внесен вклад в разработку теории услуг как правовых средств: их понятие, определение, классификация и роль в удовлетворении имущественных потребностей;
- впервые в науке и практике им разработано понятие и сформулировано определение существенных недостатков в вещи (работе, услуге);
- создана цивилистическая доктрина существования правового института имущественных потребностей на базе теории имущественных потребностей и концепции правовых средств их обеспечения.

В рамках разрабатываемых научных направлений исследования проводились на базе кафедры гражданского и семейного права СГЮА, Саратовского филиала Института государства и права РАН, созданного с участием Н.А. Баринова Центра частноправовых исследований при кафедре гражданского и предпринимательского права Самарского государственного университета.

Кроме указанных научных разработок, в монографиях и научных статьях Н.А. Бариновым разработаны проблемы собственности, теоретические и практические проблемы антимонопольного законодательства, исходные начала становления и развития российской доктрины о защите прав потребителей, проблемы правовых основ формирования российского цивилизованного гражданского общества, основы создания и структуры современной модели Закона «Об обеспечении и охране имущественных потребностей граждан и их объединений», что свидетельствует о многоплановости и результативности рассмотренных проблем, его широкой эрудиции и творческой активности.

Научно-теоретические исследования приоритетных (новых) направлений науки явились базой создания Н.А. Бариновым своей научной школы «Обеспечение и защита имущественных прав и интересов (потребностей) граждан и их объединений», получившей признание юридической общественности России. Создание научной школы характеризуется также многочисленными ссылками на труды Н.А. Баринова в работах других авторов России и за ее пределами, а также развитием приоритетных направлений в научных трудах его учеников-воспитанников в 10 вузах России.

Научные разработки Н.А. Баринова внедрены в законотворческую практику (использованы при подготовке Гражданского кодекса РФ, Закона «О защите прав потребителей») и судебную практику (Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР №5 от 3 сентября 1974 г.).

Он активно участвовал в законопроектной работе. Так, Николай Алексеевич входил в состав рабочей группы по разработке Общей части Кодекса Российской Федерации об образовании, подготовленного Центром образовательного законодательства Министерства образования России.

Н.А. Баринов 27 мая 2008 г. участвовал в обсуждении проектов федеральных законов на выездном заседании Комитета Государственной думы Российской Федерации по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, проходившем в г. Саратове.

Н.А. Баринов проводил большую работу по воспитанию и подготовке научных кадров. Под научным руководством Н.А. Баринова защищена 21 кандидатская диссертация, и им было осуществлено научное консультирование по трем докторским диссертациям.

Более 30 лет Н.А. Баринов принимал участие в работе диссертационных советов по рассмотрению докторских и кандидатских диссертаций. Был ученым секретарем, заместителем председателя диссертационного совета. В последние годы жизни он являлся членом диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций: Д – 212.239.03 при ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». Он также принимал участие в работе других диссертационных советов (Москвы, Екатеринбурга, Краснодара и др.), выступая в качестве официального оппонента по докторским и кандидатским диссертациям.

Достаточно высокая оценка результатов научно-исследовательской, педагогической и общественной деятельности Н.А. Баринова содержится в многочисленных монографиях, диссертациях, авторефератах, научных сборниках и статьях, а также в письмах известных ученых. О нем имеются публикации в книгах, юридических энциклопедиях и справочниках, в сборнике стихов, в центральных и местных газетах.

Он постоянно поддерживал связь с практическими работниками правоохранительных органов, с органами прокуратуры, суда и МВД.

За вклад, внесенный в развитие науки гражданского права, гражданского законодательства и юридического образования, он награжден медалью А. Кони и признан юристом года Ассоциацией юристов России.

Н.А. Баринов всегда находился на передних рубежах отечественной юридической науки, в гуще всех событий.

Это о нем сказано:

Он – солдат Отечественной войны,
За правопорядок ветеран борьбы,
Педагог по призванию и сути,
Творец и слуга юридической науки.

***Валентина Дмитриевна Рузанова,**
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского
и предпринимательского права Самарского государственного университета*

***Татьяна Ивановна Хмелева,**
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского
и семейного права Саратовской государственной юридической академии*

СЛОВО О ПОБЕДИТЕЛЕ: БЕСПАЛЫЙ ИГОРЬ ТРОФИМОВИЧ

Игорь Трофимович Беспалый – это поистине корифей юридического образования Самарского региона, талантливый педагог и самобытный ученый, видный эксперт в области государственного и муниципального права России.

Игорь Трофимович – участник Великой Отечественной войны. Его жизнь наполнена многими замечательными событиями, его судьба – судьба послевоенного поколения, на долю которого выпало восстанавливать из руин разрушенные войной города и села, поднимать народное хозяйство.

После окончания Великой Отечественной войны И.Т. Беспалый навсегда связал свою жизнь с юриспруденцией. В 1953 году он с отличием окончил юридический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В этом же году он поступил в дневную аспирантуру Московского государственного университета, которую успешно окончил в 1956 году, защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Президиум Верховного Совета союзной республики».

Профессор Игорь Трофимович Беспалый имеет более чем 50-летний стаж научно-педагогической деятельности, он работал длительное время на должностях ассистента, старшего преподавателя и доцента во Всесоюзном юридическом заочном институте (на факультетах ВЮЗИ на Дальнем Востоке, в г. Куйбышеве).

С октября 1980 года Беспалый И.Т. – на юридическом факультете Куйбышевского государственного университета; сначала на должности доцента кафедры теории и истории государства и права и советского строительства, в последующем – на кафедре государственного и административного права, в 2001 году избран на должность профессора кафедры. С 1991 по 1995 годы он исполнял обязанности заведующего кафедрой государственного и административного права, в 1995 году был избран на эту должность по конкурсу.

Около 10 лет Игорь Трофимович являлся заместителем председателя Избирательной комиссии Самарской области, готовил экспертные заключения по сложным теоретическим и практическим вопросам правотворчества и правоприменения.

Сегодня Игорь Трофимович по-прежнему «в строю». Он преподает курс «Государственное (конституционное) право Российской Федерации», осуществляет научное руководство по дипломным работам.

Профессор И.Т. Беспалый награжден орденом Отечественной войны, за многолетнюю добросовестную педагогическую, научную и общественную деятельность поощрялся губернатором Самарской области, Самарской губернской думой, главой городского округа Самары.

*Денис Александрович Ильницкий,
старший преподаватель кафедры государственного и административного права
Самарского государственного университета*
*Сергей Анатольевич Осетров,
кандидат юридических наук, доцент-доцент кафедры государственного
и административного права Самарского государственного университета*

СЛОВО О ПОБЕДИТЕЛЕ: ВОЛКОДАЕВ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ

Волкодаев Николай Федорович родился 18 января 1924 г. в пос. Первомайском Кинель-Черкасского района Куйбышевской области в семье крестьянина. Окончил 7 классов и Кинель-Черкасский сельскохозяйственный техникум. В феврале 1942 г. был призван в армию. С марта по сентябрь 1942 г. — курсант первого Куйбышевского военно-пехотного училища. С октября 1942 г. до конца Великой Отечественной войны участвовал в боях на Сталинградском Юго-Западном и 3-м Украинском фронтах в качестве командира взвода противотанковых ружей, затем заместителя командира по строевой части, командира стрелковой роты. В боях был четыре раза ранен, в связи с чем находился на излечении в госпиталях. После выздоровления вновь направлялся на фронт в действующую армию.

После демобилизации из армии в декабре 1945 г. Н.Ф. Волкодаев некоторое время был преподавателем военной подготовки в Кинель-Черкасском техникуме.

В августе 1946 г., успешно сдав вступительные экзамены, он стал студентом Саратовского юридического института им. Д.И. Курского. После окончания института в 1950 г. Николай Федорович был направлен в Ростов-на-Дону, где работал членом Ростовского областного суда, а затем заместителем председателя областного суда.

В 1954 г. Н.Ф. Волкодаев перешел на работу в органы юстиции Куйбышевской области, занимая должности народного судьи 3-го участка Кировского района города Куйбышева, председателя Кировского районного народного суда города, зам. председателя Куйбышевского областного суда. Одновременно Николай Федорович учился в заочной аспирантуре Саратовского юридического института. В феврале 1969 г. он защитил кандидатскую диссертацию. С октября 1969 г. Н.Ф. Волкодаев — старший преподаватель кафедры уголовного права Куйбышевского факультета Всесоюзного юридического заочного института, с ноября 1971 г. — зам. декана факультета, а с октября 1974 г. — декан Куйбышевского факультета ВЮЗИ.

В октябре 1980 г. Куйбышевский факультет ВЮЗИ ликвидировали, а весь контингент преподавателей и студентов вошел в состав коллектива юридического факультета госуниверситета. Н.Ф. Волкодаев стал зам. декана по вечернему и заочному обучению. На этой должности он трудился до 1986 г., а с 1986 по 1999 гг. был доцентом кафедры.

Н.Ф. Волкодаевым опубликовано 26 научных работ, в том числе книга «Правовая культура судебного процесса» (Изд-во «Юридическая литература», 1980), 18 учебно-методических пособий и несколько научно-публицистических статей.

Н.Ф. Волкодаеву присвоены почетные звания «Заслуженный юрист Российской Федерации», «Ветеран труда». Награжден двумя орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, двенадцатью медалями, знаками «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», «Ветеран 628-й гвардейской армии», «Ветеран дивизии» (28-й гвардейской Харьковской дважды Краснознаменной стрелковой дивизии), «Фронтвик 1941–1945».

В 1999 г. Н.Ф. Волкодаев ушел на заслуженный отдых и занимался общественно-полезной деятельностью. Николая Федоровича не стало 6 мая 2010 г.

*Александр Александрович Напреенко,
заслуженный юрист РФ, кандидат юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой теории
и истории государства и права; международного права
Самарского государственного университета*

СЛОВО О ПОБЕДИТЕЛЕ: МАРКОВ ВАЛЕРЬЯН АНДРЕЕВИЧ

Валерьян Андреевич Марков родился 22 ноября 1927 года в Перми, в раннем детстве с родителями переехал в Куйбышев. В грозные сороковые 15-летним мальчишкой В.А. Марков был направлен в группе таких же, как он, подростков-добровольцев, рвавшихся на фронт, в знаменитую на весь Советский Союз Соловецкую школу юнг. Здесь в условиях совсем не детских испытаний в характер маленького Валерьяна закладывались лучшие мужские качества, сослужившие впоследствии неоценимую службу не только самому В.А. Маркову, но и всем, кто был рядом: стойкость в преодолении жизненных тягот, верность данному слову, неизменное чувство товарищества и великолепное чувство юмора, несмотря ни на что, а также замечательный дар рассказчика-балагура — души любой компании.

Из школы юнг В.А. Марков, которому не было и 17 лет, попадает на фронт, где до конца войны матросом торпедного катера служит сначала на Северном флоте, затем во Второй Краснознаменной бригаде торпедных катеров на Черноморском флоте, потом проходит пол-Европы (через Болгарию, Румынию, Венгрию) в составе Дунайской флотилии торпедных катеров до столицы Австрии Вены. География ратных подвигов куйбышевского мальчишки сегодня «читается» по медалям, украшающим грудь ветерана: «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены». Но география — это только малая часть суровой действительности тех лет: Заполярье — это единственное место на карте Советского Союза, где врагу не было отдано ни пяди советской земли, где ценой нечеловеческих усилий до конца Великой Отечественной войны не была нарушена государственная граница. Городу Мурманску звание города-героя было присвоено лишь через 30 лет после Победы, но кто знает, была ли вообще возможна эта победа, если бы мурманский порт, единственный не замерзающий порт на Севере России, не обеспечивал бы поставки продовольствия, медикаментов и всего необходимого для фронта и тыла от стран-союзниц по антигитлеровской коалиции. И кто знает, была ли возможна Великая Победа, если бы эта земля и это море не были пропитаны кровью и потом многих тысяч советских воинов, сотен таких же мальчишек, как юный Валерьян Марков. У В.А. Маркова было много фронтовых наград, среди которых орден Отечественной войны, но с особой гордостью, как любой моряк, он носил самую редкую из них — медаль адмирала Ушакова, которой награждали только матросов и старшин за участие в морских боевых операциях.

После победы В.А. Марков продолжил службу на флоте — в составе Шестого Краснознаменного Керченского дивизиона морских охотников, но давняя мечта о работе в правоохранительных органах приводит его вновь в город Куйбышев, на факультет Всесоюзного юридического заочного института, который был успешно им окончен в 1958 году. С 1959 года В.А. Марков работает экспертом-криминалистом в созданной при его непосредственном участии Куйбышевской научно-исследовательской лаборатории судебных экспертиз Министерства юстиции СССР. Сегодня эта лаборатория — один из ведущих центров судебных экспертиз России.

В 1964 году в жизни В.А. Маркова происходят два важнейших события. Он встречает верную спутницу жизни — Евгению Ивановну, ставшую не только любимой женщиной на долгие годы, но и коллегой по работе, надежным помощником во всех жизненных свершениях. В этот же год супруги Марковы переезжают в Красноярск, где Валерьян Андреевич начинает свою педагогическую и научную карьеру. Работая экспертом Красноярской лаборатории судебных экспертиз, он преподаёт криминалистику в Красноярском филиале Томского государственного университета, а затем — в созданном на его базе Красноярском государственном университете. Здесь же

В.А. Марков оканчивает Высшие курсы усовершенствования юристов, отделение судебных экспертов. За успехи в экспертной деятельности и повышении профессиональной квалификации награждается ценным подарком министром юстиции СССР. Без отрыва от экспертной и преподавательской работы В.А. Марков учится в аспирантуре Всесоюзного научно-исследовательского института судебных экспертиз в Москве, по окончании которой в 1971 году в диссертационном совете Свердловского юридического института блестяще защищает кандидатскую диссертацию на крайне редкую по тем временам тему: «Криминалистическое исследование документов, отпечатанных на специальных печатающих аппаратах». Опытнейший практик, обогащенный знанием теории криминалистики, В.А. Марков долгие годы впоследствии трудится в системе высшего юридического образования, привнося в студенческую аудиторию свое знание реальной практики борьбы с преступностью, жизненный и профессиональный опыт, общую эрудицию и житейскую мудрость.

В 1972 году супруги Марковы возвращаются в Куйбышев, где продолжают преподавательскую деятельность. Валерьян Андреевич с 1972 по 1977 годы работает на кафедре криминалистики Куйбышевского факультета ВЮЗИ, затем – в Куйбышевском государственном университете. В.А. Марков благодаря трудолюбию и личному обаянию снискал себе славу одного из наиболее опытных и авторитетных преподавателей Самарского государственного университета и Самарской гуманитарной академии.

В.А. Марков стал автором более 40 опубликованных научных работ, а также 3 учебных пособий, представляющих интерес не только для студентов, аспирантов и преподавателей, но и для практических работников. В 2001 году В.А. Маркову было присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Валерьян Андреевич Марков навсегда останется в памяти своих коллег из числа профессорско-преподавательского состава юридического факультета Самарского государственного университета.

*Александр Алексеевич Тарасов,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Института права Башкирского государственного университета*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.142

М.Ю. Спири́н, Е.В. Ма́рына*

СУДЕЙСКОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

В статье анализируются и сопоставляются термины «источник права» и «форма права», изучается проблема существования судебного прецедента в России, рассматривается возможность признания решений высших судов в качестве судебного прецедента.

Ключевые слова: судебный прецедент, судебная власть, источник права, форма права, судья, уголовные дела, судебная практика.

Правовая система каждого общества характеризуется как общими, схожими, так и уникальными чертами, придающими ей принципиальное своеобразие и юридический шарм. Значительную роль при этом играют используемые в соответствующей правовой системе формы права. Они, с одной стороны, выступают важным критерием отнесения конкретной национальной правовой системы к наднациональной группе правовых систем (наднациональному праву; правовой семье), являются определенным «наднациональным правовым символом», а с другой стороны, позволяют отграничивать существенные особенности одной национальной правовой системы от другой, входящей в соответствующую наднациональную группу.

В этой связи уместно вновь обратиться на известную дискуссию в среде теоретиков права, а также отраслевых специалистов о соотношении категорий «источник права» и «форма права» [1, с. 23; 2, с. 29–58]. В смысле релятивных итогов данной дискуссии конкретно-исторические материальные и социальные источники права необходимо рассматривать в качестве своеобразного «предправа», основы последующего нормативного правового регулирования [3, с. 39]. В то же время формально-юридический источник выступает в роли важного элемента механизма право-

---

* © Спири́н М.Ю., Ма́рына Е.В., 2015

Спири́н Михаи́л Юрьевич (smu@samaradom.ru), кафедра теории и истории государства и права; международного права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1;

Ма́рына Евге́ния Влади́мировна (evgeniya.maryina@legalclinic.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

вого регулирования, средства закрепления системы общеобязательных правил поведения в конкретных писанных нормах, имеющих познаваемую субъектом реализации права внешнюю оболочку. Философско-теоретический подход в данном случае представляется гораздо более аргументированным по сравнению с узкой отраслевой догматикой. Это имеет известное значение и по существу нашего вопроса, поскольку теория «живого», «жизненного права» должна опираться именно на отдельное рассмотрение источника права как социальной основы правового регулирования и формы права как догматического и формального закрепления воли органов публичной власти [4, с. 20, 23].

Таким образом, сама форма права предполагает два аспекта своего восприятия: с одной стороны, мы оцениваем правовые нормы с точки зрения их структурного единства и сочетаемости между собой (внутренняя форма), а с другой стороны, необходимо иметь в виду внешнюю оболочку правового акта как волевого решения, обязательного к исполнению соответствующими субъектами (внешняя форма). Именно в данном значении нужно рассматривать судебный прецедент: как социальный источник права и одновременно как одну из разновидностей его (права) внешней формы.

Сравнительно-правовое изучение процесса развития национальных правовых систем приводит нас к выводу об универсальном характере судейского права. Мы видим его проявление еще в древних манускриптах Месопотамии и Китая, на различных исторических этапах развития греческой и римской цивилизации, наблюдаем его ярко выраженный характер в английской правовой системе, а также в правовых системах различных традиционных обществ. В принципе заметную роль такого права можно увидеть и в современных правовых системах романо-германского типа.

Как известно, развитие идеи судейского правотворчества стало возможным лишь при активном вмешательстве институтов государственной власти в процесс модернизации правовой системы. Наиболее очевидно это выразилось в свое время в английском праве постнормандского периода посредством последовательного возникновения и развития учреждений королевской и канцлерской юстиции. Данный процесс можно противопоставить доктрине поиска «идеального права», которая реализовывалась в старых европейских университетах в процессе социально обусловленной рецепции римского частного права. По сути, судейское право континентальной Европы становится непохожим на английский аналог по двум основным причинам: в силу развития отдельных догматических установок видоизмененного римского права, а также под воздействием быстрого формирования вначале феодальных, а затем и буржуазных национальных законодательных (кодифицированных) систем права.

Важно отметить тот факт, что российская правовая система большую часть своей истории развивалась под сильнейшим влиянием византийских правовых и публично-властных традиций [5, с. 101–103] и в этом смысле обладает ярко выраженным приоритетом государственно-властного регулирования и идеологического влияния на сугубо правовые ценности и институты квазисудебных идей, выраженных в ортодоксальном направлении христианской веры и на уровне общинных, общественных представлений о «мире» и «правде» в условиях российской цивилизации.

Рассматривая исторический аспект данной проблемы, необходимо обратить внимание на попытки проявления судейской самостоятельности в вопросе формирования права как в дореволюционной, так и в советской России. Соответствующая судебная практика постоянно систематизировалась, изучалась и оказывала во многих случаях непосредственное влияние на разрешение судьями соответствующих дел. Исследователи данного вопроса традиционно обращают особое внимание на обязательный характер руководящих разъяснений высших судебных инстанций России XIX–XX вв. (акты кассационных департаментов Правительствующего Сената, акты Пленума Верховного Суда СССР). В современных условиях существования российской правовой системы доктринальное и практическое значение имеют постановления Пленума Вер-

ховного Суда РФ, которые систематизируются, публикуются и составляют важную часть профессиональной библиотеки любого российского судьи.

В то же время, обращаясь к такой категории, как судебный прецедент, мы должны рассматривать сложившуюся правовую ситуацию несколько более широко, с учетом значимых решений по существу, вынесенных президиумами и коллегиями судов высшего и среднего звена, а также опубликованных и имеющих значительный общественный резонанс решений судов первой инстанции. Соответствующие принципы судебно-правового регулирования предусматриваются действующим законодательством о судостроительстве и судопроизводстве.

Анализируя современные научные споры о роли прецедентного права в современной России, необходимо отметить существование двух принципиальных позиций по поводу судебного права как такового и трех точек зрения на российский судебный прецедент [6, с. 7].

На различных полюсах оценки прецедентного права располагаются философско-теоретический и отраслевой подходы. В целом можно заметить, что широкий по своему характеру теоретический подход к судейскому праву способствует более разностороннему пониманию характера любой национальной правовой системы, в том числе и российской, в то время как узкий отраслевой подход искусственно упрощает картину механизма правового регулирования и сводит ее по большей части на уровень законодательного и ведомственного нормативного правового регулирования.

Вместе с тем было бы неверно утверждать, что представители отраслевых юридических наук в целом отвергают идею прецедента; в этом смысле стоит говорить об отдельных отраслевых школах (особенно в рамках уголовного права), представители которых критически относятся к регулятивному значению судебного прецедента в правовой системе современной России. Анализируя мнения отечественных правоведов, можно сделать вывод о существовании трех основных точек зрения по поводу значения судебного прецедента в правовой системе России: во-первых, в качестве обязательных прецедентов толкования права признаются руководящие разъяснения пленума высшей судебной инстанции (в значении ст. 126 Конституции РФ) [8, с. 99, 171, 209–212, 313–315]; во-вторых, прецедентами права признаются руководящие разъяснения соответствующего пленума, а прецедентами факта – решения Президиума и коллегий Верховного Суда РФ, президиумов судов общей юрисдикции в субъектах РФ (т. н. «кассационные и надзорные прецеденты») [2, с. 385–397]; в-третьих, обязательность правила прецедента в российском праве не признается вовсе [8, с. 238–240, 265–272; 9, с. 49–50].

Очевидно, что точка зрения на непризнание регулятивного значения судебного (как и иного юридического) прецедента постепенно становится менее распространенной. Существование этой позиции составляет не столько надлежащая научная обоснованность ущербности регулятивных свойств прецедента, сколько объективно имеющее место исторические и идеологические причины непризнания данной формы права. В связи с этим позиция данной, пока еще довольно многочисленной, группы ученых и практиков входит в противоречие с имеющими место закономерностями распространения и признания соответствующего правила прецедента в современной романо-германской наднациональной правовой системе (в особенности в континентальной Европе) [10]. Исходя из данной логики, приобретающие все большее значение для цивилизованных европейских правовых систем постановления Европейского суда по правам человека, по сути создающие систему паневропейского прецедентного права, не должны иметь юридического значения в России, что порождает известные формально-юридические и философские вопросы [9, с. 49–50].

Анализ теории и практики создания и реализации судейского права в современной российской правовой системе должен производиться на различных уровнях. С одной стороны, мы должны руководствоваться достижениями современной философии пра-

ва и юридической социологии, рассматривая судебную практику как т. н. «живое право» («справедливое право», «право юристов»). С другой стороны, опираясь на достижения теоретико-правовой мысли, необходимо иметь в виду перманентно возрастающее значение социологической теории права в условиях реального правового регулирования общественных отношений в современной России. С третьей стороны, нужно учитывать те изменения, которые появляются в отечественном писаном праве (как на уровне федерального законодательства, так и в рамках производимых обобщений судебной практики) по поводу значения самого принципа юридического (в том числе судебного) прецедента.

Также следует принимать во внимание тенденцию смены поколений в современном российском судебном корпусе, в условиях которой многие судьи формируют свои решения по существу дела, руководствуясь известной им судебной практикой, и лишь формально ссылаются в необходимых случаях на положения нормативных правовых актов.

Таким образом, стоит согласиться с мнением В.Н. Синюкова по поводу оценки принципиальных вариантов пути развития современного российского права [11]. Насколько нуждам отечественного правового регулирования соответствует известное копирование «холодно-рациональных» элементов романо-германского права, созданных в континентальной Европе в качественно иных социально-экономических условиях? Либо более рациональной была бы реализация стремления включить видоизменяющееся право в систему реально действующих социальных регуляторов современного российского общества? Данные вопросы предполагают известную дискуссию и аргументацию своей позиции каждой группой сторонников той или иной точки зрения. В то же время очевидно, что как на теоретическом уровне осмысления действующей правовой реальности, так и на уровне текущей юридической практики право только тогда будет выступать в качестве успешно действующего регулятора общественных отношений, когда оно будет восприниматься в качестве «естественно действующего» средства регулирования человеческого поведения. Право не должно быть неким «холодным», недостижимым бюрократически-нормативным образцом. Оно должно быть близко и понятно всем субъектам соответствующих отношений. А в этом случае совершенно естественно повышается роль именно судебной практики, формулирующей нормы «живого права», и той части правовой системы, которую принято именовать судебским правом.

Так, на сегодняшний день весьма актуальным остается вопрос отсутствия единообразного применения нормы уголовного закона при выборе вида и меры наказания. До внесения изменений в Уголовный кодекс РФ и введения кратных штрафов существовала определенная негативная практика. Например, П. была осуждена по ч. 1 ст. 290 УК РФ к штрафу в размере 100 000 руб. за получение взятки в сумме 1500 руб. Позже приговор был изменен судебной коллегией по уголовным делам Самарского областного суда и наказание в виде штрафа было снижено до 10 000 руб. [12, с. 192]. А высокопоставленный чиновник Республики Мордовия Р. получил взятку в размере 2 300 000 руб., в качестве дополнительного наказания ему был назначен штраф в размере 500 000 руб. [13]. Подобных расхождений можно было бы избежать, если бы судебный прецедент в уголовном праве признавался. Несмотря на то что идея кратных штрафов, закрепленная в нормах действующего уголовного закона, направлена на уравнивание прав осужденных, санкция нормы ст. 290 УК РФ по-прежнему остается альтернативной, и ничто не мешает судье выбрать первый вид наказания, а именно «штраф в размере до одного миллиона рублей» или «лишение свободы на срок до трех лет со штрафом в размере от десятикратной до двадцатикратной суммы взятки или без такового». Данные по изученным нами материалам уголовных дел показывают, что какие-либо единые подходы при назначении наказания за это преступление отсутствуют. Из 50 изученных уголовных дел по ст. 290 УК РФ в 90 %

случаев сумма взятки не превышала 30 000 руб., а наказание назначалось в виде лишения свободы условно.

Что касается дачи взятки (ст. 291 УК РФ), то из 60 изученных уголовных дел (в которых преобладали случаи покушения на дачу взятки) сумма взятки не превышала 5000 руб. Ни один из виновных не был приговорен к реальному лишению свободы. В 32,4 % в качестве наказания применялся штраф (от 2500 до 103 000 руб.), в 67,4 % – лишение свободы условно (от 6 месяцев до 3 лет 6 месяцев). Так, О. был осужден за покушение на дачу взятки в размере 1500 руб. за несоставление в отношении него протокола об административном правонарушении к штрафу в размере 100 000 руб. [14]. По материалам другого дела, А. в целях уклонения от административной ответственности пытался передать денежные средства в размере 2 200 руб., за что был приговорен к 2 годам лишения свободы условно [15]. Следовательно, единообразно понимаемая прецедентная практика могла бы предотвратить хотя бы явные, вопиющие в обществе идеи как глобального верховенства права, так и формальной законности, случаи вольного применения санкций уголовно-правовых норм судами различных субъектов Федерации и разных уровней судебной системы.

Также достаточно принципиальным остается вопрос об отнесении судебного прецедента (судебной позиции) или результата обобщения судебной практики к акту правотворчества. Насколько можно воспринимать решение судьи по конкретному делу в качестве акта, содержащего нормы права, не просто подлежащие применению по данному делу, но в виде формы нового права? Ответ на этот вопрос фактически создает (или подтверждает) определенную правовую традицию и способен принципиально поменять отношение к содержанию принципа верховенства права в части определения основных типов правотворческой деятельности по созданию эффективных систем правовых норм. В то же время российская правовая доктрина (особенно в отраслевых юридических науках) чаще всего по-прежнему формулирует отрицательный ответ на данный вопрос.

Библиографический список

1. Гурова Т.В. Источники российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 25 с.
2. Марченко М.Н. Источники права. М.: Проспект, 2005. 760 с.
3. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974. 256 с.
4. Морозова Л.А. Еще раз о судебной практике как источнике права // Государство и право. 2004. № 1. С. 19–23.
5. Алексеев С.С. «Семьи» права и вопросы правовой конвергенции. М.: Статут, 2003. 480 с.
6. Гурова Т.В. Судебный прецедент как формальный источник права и его место в системе источников права в России // Атриум. Сер.: Юриспруденция. 1997. № 3.
7. Гук П.А. Судебный прецедент: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2009. 128 с.
8. Источники российского права: вопросы теории и истории / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма, 2005. 336 с.
9. Лукьянова Е.Г. Глобализация и правовая система России (основные направления развития). М., 2006. 112 с.
10. Добрачев Д.В. Роль судебной практики в современном арбитражном процессе // Адвокат. 2003. № 9. С. 11–22.
11. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд. М.: Норма, 2010. 672 с.
12. О результатах обобщения судебной практики по делам о преступлениях, связанных с коррупцией, за 2007 год // Вестник прокуратуры Самарской области. 2007. № 4.
13. Российская газета. 2010. 13 апреля.
14. Архив Кинельского районного суда Самарской области за 2010 г. Уголовное дело № 1-143/2010.
15. Архив Советского районного суда г. Самары за 2010 г. Уголовное дело № 1-271/2010.

References

1. Gurova T.V. *Istochniki rossiiskogo prava. Avtoref. diss. ... kand. iurid. nauk* [Sources of Russian law: Extended abstract of Candidate's of Law]. Saratov, 1998, 25 p. [in Russian].
2. Marchenko M.N. Sources of law. M., Prospect, 2005, 760 p. [in Russian].
3. Nashitz A. Law-making. Theory and legislative technique. M., 1974, 256 p. [in Russian].
4. Morosova L.A. Once again about judicial practice as a source of law. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2004, no. 1, pp. 19–23 [in Russian].
5. Alekseev S.S. «Families» of law and issues of legal convergence. M., Statut, 2003, 480 p. [in Russian].
6. Gurova T.V. Judicial precedent as a formal source of law and its place in the system of law sources in Russia. *Atrium. Seriya «Jurisprudentsiia»*. [Atrium. Series «Jurisprudence»]. 1997, no. 3 [in Russian].
7. Guk P.A. Judicial precedent: theory and practice. M., Iurlitinform, 2009, 128 p. [in Russian].
8. Sources of Russian law: issues of theory and history. M.N. Marchenko (Ed.). M., Norma, 2005, 336 p. [in Russian].
9. Lukyanova E.G. Globalization and Russian legal system (basic directions of development). M., 2006, 112 p. [in Russian].
10. Dobrachev D.V. Court practice in modern arbitral process. *Advokat* [Lawyer], 2003, no. 9, pp. 11–22 [in Russian].
11. Sinukov V.N. Russian legal system. Introduction into the general theory. M., Norma, 2010, 672 p. [in Russian].
12. About the results of generalization of judicial practice in matters about the crimes related to the corruption, for 2007. *Vestnik prokuratury Samarskoi oblasti* [Vestnik of public prosecutor's office of the Samara Region], 2007, no. 4 [in Russian].
13. Rossiiskaia gazeta, 2010, April 13.
14. Archive of the Kinel district court of the Samara Region for 2010 year. Criminal case № 1–143/2010 [in Russian].
15. Archive of the Soviet district court of the Samara City for 2010 year. Criminal case № 1–271/2010 [in Russian].

M.Yu. Spirin, E.V. Maryina*

JUDICIAL LAW IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT PROSPECTS OF RUSSIAN LEGAL SYSTEM

The article deals with such terms as «source of law» and «form of law» that are analyzed and compared. The problem of judicial precedent in Russia is studied. The possibility of recognition of superior courts' decisions as judicial precedents is considered.

Key words: judicial precedent, judicial authority, source of law, form of law, judge, criminal cases, court practice.

---

* *Spirin Mikhail Yurievich* (smy@samaradom.ru), Department of Theory and History of State and Law; International Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

Maryina Evgeniya Vladimirovna (evgeniya.maryina@legalclinic.ru), Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

УДК 341.1/8

М.В. Шмелева*

ПРОБЛЕМЫ НЕСОГЛАСОВАННОСТИ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Рассматривается значение международно-правовой политики, основанной на нормах международного права, и задач такой политики в жизни современного общества. Делается вывод о том, что взаимодействие внутригосударственного и международного права не только должно оказывать благотворное влияние на национальное законодательство, но и фактически менять всю правовую систему путем имплементации международно-правовых норм в национальных правовых системах.

Ключевые слова: международно-правовая политика, международное право, безопасность, субъекты международных отношений.

Современный мир переживает глобальные и динамичные изменения, глубоко затрагивающие не только интересы Российской Федерации, но и других стран. В новом мире, в котором появилась прозрачность государственных границ и стерлись различия между внутригосударственными и международными средствами обеспечения национальной безопасности, международно-правовая политика должна стать одним из важнейших инструментов поступательного развития. В связи с этим большое значение приобретает разработка не только целей международно-правовой политики, но и задач такой политики в решении глобальных проблем.

С учетом того факта, что международно-правовая политика призвана решать множество глобальных и сложных проблем, ее приоритетами следует считать наиболее важные, требующие незамедлительного решения задачи, которые являются единственными для большинства субъектов международных отношений и в максимальной степени способствуют реализации поставленных перед такой политикой целей.

---

* © Шмелева М.В., 2015

Шмелева Марина Владимировна (civil2012@mail.ru), кафедра гражданского и международного частного права, Саратовская государственная юридическая академия, 410028, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 16.

Представляется очевидным, что основные актуальные задачи международно-правовой политики вытекают из потребностей человека, общества и государства, обусловленных современными экономическими условиями.

Потребности человека в первую очередь связаны с удовлетворением так называемых «базовых потребностей», в частности, таких, как быть здоровым и получать качественную медицинскую помощь, жить в безопасности, иметь возможности для самореализации, духовного и интеллектуального развития и т. д. Другими словами, всеми государствами должны не только декларироваться права и свободы, гарантируемые международными договорами, но и практически реализоваться.

Потребности общества находят свое отражение в достижении социального согласия, справедливости в распределении общественных благ, росте благосостояния населения, создании органов общественного контроля, сохранении благоприятной окружающей среды.

Интересы государства в первую очередь сосредоточены на развитии плодотворного и взаимовыгодного экономического сотрудничества, укреплении своей позиции на международной арене, защите собственной независимости и территориальной целостности.

На основании вышеизложенного задачами международно-правовой политики, на наш взгляд, являются:

- а) обеспечение систематизации и объединения научных взглядов и практических подходов в области правового регулирования международных отношений;
- б) неуклонное соблюдение всеми государствами общепризнанных принципов и норм международного права, положений международных договоров;
- в) обеспечение согласованности внутригосударственного и международного права;
- г) рациональное реформирование и совершенствование международного законодательства;
- д) становление справедливых и равных условий международного обмена товарами, работами и услугами;
- е) повышение эффективности деятельности международных организаций;
- ж) выстраивание эффективного взаимодействия между участниками международных отношений;
- з) обеспечение экологической безопасности.

Одной из важнейших из вышеперечисленных задач международно-правовой политики выступает обеспечение согласованности внутригосударственного и международного права, поскольку решение именно этой задачи позволит гарантировать исполнимость норм международного права во всех государствах.

Так, значительной негативной характеристикой действующей международно-правовой политики можно назвать высокий уровень несогласованности внутригосударственных актов и международных договоров.

Взяв в качестве примера Российскую Федерацию, можно отметить, что даже Основной закон России – Конституция РФ не лишен противоречащих друг другу статей. Не говоря уже о том, что в сфере взаимодействия российского и международного права нет четкого понимания круга принципов и норм международного права, подлежащих обязательному исполнению в Российской Федерации в силу п. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Так, введение в правовую систему Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров неизбежно породило проблему соотношения юридической силы внутригосударственных и международно-правовых норм.

Действующие законодательные акты России во многом повторяют положение Конституции РФ о соотношении международных и национальных норм, а в отдельных отраслях дополняют, развивают или даже изменяют это положение.

Так, Уголовный кодекс РФ в части 2 статьи 1 предусматривает положение о том, что «настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права», тем самым опуская провозглашенное Конституцией РФ правило о том, что в случае противоречия норм международного договора и норм российского закона должны применяться нормы международного договора. Использование такой нормы в Уголовном кодексе РФ приводит к двоякому пониманию. С одной стороны, мы можем понять это как установление законодателем изъятия из общего правила, установленного Конституцией РФ. С другой стороны, несмотря на то, что эта норма не воспроизводит положение, предусмотренное Конституцией РФ, мы должны учитывать, что международно-правовые нормы имеют приоритет над уголовно-правовыми нормами российского права в силу общего приоритета конституционно-правовых норм. Представляется очевидным, что такие недостатки законодательной техники ведут к определенным проблемам правильного применения международного законодательства.

Кроме того, указанные нормативные источники также не дают ответа на вопрос: какие международные договоры, принципы и нормы международного права обладают приоритетом над российскими законами и над актами какой юридической силы? Существуют ли границы этого приоритета?

Указанной проблемой обеспокоены в теории права. Так, Т.М. Пряхина пишет о том, что существует проблематичность уяснения понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права», а также трудности с интерпретацией вышеназванной конституционной нормы [1, с. 505].

Попытки ответа на указанный вопрос мы можем встретить в судебной практике. В *пункте 8* Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» разъяснено, что правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении законов Российской Федерации [2]. А правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято не в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти или уполномоченной организацией, заключившими данный договор (*часть 4 статьи 15, статьи 90 и 113 Конституции РФ*).

Таким образом, в постановлении речь идет только о ратифицированных международных договорах, в нем не упоминается о приоритете общепризнанных принципов и норм международного права, выраженных в какой-либо другой форме, например, в форме не ратифицированного Российской Федерацией международного договора, но содержащего общепризнанные международно-правовые нормы.

В большинстве других судебных решений, как правило, дублируется положение Конституции РФ без какого-либо обоснования.

По правильному замечанию С.Ю. Марочкина, «преобладающая пока тенденция: суды “автоматически” приводят те или иные договоры в качестве общепризнанных без какой-либо аргументации, возможно, в силу их известности или частой упоминаемости на разных уровнях и по разным поводам (чаще всего международные пакты о правах человека). Но в этом же ряду и регулярные ссылки, например, Конституционного Суда РФ на Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Данная

Конвенция является региональным (европейским) договором, и здесь особенно необходима аргументация отнесения ее норм к общепризнанным» [3, с. 240].

В связи с этим на практике неизбежно правоприменителями – судьями, прокурорами, адвокатами, сотрудниками органов исполнительной власти, юристами – будут допускаться ошибки.

В литературе по рассматриваемому вопросу широко известной является точка зрения о том, что понятие «общепризнанные принципы и нормы» охватывает основные принципы международного права и отраслевые общепризнанные нормы, то есть правила поведения, которые признаются юридически обязательными всеми или большинством государств и в отношении которых имеются доказательства явно выраженного (международный договор) или молчаливого (международно-правовой обычай) согласия государства [4]. Однако, на наш взгляд, такая позиция, является не совсем обоснованной, поскольку не решает проблем правоприменения международно-правовых норм.

В рекомендациях Всероссийского совещания в г. Москве Конституционному Суду РФ было предложено подготовить и издать систематизированное собрание своих правовых позиций по применению общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров в целях их эффективного использования в работе органов государственной власти, особенно судебных органов [5]. Возможно, такое собрание правовых позиций помогло бы решить указанную проблему.

Второй негативной характеристикой международно-правовой политики можно назвать отсутствие четкого механизма преодоления возникающих коллизий между международно-правовыми нормами и национальными нормами права. Можно говорить о том, что органы власти государств, используя это обстоятельство, зачастую уклоняются от следования международным принципам и нормам.

На наш взгляд, международно-правовая политика должна основываться на том положении, что внутригосударственное право не может противоречить международному. Как правильно заметил В.А. Карташкин, «принципы и нормы международного права реализуются каждым государством, взявшим на себя определенные международно-правовые обязательства, с помощью своего национального законодательства. Внутреннее право конкретизирует эти обязательства, определяет круг органов и лиц, ответственных за выполнение норм международного права» [6, с. 190–191]. Другими словами, внутреннее право может только разъяснить или дополнить нормы международного права, но не может противоречить ему.

Более того, на наш взгляд, международное право должно занимать строго определенное место в иерархии внутригосударственных нормативных правовых актов. Правоприменитель должен четко осознавать, какой это международный акт и какой юридической силой он обладает, и, соответственно, правильно его применять. Если же будут выявлены противоречия между внутригосударственным и международным нормативными актами, обладающими одинаковой юридической силой, государство обязано принять все необходимые меры для приведения своего внутреннего порядка в соответствие с принятыми на себя таким государством международными обязательствами.

Об этом уже в 1901 году писал П.Е. Казанский. В частности, он отмечал, что «нормы внутригосударственного права не могут нарушать нормы международного и что в случае их несоответствия первые надо изменить» [7, с. 264].

Такую точку зрения разделяют и современные авторы. Так, И.Г. Сердюкова в своей диссертационной работе указывает, что «при построении разумной правовой политики на международном уровне России как суверенному государству и полно-

правному участнику международных отношений следует согласовывать свое внутреннее законодательство с международными стандартами» [8, с. 26].

Таким образом, международное и внутригосударственное право активно взаимодействуют между собой, вступая порой в противоречие друг с другом. Для того чтобы это противоречие исключить или максимально нивелировать, государствам как главным создателям как национально-правовых, так и международно-правовых норм необходимо воплощать в таких нормах взаимосогласованные интересы. В этой связи не вполне можно согласиться с точкой зрения Б.Л. Зимненко, который пишет, что «если государство перестает по тем или иным причинам быть участником международного договора, содержащего общепризнанные нормы, то последние остаются обязательными для данного государства как общее международное право» [9, с. 11]. Так, возникают очевидные вопросы: как можно обязать государство исполнять нормы международного договора, которые в настоящее время не отражают его экономические интересы, и какие при этом международные договоры будут считаться общепризнанными? На основании вышесказанного считаем, что возложение на государство обязанностей исполнять прекратившие действие договоры нарушает основное правило международного правопорядка – добровольное принятие государствами на себя международно-правовых обязательств.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что международно-правовые нормы содержат социальные и экономические стандарты, уровню которых должно в идеале соответствовать национальное законодательство любого государства, и способствуют унификации (интернационализации) законодательства в разных странах. Следовательно, взаимодействие внутригосударственного и международного права должно не только оказывать благотворное влияние на национальное законодательство (юридическое воздействие), но и фактически менять всю правовую систему государств (фактическое воздействие) путем имплементации международно-правовых норм, доказавших свою эффективность и имеющих международное признание, в национальных правовых системах.

Библиографический список

1. Пряхина Т.М. Международно-правовая политика современной России. М., 2003. 528 с.
2. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (в ред. от 5 марта 2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.
3. Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. М.: Норма, 2011. 288 с.
4. Тиунов О. И. Международное гуманитарное право. М., 1998.
5. Рекомендации о применении общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров (приняты на Всероссийском совещании в г. Москве 24 декабря 2002 г.) // Российская юстиция. 2003. № 3.
6. Карташкин В.А. Права человека и развитие межгосударственных отношений в XXI в.: права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под общ. ред. Е.А. Лукашевой. М., 2002.
7. Казанский П.Е. Введение в курс международного права. Одесса, 1901.
8. Сердюкова И.Г. Международно-правовая политика современной России в сфере осуществления прав и законных интересов человека: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 168 с.
9. Зимненко Б.Л. Нормы международного права в правовой системе Российской Федерации // Международное публичное и частное право. 2003. № 3.

References

1. Pryakhina T.M. International and legal policy of modern Russia. M., 2003, 528 p. [in Russian].
2. On the application by the courts of general jurisdiction of generally recognized principles and norms of international law and international contracts of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of RF dated 10 October, 2003 no. 5 (as amended on 5 March, 2013). *Biulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2003, no. 12 [in Russian].
3. Marochkin S.Yu. Execution and application of norms of international law in the legal system of the Russian Federation. M., Norma, 2011, 288 p. [in Russian].
4. Tiunov O.I. International humanitarian law. M., 1998; Bekyashev K.A. International public law. M., 1999 [in Russian].
5. Guidelines on the application of universally recognized principles and norms of international law and international treaties (adopted at the all-Russia conference, Moscow, 24 December, 2002). *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian justice], 2003, no. 3 [in Russian].
6. Kartashkin V.A. Human rights and the development of interstate relations in the XXI Century: human rights: final results of the century, trends and prospects. E.A. Lukasheva (Ed.). M., 2002 [in Russian].
7. Kazanskiy P.E. Introduction in the course of international law. Odessa, 1901 [in Russian].
8. Serdyukova I.G. *Mezhdunarodno-pravovaya politika sovremennoy Rossii v sfere osuschestvleniya prav i zakonnykh interesov cheloveka: obshcheteoreticheskiy aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk* [International and legal policy of modern Russia in the sphere of application of rights and legal interests of a person: general and theoretical aspect: Candidate's of Law thesis]. Krasnodar, 2008, 168 p. [in Russian].
9. Zimnenko B.L. Norms of international law in the legal system of the Russian Federation. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* [International public and private law], 2003, no. 3 [in Russian].

M.V. Shmeleva*

PROBLEMS OF INCONSISTENCY OF DOMESTIC AND INTERNATIONAL LAW AND SOLUTIONS OF THESE PROBLEMS

The author considers the importance of international law policy, based on the norms of international law, and tasks of this policy in the life of modern society. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the interaction of domestic and international law, will have a positive impact not only on national legislation, but actually to change the whole law system of states through the implementation of international law norms in the national law system.

Key words: international law policy, international law, security, subjects of international relations.

---

* *Shmeleva Marina Vladimirovna* (civil2012@mail.ru), Department of Civil and International Private Law, Saratov State Law Academy, 16, Vol'skaya Street, Saratov, 410028, Russian Federation.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 342.97

В.Э. Волков*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ»

В статье рассматривается проблема определения границ научной и политической деятельности в условиях реализации положений Федерального закона «О некоммерческих организациях», устанавливающих ограничения для организаций, выполняющих функции иностранных агентов. Автор на основании опыта экспертной деятельности анализирует современную правотворческую практику в сфере отграничения науки от политического влияния. В результате автор приходит к выводу о существенном значении информационного аспекта научной деятельности для определения ее политического значения. Цель массового распространения научной информации среди лиц, не обладающих специальными знаниями для критического анализа представленной информации, свидетельствует о выходе за пределы научной деятельности и может быть реализована в политической борьбе на стадии формировании публичной повестки.

Ключевые слова: политическая деятельность, иностранный агент, научная деятельность, общественное объединение, некоммерческая организация, информация.

Юридическая регламентация политической деятельности обоснованно считается одним из важнейших направлений современного правотворчества. Политика как сфера деятельности, связанная с завоеванием, удержанием и использованием власти

---

* © Волков В.Э., 2015

Волков Владислав Эдуардович (volkov@ikafedra.com), кафедра государственного и административного права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

[1, с. 206], неизбежно затрагивает интересы практически каждого гражданина современного государства. А ее тесная связь с распределением материальных благ обуславливает повышенный интерес к политической деятельности представителей наиболее экономически активных слоев населения. Внимание к сфере политических отношений со стороны многообразных субъектов, имеющих разные, зачастую противоположные интересы, не способствует быстрой и безболезненной гармонизации правовых норм, задающих правила политической игры. Объективная сложность определения границ допустимого поведения в сфере публично-правовых отношений в полной мере проявилась при формировании модели политической деятельности в законодательстве о некоммерческих организациях.

Понятие «политическая деятельность» впервые получило нормативное определение в Федеральном законе от 20 июня 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» [2]. Статья 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ [3] была дополнена частью 6, согласно которой «некоммерческая организация, за исключением политической партии, признается участвующей в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, если независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах, она участвует (в том числе путем финансирования) в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях».

Однако правовая регламентация столь подвижного и изменчивого явления как политическая деятельность вряд ли могла оказаться удачной только благодаря единственному определению. Правоприменительная практика и экспертная активность научного сообщества быстро продемонстрировали ограничения, присущие нормативной интерпретации политической деятельности. Она оказалась чрезмерно широкой, потенциально вмещающей в себя практически любую общественную проблему, что необоснованно ограничивало возможности добросовестных участников социально-ориентированной деятельности, не способных повлиять на политику государства в интересах зарубежных кураторов. По справедливому замечанию профессора, заведующего кафедрой публичной политики НИУ – ВШЭ Н. Беляевой, политическим мог быть объявлен любой вопрос в конкретном контексте властеотношений, а именно – такой вопрос, который в конкретном месте и времени приобретал важное значение для большого количества людей, затрагивал их интересы, требовал коллективных публичных решений [4]. Реакцией на выявленные несовершенства законодательного определения политической деятельности стала правовая позиция Конституционного Суда, выраженная в Постановлении от 8 апреля 2014 г. № 10-П [5]. Она предусматривает, что осуществление некоммерческой организацией деятельности в таких областях, как наука, культура, искусство, здравоохранение, профилактика и охрана здоровья граждан, социальная поддержка и защита граждан, защита материнства и детства, социальная поддержка инвалидов, пропаганда здорового образа жизни, физическая культура и спорт, защита растительного и животного мира, благотворительность, а также содействие благотворительности и добровольчество, не относится к политической деятельности, занятие которой может служить основанием для признания такой организации выполняющей функции иностранного агента, – даже если она имеет целью воздействие на принимаемые государственными органами решения и проводимую ими государственную политику,

но при условии, что эти цели не выходят за пределы (рамки) соответствующей области деятельности.

Благотворное значение приведенной позиции Конституционного Суда трудно переоценить. В частности, она избавила многочисленные научные организации, получающие зарубежное финансирование, от обязанности регистрации в качестве иностранного агента и соответствующих правовых ограничений. Однако очевидный позитивный потенциал позиции Суда не может сам по себе решить все проблемы отграничения политической деятельности от иных видов активности в смежных областях. Заданный в Постановлении от 8 апреля 2014 г. № 10-П критерий научной неполитической деятельности – отсутствие у некоммерческой организации цели выхода за пределы науки – требует осмысления в контексте реальной исследовательской практики.

Нормативное определение научной деятельности дано в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ [6]. Согласно статье 2, научная (научно-исследовательская) деятельность (далее – научная деятельность) – деятельность, направленная на получение и применение новых знаний, в том числе:

– фундаментальные научные исследования – экспериментальная или теоретическая деятельность, направленная на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды;

– прикладные научные исследования – исследования, направленные преимущественно на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач;

– поисковые научные исследования – исследования, направленные на получение новых знаний в целях их последующего практического применения (ориентированные научные исследования) и (или) на применение новых знаний (прикладные научные исследования) и проводимые путем выполнения научно-исследовательских работ. Таким образом, обязательным признаком научной деятельности и научного результата является новизна полученных знаний или решений.

Нормативная концепция научной деятельности, заданная Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике», не является самостоятельной, исключающей внешнюю оценку научного результата. Она предполагает вывод нового знания или решения за пределы исследования и анализ его новизны представителями научного сообщества. В этом контексте критическое значение для отграничения научной деятельности от сферы политического участия имеет информационный аспект, состоящий в масштабе распространения научных знаний.

Как правило, научный результат распространяется в определенной форме. Рассчитанные на внимание научного сообщества работы публикуются в журналах специализированных публикаций, коллективных или монографических изданиях. При этом круг научных изданий не может быть безграничным. Полноценная оценка научной новизны требует привлечения значительных интеллектуальных ресурсов. Их относительная редкость объективно затрудняет проверку и распространение трудов, научный характер которых признан исследовательским сообществом. При этом оценка новизны знаний со стороны субъектов, не обладающих научной квалификацией, не имеет значения.

Эти обстоятельства должны учитываться при определении политического характера научной деятельности. Цель максимально широкого распространения результатов исследований в среде неподготовленных потребителей информации вряд ли говорит

о намерении автора (издателя) остаться в пределах науки и исключительно академической дискуссии. Отсутствие ограничений целевой аудитории скорее свидетельствует о намерении автора (издателя) распространить влияние работы на максимально широкий круг граждан, не ограничивая круг потребителей информации академическим сообществом, способным адекватно оценить ее научный характер и новизну изложенных в них знаний. При этом новизна знаний или решений в соответствии со статьей 2 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ должна быть обязательным признаком научного результата.

Зачастую сами по себе названия изданий, имеющих научный характер, но рассчитанных на неподготовленную аудиторию, также могут свидетельствовать о политических целях их распространителей. Например, автор участвовал в подготовке экспертного заключения в отношении научного издания «Гендер для «чайников» («чайник» – сленговое название профана или начинающего в каком-либо деле), само по себе название которого убедительно говорило в пользу его направленности на массовое распространение информации среди лиц, не обладающих специальными знаниями для критического анализа представленной информации на основе научной методологии. Цели распространения подобных изданий, очевидно, выходят за пределы исключительно научной деятельности и могут состоять в формировании общественного мнения в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой государственной политики.

Вместе с тем при определении степени влияния издания на политические отношения должно учитываться не только формальное определение его аудитории автором, но и контекст фактического распространения, который может быть образован презентацией и распространением изданий на специально организованных мероприятиях в редакциях средств массовой информации, учебных заведениях, общественно-политических организациях, открытых для неопределенного круга лиц независимо от уровня их академической подготовки. Цели, преследуемые распространителями таких изданий, также вряд ли являются исключительно научными и с учетом содержания текстов могут состоять в формировании общественного мнения для воздействия на деятельность органов публичной власти.

При этом научное содержание деятельности не исключает политического влияния ее результатов. Неюридический и факультативный для государственных органов характер результатов научной работы не препятствует их использованию в политическом процессе для формирования представления об общественных проблемах и создания таким образом определения идеологической повестки политического процесса. В политологической литературе отмечается, что центральное место в ходе построения публичной повестки занимает определение общественных проблем, требующих преодоления в процессе принятия государственных решений. В свою очередь, общественно-политические проблемы понимаются в современной политологии как нереализованные потребности, ценности или возможности для позитивных изменений, которые могут быть достигнуты путем политических действий [7, с. 235].

Таким образом, для квалификации деятельности как выходящей за пределы науки и способной влиять на политические отношения требуется по крайней мере сочетание двух обстоятельств:

- установленная на основе анализа содержания работ или контекста их распространения цель массового распространения научной информации среди лиц, не являющихся специалистами в какой-либо области научных знаний;
- наличие в научных работах фрагментов, формулирующих общественно-политические проблемы, для решения которых требуется изменение государственной политики.

Сочетание перечисленных обстоятельств свидетельствует о возможности использования научных результатов для формирования общественного мнения в целях воздействия на государственную политику на стадиях формирования публичной повестки и выбора проектов государственного решения, что предопределяет их политический характер в смысле, приданном этому термину Федеральным законом «О некоммерческих организациях».

Библиографический список

1. Современный словарь по общественным наукам / под ред. Ш.Г. Данильяна. М.: ИНФРА-М, 2013. 314 с.
2. Собрание законодательства РФ. 2012. 23 июля. № 30. Ст. 4172.
3. Собрание законодательства РФ. 1996. 15 января. № 3. Ст. 145.
4. Политико-правовая экспертиза применимости понятия «политическая деятельность» к функционированию общественных объединений в Российской Федерации. URL: www.memo.ru/uploads/files/1002.pdf (дата обращения: 01.05.2015).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона “О некоммерческих организациях”, части шестой статьи 29 Федерального закона “Об общественных объединениях” и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда “Костромской центр поддержки общественных инициатив”, граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева» // Собрание законодательства РФ. 2014. 21 апреля. № 16. Ст. 1921.
6. Собрание законодательства РФ. 1996. 26 августа. № 35. Ст. 4137.
7. Дегтярев А.А. Принятие политических решений: учебное пособие. М.: КДУ, 2004. 416 с.

References

1. Modern dictionary of social sciences. Shch.G. Danilyan (Ed.). M., INFRA-M, 2013, 314 p. [in Russian].
2. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 2012, 23 July, no. 30, Article 4172 [in Russian].
3. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 1996, 15 January, no. 3, Article 145 [in Russian].
4. Political and legal examination of applicability of the concept of «political activity» to the functioning of public associations in the Russian Federation. Retrieved from: www.memo.ru/uploads/files/1002.pdf (accessed 01.05.2015).
5. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 8 April, 2014 № 10-P «On the case of check of constitutionality of provisions of Art. 2, para. 6 and Art. 32, para. 7 of the Federal Law “On noncommercial organizations”, Art. 29, para. 6 of the Federal Law “Concerning Social Associations” and Art. 19.34, para. 1 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation» in connection with the complaint of Human Rights Commissioner for the Russian Federation, Fond “Kostroma support center of public initiatives”, citizens L.G. Kuz'mina, S.M. Smirensky and V.P. Yukechev». *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 2014, 21 April, no. 16, Article 1921 [in Russian].
6. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 1996, 26 August, no. 35, Article 4137 [in Russian].
7. Degtyarev A.A. Political decision-making: training manual. M., KDU, 2004, 416 p. [in Russian].

**POLITICAL AND SCIENTIFIC ACTIVITIES
IN THE CONTEXT OF INFORMATION:
PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE FEDERAL LAW
«ON NONCOMMERCIAL ORGANIZATIONS»**

In the article the problem of determining the boundaries of scientific and political activity in conditions of implementation of the Federal Law «On noncommercial organizations» that establishes restrictions for organizations that carry out functions of foreign agents is observed. The author on the basis of expert estimate analyzes the current law-making activity in the sphere of practice of separating science from political influence. As a result, the author concludes that information aspect of scientific activity plays a crucial role in the determination of its political meaning. The purpose of mass dissemination of scientific information among people who do not have specialized knowledge to critically analyze the information understood as going beyond the scientific work and participation in the political struggle at the stage of formation of public agenda.

Key words: political activity, foreign agent, scientific activity, public association, noncommercial organization, information.

---

* *Volkov Vladislav Eduardovich* (volkov@ikafedra.com), Department of State and Administrative Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 342.571

Д.В. Карасев*

УЧАСТИЕ ГРАЖДАНСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В РОССИИ: ТЕРМИНОЛОГИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ

В статье исследуются проблемы участия гражданских коллективов в политических процессах, их влияние на стабильность политической системы. Рассматривается опыт зарубежных стран, предлагаются самостоятельный терминологический аппарат и классификация гражданских коллективов. В результате автор приходит к выводу о необходимости вовлечения гражданских коллективов в политические процессы посредством их стимулирования.

Ключевые слова: гражданские коллективы, общественные объединения, политические процессы, управление делами государства.

Усилившееся в последнее время внешнеполитическое давление на российское государство требует пристального внимания властей не только к проблемам международной безопасности, но и к укреплению внутренних демократических основ нашей страны. Печальный опыт сопредельных государств, не уделивших должного внимания деятельности отдельных гражданских коллективов и объединений, впоследствии стоявших в авангарде антиконституционного переворота, лишний раз свидетельствует о важности и актуальности данного вопроса.

Различные гражданские коллективы и объединения существуют в любой демократической стране. К их числу можно отнести политические партии, религиозные организации, профсоюзы и даже объединения граждан «по интересам». Идеологами «цветных» революций такие образования рассматриваются как институциональная основа для препятствования деятельности органов власти и влияния на управление обществом [1, с. 23].

Вместе с тем опыт зарубежных стран и, прежде всего, США показывает, что разветвленная сеть гражданских институтов может использоваться не только в целях борьбы с действующим режимом, но и как инструмент, укрепляющий государственность. На протяжении многих лет стабильность политической системы США обеспечивает деятельность различных профессиональных сообществ, правозащитных, молодежных, ветеранских и этнических организаций, групп защиты интересов. Особое место в этом ряду занимают организации по мониторингу деятельности правительства, отслеживающие деятельность органов власти на всех уровнях [2, с. 274–277]. Такое разнообразие форм гражданской активности позволяет обеспечить вовлеченность населения в политическую жизнь страны и, как следствие, отвлечь от реакционных настроений.

В этой связи представляется, что совершенствование и развитие системы гражданских объединений будет в полной мере способствовать повышению устойчивости

---

* © Карасев Д.В., 2015

Карасев Дмитрий Владимирович (karasev163@gmail.com), кафедра государственного и административного права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

отечественной политической системы и укреплению демократических основ, заложенных в Конституции Российской Федерации. При этом решать такую важную задачу по силам не любым коллективам и объединениям граждан, а лишь тем, которые имеют собственный публичный интерес и могут участвовать в политических процессах. Однако прежде чем рассматривать различные группы объединений граждан, необходимо определить их единое терминологическое обозначение.

В российской юридической науке применительно к гражданским образованиям чаще всего используются термины «группа» и «собрание». Именно группы и собрания граждан являются субъектами конституционно-правовых отношений [3, с. 329–335]. В законодательстве также встречаются термины «организация», «объединение», «коллектив» и даже «формирование». По нашему мнению, многообразие существующих объединений граждан наиболее удачно отражает термин «коллектив». При этом, как справедливо отмечает В.Е. Чиркин, для конституционной терминологии коллектив – это не любая группа людей. Вряд ли можно в строгом значении этого слова назвать коллективом пассажиров в автобусе или очередь в магазине. Коллектив в том его понимании, которое можно использовать в правовых конструкциях, является не эпизодическим явлением, а более или менее долговременным объединением физических лиц [4, с. 110–111].

Однако далеко не любое стабильное объединение физических лиц может участвовать в политических процессах. Так, правом избирать и быть избранными в органы государственной власти по Конституции Российской Федерации наделены только российские граждане, поэтому в контексте данной статьи предлагаем рассматривать термин «гражданские коллективы».

Несложно догадаться, что первым признаком такого коллектива является наличие российского гражданства у его членов. Однородное гражданство предполагает равный объем политических прав и обязанностей, что обеспечивает сплоченность участников внутри коллектива. Вторым признаком гражданского коллектива, как уже отмечалось, является долговременность данного образования, его устойчивость вне зависимости от изменения персонального состава. Третий признак – наличие общего публичного интереса, удовлетворение которого подталкивает граждан к участию в политической жизни.

Обилие коллективов, подпадающих под названные признаки, их различная заинтересованность в удовлетворении политического интереса требуют дифференцированного подхода к установлению их прав и обязанностей, выработки многоуровневого правового регулирования. Так, например, объем обязанностей общероссийской политической партии должен быть более широким, чем у профессиональной ассоциации. Впрочем, профессиональная ассоциация также может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на укрепление основ государства. В частности, профессиональная ассоциация юристов может содействовать правовому просвещению населения, участвовать в подготовке наблюдателей на выборы, оказании бесплатной юридической помощи. Однако вся эта на первый взгляд социально направленная и общественно важная детальность может осуществляться с использованием идеологии дестабилизации политической системы.

Таким образом, внимание законодателя на современном этапе должно быть направлено не только на политизированные гражданские коллективы, которые несут обязанность по государственной регистрации и раскрытию сведений по иностранному участию, но и на деятельность объединений граждан «по интересам». Политическая деятельность таких организаций в рамках правового поля также будет способствовать демократизации российского общества.

Для определения уровня регулирующего воздействия возникает необходимость в разграничении гражданских коллективов в зависимости от степени их участия в политических процессах. Здесь необходимо оговориться, что понимается в настоящей статье под политическими процессами. Хотелось бы отметить, что в конституционно-правовой науке существует устоявшийся термин «управление делами государства». Исходя из конституционных положений, управление делами государства включает в себя вопросы формирования органов власти, участия в референдуме и отправлении правосудия, осуществления местного самоуправления, проведения публичных мероприятий и прохождения государственной службы. При этом не все гражданские образования участвуют именно в управлении делами государства, зачастую они возникают в публичной плоскости с целью удовлетворения своих потребностей. Такая деятельность охватывается кратковременным участием в политической жизни, ее отдельных процессах. В этой связи для построения необходимой классификации потребовалось более широкое понятие — «политические процессы».

Первой группой являются гражданские коллективы, основная цель которых участие в политическом процессе. Основное звено здесь составляют политические партии, однако их постепенно начинают теснить иные общественные объединения политической направленности. Об усилении влияния таких организаций свидетельствует нашумевшее дело губернатора Сахалинской области, по сути, инициированное Общероссийским народным фронтом.

Второй группой являются общественные организации, имеющие факультативной целью участие в политическом процессе. К таким коллективам относятся религиозные, правозащитные, социально ориентированные организации, профсоюзы, культурные, образовательные и профессиональные ассоциации.

Объединения граждан «по интересам» и группы защиты интересов составляют третье звено гражданских коллективов. К их числу относятся общества защиты прав потребителей, объединения садоводов, спортивные клубы и многие другие гражданские образования, которые, как отмечалось ранее, участвуют в политических процессах по мере возникновения коллективной потребности. При этом коллективы в данной группе могут не иметь организационно-правовой формы.

Особую группу составляют институты общественного контроля. В настоящее время Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» к числу субъектов общественного контроля отнесены общественные палаты, общественные советы при органах власти, общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы общественного контроля, а также иные организационные структуры общественного контроля. Следует отметить, что данная иерархия не препятствует гражданским коллективам из других групп, например, тем же правозащитным организациям, заниматься общественным контролем в пределах, установленных законодательством.

С помощью представленной классификации можно определить уровень регуляторного воздействия, необходимого для конкретной группы коллективов, в том числе предусмотреть дополнительные меры стимулирования. Если речь идет о первой группе, то действующее правовое регулирование предусматривает высокие требования для деятельности таких коллективов на территории Российской Федерации, дальнейшее ужесточение которых представляется нецелесообразным.

В то же время для третьей группы особые требования и стимулы за участие в политических мероприятиях, как правило, отсутствуют. Это обусловлено тем, что действующее законодательство не рассматривает их как полноценных участников политических процессов. Внедрение предложенной классификации позволит более полно учитывать интересы и использовать потенциал таких коллективов.

Библиографический список

1. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Институт им. Альберта Эйнштейна, 1993. 224 с.
2. Артемьев М. Как работает Америка. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.
3. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М.: Юристъ, 2001. 448 с.
4. Чиркин В.Е. Конституционная терминология: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 272 с.

References

1. Sharp D. From dictatorship to democracy. Institut im. Al'berta Einshteina, 1993, 224 p. [in Russian].
2. Artemyev M. How America works. M., Fond «Liberal'naia missiia»; Novee literaturnoe obozrenie, 2010, 320 p. [in Russian].
3. Kutafin O.E. Subject of constitutional law. M., Iurist», 2001, 448 p. [in Russian].
4. Chirkin V.E. Constitutional terminology: monograph. M., Norma: INFRA-M, 2013, 272 p. [in Russian].

D.V. Karasev*

**PARTICIPATION OF CIVIL GROUPS IN RUSSIAN POLITICAL PROCESSES:
TERMINOLOGY, CLASSIFICATION**

The article is devoted to the problems of participation of civil groups in political processes, their influence on the stability of political system. Author reveals the experience of foreign countries, introduces original terminology and classification of civil groups. In the end the author comes to the conclusion about the necessity of involving civil groups in political processes by means of their stimulation.

Key words: civil groups; public associations; political processes; state administration.

---

* *Karasev Dmitrii Vladimirovich* (karasev163@gmail.com), Department of State and Administrative Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 342.571

Ю.С. Половникова*

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируется правовая база и практика применения института общественной экспертизы как формы реализации конституционного права на участие граждан в управлении делами государства, закрепленного в ч. 1 ст. 32 Конституции РФ.

Ключевые слова: общественная экспертиза, непосредственная демократия, гражданское общество.

В определении основных целей, функций общественной экспертизы и ее места в системе демократических институтов современной России решающую роль играют конституционные основы, обуславливающие концептуальные составляющие порядка ее организации и проведения.

Неупорядоченность отношений между институтами гражданского общества и государством, непоследовательность, противоречивость государственной политики в данном направлении способны привести к существенным искажениям в реализации конституционных принципов, и прежде всего принципа народовластия.

Правовая природа общественной экспертизы законодательства исходит из смысла ч. 1 ст. 32 Конституции Российской Федерации, которой предусматривается право граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства как непосредственно, так и через представителей.

Конституционной основой как прямых, так и представительных форм демократии прежде всего является ст. 3 Конституции России, в соответствии с которой носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Отдельное внимание в Конституции России уделено таким демократическим институтам, как референдум, выборы и местное самоуправление, вместе с тем отсутствие перечня иных механизмов участия населения в управлении публичными делами не препятствует возникновению и одновременному функционированию многообразных форм народовластия. Так, только на уровне местного самоуправления закреплено двенадцать форм участия граждан в управлении делами государства.

Под формой народовластия следует понимать характер воплощения в объективную действительность идеи принадлежности всей полноты власти народу [1, с. 23]. Несмотря на то что вопрос об отдельных формах непосредственной демократии более или менее детально исследован, в науке не сложилось единого набора критериев отнесения того или иного механизма к числу форм народовластия [2, с. 115]. Устоявшимся можно признать лишь деление всех форм на непосредственные (прямые) и представительные.

Среди основных отличительных черт прямой демократии чаще всего выделяют: отсутствие делегирования права принимать решения, единство воли и субъекта ее

---

* © Половникова Ю.С., 2015

Половникова Юлия Сергеевна (pivtogliatti@mail.ru), кафедра государственного и административного права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

выражения, особый круг субъектов, от собственного имени и в своих интересах осуществляющий отдельные функции публичной власти [3, с. 48].

Общественная экспертиза чаще всего упоминается среди форм непосредственного народовластия (консультативной демократии) [4, с. 38], однако комплексного исследования данного вопроса в науке ранее не проводилось.

Отнесение общественной экспертизы к числу форм непосредственной демократии будет способствовать не только становлению данного института в качестве структурного элемента правотворчества, но и окончательно определит концептуальные основы такой экспертизы, в частности ее субъектный состав, порядок отбора и формирования экспертных групп, методику выявления общественного мнения.

Основной недостаток общественной экспертизы в том, что слишком высок риск искусственного насаждения институтов «гражданского контроля» с полномочиями по проведению «общественных» экспертиз законопроектов. Механизм общественной экспертизы дискредитируется тем, что может носить откровенно заказной характер и иметь манипулятивную направленность как со стороны органов власти для легитимации своих решений и процесса управления, так и со стороны определенных политических сил, которые создают экспертные сообщества для выведения в публичную плоскость ряда политических проблем и закрепления их в общественном сознании, подчеркивая их актуальность научным подходом и экспертным решением. Кроме того, необоснованное применение такого рода механизмов общественного консультирования может стать непреодолимым барьером на пути оперативного регулирования динамично развивающихся общественных отношений, значительно увеличивая сроки принятия властных решений. Обозначенные проблемы должны быть нивелированы сбалансированным правовым регулированием общественной экспертной деятельности.

На данный момент общественная экспертиза в России переживает стадию своего становления. Отдельные положения о порядке ее проведения содержатся в ряде отраслевых федеральных законов. Например, в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Федеральном законе от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире», Федеральном законе от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе», Федеральном законе от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и др.

Действует и ряд подзаконных актов, направленных на регулирование данной деятельности, например, постановление Правительства Российской Федерации от 1 сентября 2012 г. «Об утверждении состава нормативных правовых актов и иных документов, включая программные, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти, которые не могут быть приняты без предварительного обсуждения на заседаниях общественных советов при этих федеральных органах исполнительной власти», Положение о Совете по малому и среднему предпринимательству при Минсельхозе России, утв. приказом Минсельхоза РФ от 18.07.2008 г. № 320, Положение об Общественном совете при Следственном комитете, утв. приказом Следственного комитета при прокуратуре РФ от 17.10.2008 № 92, и др.

Основой правового регулирования общественной экспертной деятельности можно признать Федеральный закон от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», статьи 18 и 19 которого закрепляют общие нормы о проведении общественной экспертизы Общественной палатой РФ. В целях конкретизации этих положений Федерального закона Советом Общественной палаты Российской Федерации принято Решение от 15 мая 2008 года, которым утверждено Положение о порядке проведения общественной экспертизы, достаточно подробно регламен-

тирующее для Общественной палаты Российской Федерации все вопросы, касающиеся принципов, целей, порядка проведения общественной экспертизы, содержания итогового заключения. Отбор непосредственных исполнителей общественной экспертизы осуществляется в том числе и на основании положения о консультантах-экспертах Общественной палаты Российской Федерации, утвержденного Решением совета Общественной палаты 15 мая 2008 г. № 4. Аналогичные акты приняты в большинстве общественных палат субъектов Российской Федерации. Так, например, в Самарской области вопросы проведения общественной экспертизы регулируются Законом Самарской области от 11 февраля 2008 г. № 8-ГД «Об общественной палате Самарской области».

В настоящий момент не существует специализированного акта, регламентирующего порядок проведения общественных экспертиз общественными советами (комитетами), сформированными при исполнительных и представительных органах публичной власти. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2005 г. № 481 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, руководстве которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам, а также государственных комитетах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководстве которыми осуществляет Правительство Российской Федерации» устанавливает, что положения об общественных советах и их составе утверждаются правовыми актами соответствующих органов власти, при которых указанные совещательные органы образуются. Пользуясь такой прерогативой, органы власти нередко «подстраивают» функции совета (комитета) под свои задачи, причем ограничение касается прежде всего контрольно-экспертных функций. Общественная экспертиза проводится не с целью выяснения гуманитарного эффекта принимаемого решения, а для создания иллюзии согласованности «непопулярных» решений.

Широкий спектр нормативных правовых актов, принимаемых на самых различных уровнях в отсутствие до недавнего времени структурообразующего закона, приводил к тому, что принципы, методы и порядок проведения общественной экспертизы, имплицитно воплощенные в федеральном законодательстве, не всегда получали адекватное отражение в практике общественной экспертной деятельности. И наоборот, удачные юридические модели и позитивный опыт практической организации общественной экспертизы, закрепленные в том или ином нормативном правовом акте, зачастую оказывались незамеченными.

Унифицировать порядок проведения общественной экспертизы был призван Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», принятый 21 июля 2014 г. и направленный на создание правовых основ организации и осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия.

Проект закона обсуждался более двух лет, прошел многочисленные экспертизы и общественные слушания и вызвал беспрецедентную активность в обществе. Непосредственно общественной экспертизе в указанном законе посвящены статьи 22 и 23, раскрывающие понятие исследуемой формы общественного контроля, объекты, возможных инициаторов и организаторов экспертизы, права экспертов и требования к итоговому документу — заключению общественной экспертизы. Определение порядка проведения экспертизы оставлено на усмотрение ее организатора, не определены квалификационные требования к общественным экспертам и основания их привлечения к общественной экспертной деятельности, что может негативно сказаться на

становлении единой практики общественной экспертизы. Таким образом, рамочный характер и отсутствие должного внимания к методологии общественной экспертной деятельности, учету общественного мнения, выявленного в ходе экспертизы, а также юридической ответственности экспертов не позволяет сделать вывод о решенности вопроса правовой регламентации последней.

Общественная экспертиза, согласно указанному закону, фактически сводится к механизму субъективной оценки объекта экспертизы, не учтена исследовательская составляющая экспертной деятельности, отсутствуют гарантии представительности экспертных групп, совмещены роли организатора и непосредственного исполнителя общественной экспертизы.

Общественная экспертиза по сути своей должна представлять собой исследование, проводимое по определенным правилам с использованием научных методов специально отобранным квалифицированными специалистами – представителями реально существующих социальных групп, способных отразить «настроение» общества и видение проблемы «изнутри». Общественное экспертное исследование предполагает не только выявление общественного мнения, но, в силу отнесения его к компетенции формализованных институтов гражданского общества, консолидацию различных позиций и мнений в ходе своего проведения, способствующую не только снятию социального напряжения, но и профессиональному росту и институционализации самого гражданского общества.

Решающее значение в обеспечении доверия к результатам общественной экспертизы играет факт непосредственного участия в ней представителей социальных и иных групп граждан, чьи права и интересы будут непосредственно затронуты объектом экспертизы. Первоочередной задачей должно стать формирование общественного экспертного сообщества, единой базы данных экспертов.

Кроме того, принятие Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» не привело к унификации практики общественной экспертизы, в том числе и потому, что одновременно не были внесены изменения в иные законы, регламентирующие рассматриваемый институт. Так, без изменения были оставлены положения Федерального закона от 23.11.1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе», регламентирующие порядок проведения общественной экологической экспертизы, в связи с чем последняя с формальных позиций перестала быть видом общественной экспертизы в силу отличающегося подхода к решению фундаментальных вопросов организации экспертного исследования.

Таким образом, на современном этапе становления института общественной экспертизы как формы народовластия обозначаются следующие пробелы правового регулирования.

Результаты общественной экспертизы не подлежат утверждению (подтверждению) со стороны граждан ввиду отсутствия правовой регламентации численности и представительности участников. В недостаточной степени регламентирован вопрос привлечения, отбора и подготовки общественных экспертов из числа заинтересованных социальных, профессиональных и иных групп. Чаще всего экспертиза проводится самостоятельно членами общественных палат и общественных советов (комитетов), компетентность которых во всех вопросах презюмируется, несмотря на отсутствие к их кандидатурам специальных квалификационных требований. Кроме того, не выполняется принцип общенародности и представительности рабочих экспертных групп. Неопределенным является механизм выявления общественного мнения в ходе проведения общественной экспертизы.

Анализ правового регулирования общественной экспертизы показывает, что процедурный акцент сделан на выявление и оглашение гражданской позиции, но не на

ее учет. Сам механизм учета выявленного консультативными формами народовластия волеизъявления отсутствует.

Показателем оценки работы института общественной экспертизы должно стать не только количество произведенных экспертиз, но и фактический учет мнения экспертов в ходе принятия решения, а также гарантированная гласность результатов экспертизы. В законодательстве об общественной экспертизе практически не встречается норма о том, что все поступившие независимые экспертные оценки прилагаются к проекту нормативного правового акта и оглашаются в ходе нормотворческого процесса. В то же время обеспечение публикации материалов общественной экспертизы может быть некоторым стимулом развития общественных организаций, формой не явной рекламы их полезности, втягивания в их деятельность населения.

Преобразование общественной экспертизы в действенный механизм народовластия, сопричастности гражданского общества к государственному управлению требует решения разноплановых задач:

- создания правовых гарантий прозрачности и доступности общественной экспертной деятельности, равных условий участия всех заинтересованных лиц в качестве экспертов;
- разработки механизмов выявления, консолидации и учета общественного мнения;
- подготовки общественных экспертных кадров, а также формирования «активного гражданина», осознающего свои собственные и общественно-государственные интересы;
- создания «ресурсных предпосылок» проведения общественной экспертизы. Необходимо разработать систему стимулирования деятельности общественных экспертов (моральных и материальных стимулов).

В отсутствие решения обозначенных задач общественная экспертиза не преодолевает характеристики декоративного демократического института, не способного объективно отражать общественное мнение и используемого для демонстрации наличия дополнительных форм легитимации власти и широкой социальной базы ее актов.

Библиографический список

1. Зенин С.С. Правовое закрепление системы власти в Конституции РФ: теоретический аспект // *Lex russica*. 2013. № 12.
2. Комарова В.В. Формы непосредственной демократии в России: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Изд-во «Проспект», 2010.
3. Дворак А.А. Конституционное право на обращение в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
4. Васильева С.В. Социальная легитимация власти как основа консультативной демократии и демократии соучастия // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 14.

References

1. Zenin S.S. Legal consolidation of power in the Constitution of the Russian Federation: theoretical aspect. *Lex russica*, 2013, no. 12 [in Russian].
2. Komarova V.V. Forms of direct democracy in Russia: educational book. 2nd edition. M., Izd-vo «Prospekt», 2010 [in Russian].
3. Dvorak A.A. *Konstitutsionnoe pravo na obrashchenie v Rossiiskoi Federatsii: Dis. ... kand. iurid. nauk* [The constitutional right of appeal in the Russian Federation: Candidate's of Law thesis]. M., 2003 [in Russian].
4. Vasilieva S.V. Social legitimation of power as the basis of advisory democracy and democracy of complicity. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2009, no. 14 [in Russian].

*Iu.S. Polovnikova****REGULATORY FRAMEWORK OF THE INSTITUTE
OF PUBLIC EXAMINATION IN THE RUSSIAN FEDERATION**

This article focuses on the legal framework and practice of use of an institute of public examination, which ensures implementation of constitutional law on the participation of citizens in managing the affairs of state set out in the Article 32, par. 1 of the Constitution of the Russian Federation.

Key words: public expertise, direct democracy, civil society.

---

* *Polovnikova Iulia Sergeevna* (pivtogliatti@mail.ru), Department of State and Administrative Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 342.734

Д.Е. Шабанова*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье раскрывается нормативное содержание конституционно-правового регулирования в сфере труда, представлен анализ механизмов защиты конституционного права на труд, а также приведены сравнительные данные о результатах работы контрольных и надзорных органов в указанной сфере.

Ключевые слова: конституционное право на труд, свобода труда, защита прав человека, несчастный случай на производстве, профессиональные риски, международная организация труда.

Конституция Российской Федерации 1993 года ограничила роль государства в сфере трудовой деятельности и провозгласила универсальный конституционно-правовой принцип – свободу труда. Конституционные права и свободы, перечисленные в статье 37 Конституции Российской Федерации, – это лишь часть прав и свобод, которые могут быть реализованы человеком. Преимущественное число прав и свобод человека в данной сфере приобретает только со вступлением в правоотношение по поводу использования своих способностей к труду, то есть когда гражданами реализуется правомочие в выборе контрагента по трудовому договору.

Впервые о свободе труда заговорил в своих работах еще в начале XIX века П.И. Пестель [1, с. 73–162]. Именно он в контексте идеи справедливого государства выделил свободу труда, которая должна быть дарована каждому рабочему, освобожденному от крепостничества.

Спустя почти двести лет трудовые права и свободы человека в Российской Федерации стали занимать особое место в Конституции 1993 года. Вот некоторые из них:

– признание невозможности изменения главы 2 Конституции Российской Федерации иначе как в особом конституционном порядке, согласно которому ее пересмотр возможен лишь путем созыва Конституционного Собрания (статья 64 Конституции Российской Федерации);

– признание неприменимости законов и любых других нормативно-правовых актов, затрагивающих права, свободы, обязанности человека, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения (часть 3 статьи 15 Конституции Российской Федерации);

– закрепление невозможности участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях, если это влечет ограничение прав и свобод человека и гражданина в России (статья 79 Конституции Российской Федерации).

Следует отметить, что провозглашаемая Конституцией Российской Федерации свобода труда относится к тем социально-экономическим феноменам, которые обязательно должны присутствовать в экономике рыночного типа для ее нормального

---

* © Шабанова Д.Е., 2015

Шабанова Дарья Евгеньевна (dasha.shabanova0509@gmail.com), кафедра государственного и административного права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

функционирования и поступательного развития. В силу этого свободу труда необходимо рассматривать в качестве основополагающего принципа рыночной экономики, являющейся единственно возможным надлежащим экономическим фундаментом для эффективного функционирования демократического правового государства, каковым и должна быть Российская Федерация в силу части 1 статьи 1 Конституции Российской Федерации [2, с. 347].

Но значит ли это, что принцип свободы труда в Российской Федерации приравнивается к принципу достойного труда, гарантирующему каждому работнику уважение человеческого достоинства и соблюдение социальной справедливости?

Отсутствие в статье 37 Конституции Российской Федерации формулировки «достойный труд» объясняется прежде всего тем, что в условиях рыночной экономики не имеет место обязанность предоставлять лицу приемлемую для него работу. Международная организация труда в обоснование концепции достойного труда ссылается на то, что труд занимает важное место в жизни людей, обеспечивает основные потребности человека и оказывает влияние на решение большинства проблем общества.

Экономическая составляющая достойного труда заключается в том, что достойный труд обеспечивает более высокую производительность и эффективность труда, ведет к повышению конкурентоспособности предприятий, улучшению условий труда, трудовых отношений и удовлетворенности трудом работников. Практически сразу после вступления в силу Трудового кодекса Российской Федерации в Генеральном соглашении между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2005–2007 годы было провозглашено: «Стороны в числе приоритетных целей Соглашения ставят проведение в предстоящий период социально-экономической политики, обеспечивающей право на достойный труд, повышение качества жизни работников и их семей, резкое сокращение масштабов бедности на основе повышения эффективности отечественной экономики, увеличения внутреннего валового продукта» [3, с. 150].

Подытоживая все вышесказанное, можно сделать вывод, что конституционно-правовые отношения в Российской Федерации в соответствии с концепцией достойного труда в настоящее время находятся в постоянном развитии.

Право гражданина на труд охраняется государством. Отсюда следует, что Конституция предоставляет каждому не только право зарабатывать себе на жизнь трудом, но и возможность реализовать его в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены [2, с. 351].

Так, например, статья 209 Трудового кодекса Российской Федерации предусматривает обязанность для работодателя по обеспечению безопасных условий и охраны труда работников, а также необходимость надзора и контроля за соблюдением требований охраны труда.

Вместе с тем следует отметить, что ежегодно в России от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний погибает около 20 тыс. человек [4, с. 3].

При этом депопуляция занятого населения осуществляется темпами, в 2,5 раза превышающими депопуляцию всего населения России, и такая ситуация не изменится в ближайшие 10–15 лет. Важнейшую роль в этом играют профессиональные риски. По официальной статистической информации, каждый шестой работник находится в опасных и неблагоприятных условиях труда, а в отдельных отраслях экономики — каждый второй-третий работник.

Приоритетное значение в сфере защиты трудовых прав в Российской Федерации имеют судебные органы, инспекции труда — государственные и профсоюзные, Генеральная прокуратура Российской Федерации и подчиненные ей прокуратуры. Учитыв-

вая, что вопросы защиты трудовых прав работников занимают немаловажное место среди вопросов, обсуждаемых мировым сообществом, следует отметить, что в последнее время наблюдаются активизация международно-правовой защиты прав человека и усиление внимания Международной организации труда к обеспечению всеобщего соблюдения основополагающих трудовых прав, а также возрастание роли Европейского суда по правам человека в восстановлении нарушенных трудовых прав граждан.

Конституционный Суд Российской Федерации в своей деятельности рассматривает дела о проверке конституционности законодательных и нормативных правовых актов, в том числе регулирующих трудовые и связанные с ними отношения, и принимает соответствующие решения, где обращается к нормам международного трудового права, закрепленным в конвенциях Международной организации труда.

После вступления в силу Трудового кодекса Российской Федерации Верховный Суд Российской Федерации систематически анализирует и оценивает положения нормативных правовых актов и практику их применения с точки зрения соответствия трудовому законодательству, общепризнанным принципам и нормам международного права.

Важное значение при разрешении дел, подведомственных судам общей юрисдикции, имеет Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 года № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [5, с. 134]. В этом постановлении в целях обеспечения правильного применения положений трудового законодательства судам даны разъяснения по широкому кругу вопросов. Так, четкие разъяснения определены в отношении применения положений статьи 74 Трудового кодекса Российской Федерации о временном переводе на другую работу в случае производственной необходимости (пункт 17 постановления) и положений статьи 131 Трудового кодекса Российской Федерации о получении работником части заработной платы в неденежной форме (пункт 54 постановления). При этом положения конвенций Международной организации труда, на содержание которых обратил внимание Верховный Суд Российской Федерации применительно к статьям 74 и 131 Трудового кодекса Российской Федерации, существенно уточняют и дополняют правовые нормы о труде в целях обеспечения судебной защиты трудовых прав граждан.

Так, если обратиться к опыту защиты трудовых прав только в одном субъекте Российской Федерации – Самарской области, то сразу же стоит отметить, какая работа проводится надзорными и контролирующими инстанциями в данной сфере.

По оперативным данным, в 2014 году Государственной инспекцией труда в Самарской области зарегистрировано 17 групповых несчастных случаев, 131 тяжелый случай и 37 несчастных случаев на производстве со смертельным исходом.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют, что в 2014 году общее количество групповых несчастных случаев осталось на уровне 2013 года, а общее количество несчастных случаев на производстве со смертельным исходом уменьшилось на 11,9 %. Количество тяжелых несчастных случаев по сравнению с 2013 годом увеличилось на 5,6 %. Общее количество погибших в 2014 году снизилось по сравнению с 2013 годом на 8,1 % и составило 45 человек (в 2013 году – 49), а количество погибших женщин увеличилось и составило 3 женщины (в 2013 году – 2).

Анализ показывает, что основными причинами несчастных случаев на производстве остаются организационные, на долю которых приходится более 60 % от общего числа расследованных случаев. Это неудовлетворительная организация производства работ – 73 несчастных случая (39,4 %), недостатки в организации и проведении подготовки работников по охране труда – 8 несчастных случаев (4,3 %), неудовлетворительное содержание и недостатки в организации рабочих мест – 11 несчастных

случаев (6 %), нарушение работником трудового распорядка и дисциплины труда — 11 несчастных случаев (2,2 %), использование пострадавшего не по специальности — 8 несчастных случаев (4,3 %) от общего количества произошедших несчастных случаев на производстве.

Государственный надзор за точным и единообразным исполнением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, осуществляют Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры. Генеральная прокуратура Российской Федерации обязывает прокуроров рассматривать надзор за исполнением трудового законодательства как приоритетное направление деятельности органов прокуратуры, активнее использовать свои полномочия для защиты трудовых прав граждан.

Так, в частности, в Самарской области в 2014 году органами прокуратуры проведено более двух тысяч проверок своевременности оплаты труда работников, в том числе 250 проверок — совместно с другими органами, уполномоченными на осуществление надзора и контроля в сфере труда. По результатам проведенных расследований несчастных случаев на производстве Государственной инспекцией труда в Самарской области в 2014 году в органы прокуратуры и следствия было направлено 147 материалов для рассмотрения вопроса о привлечении к уголовной ответственности должностных лиц, виновных в допущенных нарушениях требований трудового законодательства в связи с несчастными случаями на производстве. По фактам совершения преступлений, предусмотренных статьей 143 Уголовного кодекса Российской Федерации, возбуждено 9 уголовных дел.

К сожалению, допустимый объем статьи не позволяет проанализировать механизмы защиты всех прав и свобод человека в сфере труда, которые приобретаются им посредством заключения трудового договора. Механизмы защиты данных прав и свобод разъяснены на уровне правоприменительной базы Самарской области так же подробно, как и те, что описаны выше, и нашли отражение в обширной судебной практике.

Субъекты Российской Федерации вправе самостоятельно принимать законы и иные нормативные правовые акты, которыми могут вводиться положения, улучшающие права работников по сравнению с нормами федерального законодательства (например, устанавливающие для работников более длительные периоды времени отдыха и др.).

Основательный подход органов государственной власти Российской Федерации к разработке нормативных правовых актов в сфере трудового законодательства и разъяснение ими действующих положений законодательства свидетельствуют об актуальности проблемы искоренения грубейших нарушений в сфере трудовых отношений, что, несомненно, достойно уважения.

Библиографический список

1. Пестель П.И. Русская правда. Избранные произведения декабристов. М., 1953. С. 73–162.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 1008 с.
3. Бюллетень трудового и социального законодательства Российской Федерации. 2005. № 5. 160 с.
4. Медицинский вестник. 2007. № 16. С. 3.
5. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 6. 152 с.

References

1. Pestel P.I. Russkaya Pravda. Selected Works of the Decembrists. M., 1953, pp. 73–162 [in Russian].
2. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. V.D. Zor“kin (Ed.). 2nd edition, revised. M., Norma: INFRA-M, 2011, 1008 p. [in Russian].
3. Bulletin of labor and social legislation of the Russian Federation, 2005, no. 5, 160 p. [in Russian].
4. Medical Bulletin, 2007, no. 16, p. 3 [in Russian].
5. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2004, no. 6, 152 p. [in Russian].

D.E. Shabanova*

CONSTITUTIONAL LEGAL GUARANTEES OF PROTECTION OF LABOR RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with normative content of constitutional and legal regulation in the sphere of labour, analysis of mechanisms for the protection of constitutional right to work is presented, and comparative data on the results of control and supervisory bodies in this area are presented.

Key words: constitutional right to work, freedom of labor, protection of human rights, job-related accident, occupational risks, International Labour Organization.

---

* *Shabanova Dar'ya Evgen'evna* (dasha.shabanova0509@gmail.com), Department of State and Administrative Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 346.52

О.А. Михеева*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННОМ ФИНАНСОВОМ КОНТРОЛЕ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ГОСФИНКОНТРОЛЯ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье приводится характеристика основных проблем, выявляемых созданным в Самарской области органом внутреннего государственного финансового контроля, Госфинконтролем Самарской области, при проведении контрольных мероприятий и возможные способы их разрешения, в том числе в рамках нормотворческой деятельности на федеральном и региональном уровнях

Ключевые слова: государственный и муниципальный финансовый контроль, контрактная система, нарушения бюджетного законодательства, административная и уголовная ответственность за финансовые и бюджетные нарушения, совершенствование законодательства о государственном финансовом контроле.

В значительной степени система финансового контроля подверглась изменениям, внесенным в 2013 году Федеральным законом от 23.07.2013 г. № 252-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 252-ФЗ).

Изменениями в Бюджетный кодекс и ряд других законодательных актов впервые в Российской Федерации была определена система государственного финансового контроля, ее принципы, методы и задачи. Что особенно важно, установлена взаимосвязь органов государственного (муниципального) финансового контроля от федерального уровня (Росфиннадзор) до местного (муниципальные службы государственного финансового контроля). В Бюджетный кодекс впервые введены понятия «внеш-

---

* © Михеева О.А., 2015

Михеева Ольга Александровна (SaraevaLI@samregion.ru), заместитель председателя правительства Самарской области — руководитель службы государственного финансового контроля Самарской области, 443006, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 210.

него» и «внутреннего», «предварительного» и «последующего» государственного (муниципального) финансового контроля. Законом № 252-ФЗ было определено, что предварительный контроль осуществляется в целях предупреждения и пресечения бюджетных нарушений в процессе исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Последующий контроль осуществляется по результатам исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в целях установления законности их исполнения, достоверности учета и отчетности.

При этом еще до принятия и вступления в силу Закона № 252-ФЗ в Самарской области орган внутреннего финансового контроля был создан в 2012 году по решению губернатора Самарской области Н.И. Меркушкина, который структурно полностью соответствовал новеллам федерального законодательства.

Основным принципом деятельности службы государственного финансового контроля Самарской области (Госфинконтроль Самарской области, Госфинконтроль) является риск-ориентированное планирование. Соответствующий подход предполагает осуществление в приоритетном порядке контрольных мероприятий по сферам, в которых наиболее вероятно наличие финансово-бюджетных нарушений [1, с. 2–7].

Вследствие того что проблема эффективности планирования и расходования бюджетных средств многогранна, важно прежде всего понимание системных ошибок, допускаемых в соответствующей сфере.

Несомненно, самой первой и главной ошибкой возможно считать непосредственно нарушения бюджетного законодательства, законодательства о контрактной системе и отраслевого законодательства. Эта категория нарушений связана с рядом факторов, основным из которых является незнание или недостаточное знание отраслевого законодательства сотрудниками уполномоченных органов или сторонами государственных (муниципальных) контрактов.

Так, например, весьма распространена практика оплаты заказчиком товаров, работ и услуг, которые не предусмотрены соответствующим государственным или муниципальным контрактом. Такие действия приводят к результатам, фактически аналогичным изменению условий контракта, однако, поскольку формально изменения внесены не были, соответствующие лица уходят от ответственности, предусмотренной за нарушение порядка заключения, изменения контракта статьей 7.32 КоАП. Указанная деятельность противоречит принципу обеспечения конкуренции, а также в значительной степени нивелирует роль планирования закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

В свою очередь, анализ опыта деятельности Госфинконтроля свидетельствует о наличии ряда ситуаций, которые связаны с недостаточностью правового регулирования, правовыми пробелами и отсутствием санкций за совершаемые нарушения, и могут повлечь неблагоприятные последствия для бюджета того или иного уровня. Между тем разрешение выявляемых проблем в рамках имеющегося бюджетного и уголовного законодательства, законодательства о закупках и административных правонарушениях затруднительно.

Важно отметить, что соответствующие проблемы не могут быть решены и в рамках общего правового поля, общих положений отраслевого российского законодательства, например, гражданского.

Так, например, нарушения могут быть связаны со злоупотреблением участниками бюджетных отношений своими правами при соблюдении формальных требований законодательства. При этом следует отметить, что к описываемым ниже ошибкам и нарушениям не может быть применен п. 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [2]. Таким образом, для целей настоящей статьи понятие злоупотребления правом используется в широком смысле, связанном с недобросовестным

поведением при реализации полномочий и прав, объективно нарушающим интересы других лиц, в том числе публичные интересы.

Отдельно следует отметить, что ряд приведенных ниже ситуаций возможно квалифицировать как мнимую (притворную) сделку, а не злоупотребление правом, поскольку в данном случае имеют противоправные действия, и здесь не может быть речи о злоупотреблении субъективными правами в силу их отсутствия. Однако стоит отметить, что применение к данным ситуациям положений о мнимой (притворной) сделке затруднительно, поскольку, исходя из статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации и позиций судов высших инстанций Российской Федерации, данные нарушения не подпадают под случаи признания сделок мнимыми (притворными) [3].

В этой связи выявляемые Госфинконтролем Самарской области системные проблемы и ошибки вследствие неполноты законодательного регулирования в целях более эффективного и своевременного контроля и управления в финансовой сфере, повышения ответственности за результаты хозяйственной деятельности на всех уровнях бюджетной системы Российской Федерации, нуждаются в соответствующей законодательной квалификации в качестве нарушения, предусматривающей также ответственность за его совершение.

Одной из самых распространенных системных проблем является завышение цены контрактов, что приводит к неэффективному использованию бюджетных средств. Это связано с тем, что у контролирующих органов в рамках действующего законодательства отсутствует возможность принять меры к недобросовестному заказчику в случае установления завышения начальной (максимальной) цены контракта по сравнению со среднерыночными ценовыми предложениями, если формально требования о способе определения поставщика, метод расчета начальной (максимальной) цены контракта и установленные ограничения соблюдены.

В настоящее время порядок формирования начальной (максимальной) цены контракта регулируется Методическими рекомендациями по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), утвержденными Приказом Министерства экономического развития России от 02.10.2013 г. № 567 [4], которые, исходя из наименования, по своей правовой природе не имеют обязательного характера и могут быть использованы при формировании начальной максимальной цены контракта, но не являются нормативным правовым актом.

Само по себе отсутствие объективного исследования рынка, вследствие которого заказчик считается недобросовестным, имеет множество причин. Очевидно, что в случае недобросовестности заказчика последний воспользуется наименее затратным и прозрачным методом формирования цены. Однако решение данной проблемы видится двумя путями: с помощью объективации полномочий по установлению ценовых коридоров, например, законодательным закреплением уполномоченного органа, который осуществлял бы мониторинг рыночных цен и повышение ответственности заказчиков, которое возможно урегулировать в правовой плоскости, установив в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП) ответственность за формирование начальной (максимальной) цены контракта с нарушением требований, предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок, это позволило бы заказчику либо использовать данные органа, осуществляющего мониторинг, либо стимулировало его к поиску более оптимальных ценовых предложений.

Также частым нарушением является приобретение товаров с избыточными свойствами, т. е. таких товаров, потребность в которых отсутствует или функционал

(и другие характеристики, вплоть до бренда) которых для заданной цели слишком широк. Госфинконтролем часто выявляются подобные случаи [5]. Однако повлиять на данную ситуацию возможно не только путем установления «ценовых коридоров» или нормативов количества и качества приобретаемых товаров, работ и услуг, нарушение которых, в зависимости от степени тяжести нарушения, может повлечь административную или уголовную ответственность, но и предусмотрев превентивную меру – возможность отказа в заключении контракта контрольным органом, что позволит обеспечить, прежде всего, сохранность бюджетных средств.

Кроме того, распространено не только недобросовестное поведение исполнителя, но и других сторон, задействованных в исполнении контракта, например ненадлежащее исполнение контрактов по вине субподрядчиков. При этом Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» не содержит механизмы применения мер ответственности со стороны заказчика в отношении привлекаемых субподрядчиков в рамках исполнения контракта, а также ответственности заказчика за их неприменение. В целях предотвращения ситуаций, когда неисполнение или ненадлежащее исполнение контракта происходит по причине недобросовестности привлекаемых субподрядчиков, соисполнителей, необходимо введение в действующее законодательство соответствующих изменений в части установления обязанности заказчиков осуществлять контроль за исполнением субподрядчиками обязательств в рамках исполнения контракта в случае, если документацией о закупке установлено право привлечения субподрядчиков, соисполнителей и подрядчиком (исполнителем) заключены договоры субподряда.

Значительную проблему представляет собой аффилированность между лицами, подающими коммерческие предложения на стадии формирования цены контрактов, когда цена, по сути, формируется одним контрагентом и одно из коммерческих предложений содержит намеренно завышенную цену, что приводит к искусственному завышению цены контрактов. При этом наличие связи и, следовательно, потенциальной недобросовестности исполнителей контракта далеко не всегда очевидно. В значительной степени преобладает формальная договоренность при отсутствии формальных достоверных свидетельств о связи лиц (например, соучредительство одними и теми же лицами, незначительные отличия в наименованиях организаций, расположение по одному и тому же адресу). В этой связи решение данной проблемы в правовой плоскости подразумевает не только наличие соответствующего законодательного запрета на аффилированность, но и необходимость разработки методологии доказывания при выявлении факторов, свидетельствующих об аффилированности.

Также к нарушениям можно отнести снижение начальной цены только по позициям, которые являются незначительными на стадии заключения контракта в объекте закупки. Описываемая проблема имеет место в случае, если объект закупки состоит более чем из одной позиции и в рамках проведения совместных торгов. На стадии заключения контракта в объекте закупки не происходит понижения цены на дорогостоящие позиции с целью дальнейшего исполнения контракта только в части дорогостоящих позиций и его возможного расторжения по соглашению сторон. Как и в ранее описанных проблемах, в настоящее время отсутствует закрепление механизма выявления, пресечения и ответственности за данные действия, но и права на совершение данных действий у сторон, очевидно, нет. В этой связи представляется целесообразным установить обязанность пропорционально снижать итоговую стоимость каждой позиции по результатам проведенных процедур закупок на коэффициент падения контракта, либо ее размер не должен превышать стоимость такой позиции, определенную при формировании начальной (максимальной) цены контракта.

Также следует отметить, что в редакции Бюджетного кодекса РФ до принятия Закона № 252-ФЗ субъектный состав нецелевого использования бюджетных средств был ограничен только получателями бюджетных средств (органами государственной власти и органами местного самоуправления, органами управления государственными внебюджетными фондами и казенными учреждениями). С внесением изменений в Кодекс в 2013 году субъектный состав данного правонарушения значительно расширился, в него вошли все лица, получающие средства из бюджета по какому-либо основанию (в том числе получатели субсидий). Соответствующие изменения были внесены и в КоАП. При этом в Уголовный кодекс Российской Федерации подобные изменения в статью 285.1 («Нецелевое расходование бюджетных средств») внесены не были. Вследствие этого возможность применения уголовной ответственности по данному составу ограничена и требует унификации путем внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части расширения субъектного состава нецелевого использования бюджетных средств.

Отдельный блок пробелов касается отраслевого законодательства. При этом данные ситуации могут иметь различные причины, например, в случае если внутренняя логика самого закона нарушена или в случае если при формировании нового законодательного акта не были учтены взаимосвязи законов и подзаконных актов, вследствие чего при наличии двух норм однозначное регулирование все же отсутствует, либо у законодателя отсутствовало четкое видение той «пустой ячейки», которую предстоит заполнить новым законопроектом [6].

Однако, несмотря на причину такого нарушения, его последствия могут причинить серьезный ущерб бюджетной системе. Так, например, Госфинконтролем уделяется особое внимание контрактам в строительстве, поскольку именно эти контракты являются наиболее дорогостоящими и требуют наибольшего анализа, в том числе специальных знаний.

Проблему также представляют собой факты длительного (более года) неиспользования государственными и муниципальными учреждениями имущества, которое закреплено за ними на праве оперативного управления собственником или приобретено таким учреждением за счет средств, выделенных ему собственником на приобретение такого имущества.

В свою очередь, решение сходной проблемы неэффективно используемого имущества прорабатывается федеральными органами исполнительной власти. Так, например, создание эффективной системы учета наличия и использования государственного имущества является одним из приоритетных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года. В настоящее время разрабатывается Концепция управления федеральным имуществом на период до 2018 года.

Следует отметить, что оценка неэффективности использования имущества должна иметь под собой систему критериев. В обоих случаях очевидно, что расходование бюджетных средств в данных условиях не дает социально значимого эффекта. Однако случаи неиспользования имущества, которые представляются более простыми в доказывании относительно неэффективности использования, тем не менее не закреплены в качестве нарушения. В этой связи представляется важным уделить внимание в том числе случаям длительного (более года) неиспользования государственными и муниципальными учреждениями имущества, которое закреплено за ними на праве оперативного управления собственником или приобретено таким учреждением за счет средств, выделенных ему собственником на приобретение такого имущества, придав им статус административного правонарушения или преступления, в зависимости от степени тяжести деяния, и предусмотреть за совершение данного нарушения соответствующую ответственность.

Все названные проблемы в конечном счете снижают эффективность расходов, что в сложившейся экономической обстановке может быть критично, тормозят развитие основных отраслей экономики. Однако обобщение соответствующего опыта работы стало основой для подготовки Госфинконтролем законодательных предложений на региональном и федеральном уровне, ориентированных, прежде всего, на совершенствование системы финансового контроля, и стоит надеяться, что с принятием намеченных изменений в федеральное законодательство ситуация в сфере бюджетных расходов будет улучшаться.

Библиографический список

1. Михеева О.А. Риск-ориентированное планирование контрольной деятельности // Бюджет. 2014. № 1. С. 2–7.
2. Решение ВАС РФ от 16.04.2012 № ВАС-1113/12 «Об оставлении без удовлетворения заявления о признании недействующими с момента принятия абзацев 2, 3, 4 пункта 11 и пункта 17 Правил поставки газа в Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства РФ от 05.02.1998 № 162». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Верховного Суда РФ от 16.07.2013 № 18-КГ13-55 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Раздел VI Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), утвержденные Приказом Минэкономразвития России от 02.10.2013 № 567 // ЖКХ: журнал руководителя и главного бухгалтера. 2014 (часть II) № 1; Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ. 2014 (часть II). № 2.
5. Икорница для детей-инвалидов станет символом самарской коррупции. URL: <http://zasekin.ru/days/19803/> (дата обращения: 10.04.2015).
6. Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника: учебник. М.: Юстицинформ, 2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Mikheeva O.A. Risk-based planning of control activities. *Biudzheth* [Budget], 2014, no. 1, pp. 2 – 7 [in Russian].
2. Resolution of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation № VAS-1113/12 dated 16 April, 2012 «On leaving dismissed the application for invalidation of the adoption of Article 11, paragraphs 2, 3 and 4 and Article 17 of Rules of gas supplies to the Russian Federation, approved by the Russian Government Decision no. 162 dated February 5, 1998». *Legal reference system «ConsultantPlus»* [in Russian].
3. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation № 18-KG13-55 dated 16 July, 2013 *Biulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2014, no. 1 [in Russian]. *Legal reference system «ConsultantPlus»* [in Russian].
4. Section VI of Guidelines for application of methods of determining initial (maximum) contract price, the price of the contract concluded with a single supplier (contractor, executor), approved by Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation no. 567 dated 2 October, 2013. *ZhKKh*: [Housing and community amenities: magazine for director and chief accountant], 2014, no. 1 (Part II) [in Russian], *Zhurnal rukovoditelia i glavnogo bukhgaltera ZhKKh* [Magazine for director and chief accountant of housing and community amenities], 2014, no. 2 (Part II) [in Russian].
5. Caviar dish for disabled children will become a symbol of corruption in the Samara Region. Retrieved from: <http://zasekin.ru/days/19803/> (accessed 10.04.2015) [in Russian].
6. Krasnov Ju.K., Nadvikova V.V., Shkatulla V.I. Legal engineering: textbook. M., Iustitsinform, 2014. *Legal reference system «ConsultantPlus»* [in Russian].

O.A. Mikheeva*

**IMPLEMENTATION ISSUES OF STATE FINANCIAL CONTROL LEGISLATION:
BY EXPERIENCE OF STATE FINANCIAL CONTROL SERVICE
OF THE SAMARA REGION**

This article contains description of main problems identified during control activities by recently established State Financial Control Service of the Samara Region. This article also shows possible ways to resolve them, including federal and regional legislative activity.

Key words: state and municipal financial control, contract system, violation of budget legislation, administrative and criminal responsibility for financial and budgetary violations, development of state financial control legislation.

---

* *Mikheeva Olga Alexandrovna (SaraevaLI@samregion.ru)*, Deputy Chairman of the Government of the Samara Region – Chief of State Financial Control Service of the Samara Region, 210, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443006, Russian Federation.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347

*В.Д. Рузанова****СИСТЕМНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:
ОЦЕНКА НОВЕЛЛ ГК РФ**

Статья посвящена вопросам обеспечения системности гражданского законодательства в условиях его значительного обновления. Указанные вопросы исследуются автором с учетом легальных нововведений в сферах недействительности сделок, института юридических лиц, общих положений об обязательствах. На базе проведенного анализа делается вывод о том, что новеллы в названных областях не в полной мере отвечают потребностям системности гражданского законодательства.

Ключевые слова: гражданское законодательство, недействительная сделка, юридическое лицо, обязательство, закон, иной правовой акт.

Современный период развития гражданского законодательства характеризуется интенсивной новеллизацией многих его институтов. Поскольку внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации осуществляется отдельными законами, то весьма актуальным в таких условиях становится вопрос об обеспечении необходимого уровня системности гражданского законодательства. Гражданско-правовая законодательная система является многоуровневой и имеет сложную структуру, которая выступает в горизонтальной (подотрасли, институты и пр.) и вертикальной плоскостях (построение нормативного материала по иерархическому принципу – в зависимости от юридической силы нормативных правовых актов). По справедливому утверждению Ю.А. Тихомирова, целостную систему нормативного регулирования выстроить довольно сложно, поскольку налицо «необозримость» действующих актов и правил, с одной стороны, хаотичность их образования и несогласованность между собой – с другой, и забвение системного подхода к иерархическому построению права и

---

* © Рузанова В.Д., 2015

Рузанова Валентина Дмитриевна (vd.ruz@mail.ru), кафедра гражданского и предпринимательского права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

законодательства приводит к нарушению последовательности в принятии разных правовых актов [1, с. 97].

Сегодня можно утверждать, что ГК РФ впервые в отечественной законодательной практике сделал попытку построить целостную гражданско-правовую законодательную систему. Это выражается, прежде всего, в положениях ст. 3 ГК РФ, закрепляющих соотношение нормативных правовых актов различного уровня, и в наличии во множестве его статей отсылок к законам и иным правовым актам. Кроме того, проблема системности гражданского законодательства в условиях его интенсивного обновления имеет и другой аспект, состоящий в установлении внутренней согласованности правового регулирования. Имеется в виду ситуация, когда во взаимосвязанных статьях Кодекса предлагаются различные легальные решения одного и того же вопроса. Проанализируем некоторые положения федеральных законов, которыми внесены изменения в институты недействительности сделок, юридических лиц и общих положений об обязательствах с точки зрения достижения ими цели обеспечения системности гражданского законодательства [2; 14–15].

Относительно института недействительности сделок несогласованность правового регулирования, в частности, можно продемонстрировать на примере неоднозначности содержания употребляемого в ст. 3 ГК РФ и ст. 168 ГК РФ («Недействительность сделки, нарушающей требования закона или иного правового акта») (в ред. ФЗ от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ) словосочетания «требования закона или иного правового акта». По смыслу ст. 3 ГК РФ под законами понимаются только федеральные законы, а под иными правовыми актами – указы Президента РФ и постановления Правительства РФ. Формально именно в таком значении должна толковаться и ссылка в ст. 168 ГК на законы и иные правовые акты. Отметим, что в теории и на практике до внесения соответствующих изменений в ГК РФ велся и в настоящее время продолжает вестись спор об «объеме» приведенной конструкции. Так, одни авторы включают в состав таких актов не только нормативные, но и индивидуальные правовые акты [3, с. 510–511], другие – все надлежаще установленные нормы гражданского законодательства РФ, в том числе нормы международного права, которые являются составной частью правовой системы РФ [4, с. 476]. Если применительно к толкованию используемых в ст. 168 ГК РФ терминов исходить из формулировки ст. 3 ГК РФ, то на договор лизинга, например, заключенный с нарушением требований Конвенции УНИДРУА «О международном финансовом лизинге» от 28 мая 1988 (Оттава) [5, ст. 4040], ст. 168 ГК не распространяется.

Судебная практика демонстрирует различные подходы относительно круга актов, нарушение требований которых влечет необходимость обращения к данной статье. Так, в определении Верховного Суда РФ от 13 декабря 2011 г. № 5-В11-116 указывается, что положения ст. 168 ГК РФ о недействительности сделок должны применяться при их несоответствии требованиям всех перечисленных в ст. 3 ГК РФ правовых актов, содержащих нормы гражданского права, к которым относятся и акты министерств и иных федеральных органов исполнительной власти [6]. В другом судебном акте – постановлении Президиума ВАС РФ от 20 июня 2010 г. № 2142/10 – со ссылкой на ст. 3 ГК делается вывод о том, что в ст. 168 ГК РФ под законами, содержащими нормы гражданского права, понимаются лишь ГК РФ, иные федеральные законы, а под иными правовыми актами – указы Президента РФ и постановления Правительства РФ. Акты же министерств и иных федеральных органов исполнительной власти, органов субъектов РФ и органов местного самоуправления к таковым не относятся [7]. Заметим, что изложенные позиции основываются на различном толковании одной и той же статьи – ст. 3 ГК РФ.

Кроме того, по результатам анализа ст. 168 ГК РФ в теории сделаны выводы о том, что применение положений данной статьи должно происходить не только при нарушении гражданско-правовых норм, но и в случае несоблюдения норм других отраслей права [8]. Аналогичного взгляда придерживается и судебная практика. Так, в определении ВАС РФ от 2 марта 2011 г. № ВАС-1723/11 [7] признаются правильными акты судов нижестоящих инстанций, на основании ст. 168 ГК РФ пришедших к выводу о недействительности государственного контракта, противоречащего нормам бюджетного законодательства. Положения указанной статьи применяется также в других делах, когда установлено нарушение договором предписаний бюджетного законодательства [9], к ней обращаются и при рассмотрении дел о нарушении таможенного законодательства [10] и др.

Полагаем, что, исходя из назначения ст. 168 ГК РФ, употребляемое в ней словосочетание («требования закона или иных правовых актов») не следует сводить только к нормам, содержащимся в федеральных законах, указах Президента РФ и постановлениях Правительства РФ (ст. 3 ГК). Отметим, что иногда и сам ГК РФ говорит о нарушении требований нормативных правовых актов министерств и иных федеральных органов исполнительной власти как основании недействительности сделки. Например, согласно п. 2 ст. 835 ГК РФ, в случае принятия денежных средств юридического лица на условиях договора банковского вклада лицом, не имеющим на это право, или с нарушением порядка, установленного законом или принятыми в соответствии с ним банковскими правилами, такой договор является недействительным. Недействительными должны признаваться и условия договора, противоречащие правилам перевозки, издаваемым транспортными министерствами. Если же толковать используемые в ст. 168 ГК РФ термины «закон» и «иной правовой акт» исключительно в значении ст. 3 ГК, то мы неизбежно должны прийти к выводу о том, что нарушение требований международных источников и ведомственных актов не является основанием для недействительности сделки. Однако это противоречит приведенным нормам, действительному смыслу указанной статьи, вытекающему из ее назначения, и ведет к необоснованному сужению сферы ее применения. Считаем, что устранить отмеченное несоответствие в правовом регулировании можно путем внесения в ст. 168 ГК РФ указания на нарушение норм права без перечисления источников их закрепления. Как видим, несогласованность в гражданско-правовом регулировании в рассмотренном аспекте выступает как несоответствие «объема» легального понятия, закрепленного в качестве общеотраслевого, «объему» его использованию в отдельных институтах.

Рассмотрим вопрос о необходимости поддержания соответствующего уровня системности гражданского законодательства через призму предлагаемого ГК РФ одного из способов построения целостной гражданско-правовой законодательной системы, состоящего в наличии во множестве его статей отсылок к законам и иным правовым актам. Отметим, что сделанные в ГК РФ отсылки к иным актам являются тем «ключом», который позволяет правовое пространство «открыть». Они отражают стремление законодателя преодолеть «эффект замкнутой системы». И это не случайно, поскольку, по меткому выражению Р. Кабрияка, «никакой замкнутый мир не может долго оставаться самодостаточным» [11, с. 178]. В связи со сказанным вполне уместно привести соображения С.В. Полениной, считающей интересным вопрос о содержащихся в ряде основополагающих законодательных актов обязательных для будущего законодателя указаний о структуре законодательства в той или иной сфере [12, с. 20].

В зависимости от уровня актов все отсылки, имеющиеся в ГК, можно разделить на две основные группы: это отсылки к закону (например, п. 2 ст. 49 ГК РФ) и отсылки к закону и иным правовым актам (например, п. 4 ст. 49 ГК РФ). Иногда говорится

только об иных правовых актах, в частности, о постановлениях Правительства РФ, например, в абз. 2 п. 1 ст. 54 ГК РФ. Такая градация означает, что гражданско-правовое пространство представляет собой разноуровневую среду. В юридической литературе факт включения в отдельные статьи ГК отсылок к «закону» оценивается в качестве важной меры по повышению роли закона в регулировании имущественных отношений. В частности, отмечается, что тем самым исключается регулирование соответствующих отношений подзаконными актами; существенно расширяется сфера прямой законодательной регламентации; предусматривается создание системы согласованных конкретных законов, опирающихся на единую законодательную базу [13, с. 102–103].

Анализ текста статей, содержащих отсылки к «закону», позволяет констатировать, что в ГК РФ используются различные формулировки: в одних случаях называется конкретный закон, в других — говорится о законах в определенной сфере, а в третьих — употребляется слово «закон». Иногда имеются и отсылки к законодательству, в частности, к законодательству о несостоятельности (банкротстве) (абз. 2 п. 6 ст. 61, абз. 2 п. 4 ст. 62, п. 3 ст. 63 ГК). Каждый из приведенных способов отсылки имеет право на существование, поскольку гражданско-правовое регулирование как сложный и многоуровневый механизм инвариантен. Анализ соответствующих легальных новелл свидетельствует о том, что сейчас имеет место тенденция по расширению сферы гражданско-правового регулирования иными правовыми актами. Например, в сфере юридических лиц, институт которых претерпел существенные изменения (ФЗ от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ), иными правовыми актами (наряду с законом) регулируется целый ряд вопросов, в том числе устанавливаются особенности гражданско-правового положения юридических лиц отдельных организационно-правовых форм, видов и типов, а также юридических лиц, созданных для осуществления деятельности в определенных сферах (п. 4 ст. 49 ГК РФ), определяется действие органов юридического лица (п.п. 1 и 3 ст. 53 ГК РФ), вводятся исключения из правил о судьбе имущества, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов (п. 8 ст. 63 ГК РФ). Кроме того, относительно особенностей правового положения акционерных обществ, созданных путем приватизации государственных и муниципальных предприятий, говорится и об иных правовых актах о приватизации этих предприятий (абз. 2 п. 3 ст. 96 ГК РФ). Нельзя не заметить некую произвольность выбора отношений, регулирование которых наряду с законом может осуществляться и иными правовыми актами. Например, какая была необходимость включать иные правовые акты в нормативную базу функционирования органов юридического лица, если сам порядок их образования и компетенция определяются исключительно законом и учредительным документом? Далее, в чем заключается смысл указания в п. 3 ст. 53 ГК РФ на иные правовые акты (наряду с законом и учредительным документом) как на источники полномочия того или иного лица выступать от имени юридического лица? О каких лицах здесь идет речь, если способы реализации правосубъектности юридических лиц носят исчерпывающий характер и прямо указаны в ГК РФ? В связи с этим скажем, что нельзя согласиться с позицией законодателя в том, что орган является представителем юридического лица. Такой подход не просто противоречит его действительному положению как части юридического лица, но и приводит к необходимости пересмотра (при отсутствии к тому каких-либо оснований) самих основ цивилистической доктрины, касающихся субъектов гражданского права. Чем, например, можно объяснить позицию законодателя, установившего, что судьба имущества юридического лица, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, может определяться не только законом и его учредительным документом, но и иными правовыми актами?

Складывается впечатление, что отсылки к иным правовым актам сделаны как бы «на всякий случай», что нельзя признать верным.

Полагаем, что необходимо принципиально определиться относительно уровней правового регулирования и состава законодательства в сфере юридических лиц. Считаем, что первостепенной должна быть цепочка: ГК РФ – специальный закон (если в его принятии есть потребность). В эту цепочку не должны «вклиниваться» иные законы, которые затрагивают предмет специального закона. Именно путем внесения изменений в специальный закон достаточно оперативно можно учитывать меняющиеся жизненные потребности в данной области.

Вместе с тем считаем, что поскольку юридические лица как субъекты гражданского права действуют в гражданском обороте не только на основе ГК и законов о юридических лицах, но и других законов, то отсылки в главе 4 ГК РФ к «закону», безусловно, должны иметь место. В целом такая отсылка «удобна» в том смысле, что она делает правовое пространство открытым. Это выражается в определении случаев, допускающих установление «законом» иного правила по сравнению с общим правилом или исключения из него. Указанный способ, с нашей точки зрения, в известной мере нейтрализует свойство любого кодекса, по выражению Р. Кабриака, «запирать правовое пространство» [11, с. 170]. Как участники гражданского оборота указанные субъекты подчиняются также и общим правилам, закрепленным в ГК, поэтому в названной главе такие отсылки должны носить строго целевой характер, заключающийся в урегулировании особенностей их функционирования. Каждая из отсылок к «закону» должна быть содержательно согласована с отсылками к специальным законам, иначе в сфере юридических лиц будут появляться все новые и новые законы, затрагивающие те или иные стороны их деятельности, применение которых будет определяться только правилами о действии закона во времени, что может разбалансировать нормативное регулирование.

В ГК необходимо «зафиксировать» место специального закона в системе законов, устанавливающих статус юридического лица, которое должно заключаться в том, что между последним и ГК не должно быть иного закона. Для этого в случае если правовое положение того или иного юридического лица наряду с ГК дополнительно устанавливается специальным законом, в статье, где устанавливается понятие этого субъекта, должны содержаться наименование закона и указание на то, что гражданско-правовое положение такого юридического лица в части, не урегулированной Кодексом, определяется данным законом. Другие же законы могут регулировать только те отношения, которые не относятся к предмету специального закона, и при условии, что на такую возможность их издания указывается в ГК РФ.

С учетом изложенного выскажем ряд принципиальных соображений относительно формирования нормативной составляющей института юридических лиц. Прежде всего, предлагаем внести в п. 4 ст. 49 ГК РФ общее положение о том, что особенности гражданско-правового положения юридических лиц определяются в соответствии с Кодексом законами о юридических лицах (формулировка п. 4 ст. 53 ГК РФ). Отсылки к «закону» в названной норме не требуется, поскольку если не предполагается принятие специального закона о конкретной организационно-правовой форме юридического лица, то имеется в виду, что правовой статус такого субъекта (включая особенности его гражданско-правового статуса) полностью определяется в ГК РФ. Представляется нелогичным в отношении одних юридических лиц закреплять особенности их гражданско-правового положения в «специальном законе», а в отношении других – в «законе». Однако предложенный вариант правового нормирования не исключает отсылок к «закону» в отдельных статьях ГК о юридических лицах, но при том непременно условии, что предмет последнего не будет пересекаться с предметом

специального закона или же не будет носить специальный характер (по содержанию) в отношении тех юридических лиц, статус которых определяется только в ГК. Далее, применительно к отдельным организационно-правовым формам юридических лиц в статье, закрепляющей их понятие, следует указывать конкретный состав соответствующего законодательного блока.

В сфере гражданско-правовых обязательств, подвергшихся значительной новеллизации, несогласованность правового регулирования можно продемонстрировать на примере соотношения действия общих и специальных норм применительно к договорным обязательствам. Согласно 307.1 ГК (Применение общих положений об обязательствах), общие положения об обязательствах применяются, если иное не предусмотрено правилами об отдельных видах договоров, содержащимися в Кодексе и иных законах. Таким образом, даже если такие специальные правила находятся не в ГК, а в ином законе, то все равно нормы этого закона о конкретном договоре будут иметь приоритет в применении по отношению к общим положениям ГК РФ об обязательствах. Примером может служить Федеральный закон 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», который закрепляет самостоятельную договорную форму в области долевого строительства. При отсутствии специальных правил о конкретном договоре действуют общие положения ГК РФ о договоре. Таким образом, общие положения об обязательствах применяются в третью очередь. Однако в п. 3 ст. 420 ГК предлагается несколько иной вариант соотношения уровней правового регулирования обязательственных отношений. В соответствии с указанным пунктом к обязательствам, возникшим из договора, применяются общие положения об обязательствах (статьи 307–419), если иное не предусмотрено правилами главы 27 (Понятие и условия договора) и правилами об отдельных видах договоров, содержащимися в Кодексе. Во-первых, здесь в отличие от ст. 307.1 не устанавливается «очередность» применения правил подраздела 2 раздела III (Общие положения о договоре) и содержащихся в ГК правил об отдельных видах договоров. Более того, используемая в п. 3 ст. 420 ГК формулировка наводит на мысль о «первичности» норм общих положений о договоре. Во-вторых, относительно правил об отдельных видах договоров имеется несогласованность в определении источников их установления: в ст. 307.1 ГК речь идет о нормах, содержащихся в ГК и иных законах, а в п. 3 ст. 420 ГК — только в ГК. Более того, обе указанные нормы не согласуются с положениями ст. 421 ГК РФ (в редакции ФЗ от 08.03 2015 г. № 42-ФЗ). Согласно п.п. 2 и 3 ст. 421 ГК РФ правила об отдельных видах договоров могут быть предусмотрены законом или иными правовыми актами. Интересно также отметить, что здесь ГК как источник установления положений об отдельных видах договоров вообще не указывается. Конечно, можно предположить, что словом «закон» в данном случае охватывается и ГК, однако тогда возникает вопрос: почему в других статьях последний называется наряду с законом? Следовательно, ныне действующая редакция ГК в части формирования системы нормативных правовых актов, в которых определяются правила об отдельных видах договоров, не отвечает требованию согласованности правового регулирования.

Следующим примером, демонстрирующим такую несогласованность, является регламентация в ГК осуществления некоммерческими организациями приносящей доход деятельности. Рассмотрим эту проблему через призму современной регламентации институтов юридических лиц и обязательств. Как известно, ГК не содержит определения предпринимателя, а говорит только о лицах, осуществляющих предпринимательскую деятельность. К таким лицам относятся коммерческие организации, по-

сколько они создаются с целью извлечения прибыли, а также индивидуальные предприниматели. Согласно прежней редакции п. 3 ст. 50 ГК РФ, субъектами предпринимательской деятельности могли выступать и некоммерческие организации. В соответствии с изменениями, внесенными в данный пункт ФЗ 5 мая 2014 года № 99-ФЗ, некоммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям. Таким образом, законодатель в отношении указанных юридических лиц ввел специальный вид деятельности, который по своему правовому режиму, очевидно, должен отличаться от предпринимательской, иначе его установление не имело бы смысла. Скажем также, что конструкция «приносящая доход деятельность» не является новой для ГК РФ, поскольку до внесения соответствующих изменений она употреблялась в ст. 298 ГК применительно к учреждениям. В связи с этим возникают два вопроса: каким правилам такой вид деятельности должен подчиняться, т. е. распространяются ли на нее нормы, устанавливающие особенности предпринимательских отношений и, в первую очередь, обязательств, и приобретают ли некоммерческие организации статус предпринимателя в случае осуществления этой деятельности? В новой редакции ст. 50 ГК указывается, что некоммерческая организация для осуществления приносящей доход деятельности (за исключением казенного и частного учреждений) должна иметь достаточное для ее осуществления имущество рыночной стоимостью не менее минимального размера уставного капитала, предусмотренного для обществ с ограниченной ответственностью (п. 1 ст. 66.2 ГК). Такой подход к регулированию косвенно подтверждает стремление законодателя в определенной части приравнять правовое регулирование приносящей доход деятельности к режиму предпринимательской деятельности. Однако проблема остается, поскольку нормирование первого вида деятельности страдает неопределенностью, «не вписывается» в существующую логику ГК, что может повлечь серьезные трудности при правоприменении. Кроме того, в отношении автономных некоммерческих организаций законодатель говорит об их праве заниматься предпринимательской деятельностью путем создания для ее осуществления хозяйственных обществ или участия в них (п. 5 ст. 123.24. ГК РФ). На основе формулировки п. 5 ст. 123.24. ГК РФ и с учетом его нормативного единства с п. 4 ст. 50 ГК РФ можно сделать вывод о том, что в исключение из общего правила указанные некоммерческие организации могут заниматься как предпринимательской, так и приносящей доход деятельностью. Трудно объяснить, чем обусловлена такая правовая регламентация. Более того, по своему содержанию п. 5 ст. 123.24. ГК РФ является внутренне противоречивым. С одной стороны, он предоставляет право заниматься предпринимательской деятельностью самому некоммерческому юридическому лицу, а с другой — закрепляет положение о том, что такая деятельность осуществляется другими субъектами — хозяйственными обществами. Между тем право заниматься предпринимательской деятельностью означает не что иное, как право осуществлять такую деятельность. Исходя из этого, применительно к автономной некоммерческой организации в качестве предпринимательской деятельности следует рассматривать создание хозяйственных обществ и участие в них. Однако это противоречит понятию предпринимательской деятельности, закрепленной в ст. 2 ГК, поскольку такая деятельность может выражаться только в пользовании имуществом, продаже товаров, выполнении работ или оказании услуг и осуществляться лицами, зарегистрированными в соответствующем качестве. Полагаем, что в ГК необходимо внести норму о том, что на приносящую доход деятельность некоммерческих организаций распространяются правила ГК, устанавливающие порядок осуществления предпринимательской деятельности, за исключениями, установленными ГК. Эта идея нашла фрагмен-

тарное воплощение в новой редакции п. 1 ст. 426 ГК РФ, где речь идет о лице, осуществляющем предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, как о стороне публичного договора, производящей продажу товаров, выполняющей работы либо оказывающей услуги. Однако в ГК имеются и другие договоры, одной или обеими сторонами которого выступают лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, например, договор поставки (ст. 506 ГК). При таком подходе законодателя к правовому регулированию, когда отсутствует общая норма, определяющая режим деятельности, приносящей доход, юридических лиц, осуществляющих такую деятельность, субъектами предпринимательских договоров формально считать нельзя.

Исследуемая проблема не ограничивается только рамками «субъектного» состава конкретных договоров, она значительно шире, поскольку предпринимательские обязательства имеют целый ряд принципиальных легальных особенностей, которые в совокупности создают их особый режим. Специфический субъектный состав предпринимательских обязательств не является их единственной отличительной особенностью. Эти обязательства базируются на принципиально иных началах, чем прочие гражданско-правовые обязательства. Конкретно это находит выражение в установлении презумпций, противоположных общим; в применении безвиновной (строгой) ответственности; в более широкой трактовке принципа диспозитивности; в дополнительных ограничениях свободы договора; в значительном влиянии на них норм публичных отраслей права; в наличии специальных институтов, таких как, например, коммерческое представительство и т. д.

В связи с этим вновь обратимся к положениям ФЗ от 08.03 2015 г. № 42-ФЗ и проиллюстрируем сказанное на примере новой интерпретация содержания принципа недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства. Заметим, что в ст. 310 ГК РФ под названным принципом понимается как собственно односторонний отказ от исполнения обязательства, так и одностороннее изменение его условий. Новая редакция указанной статьи предусматривает несколько вариантов применения данного принципа в зависимости от субъектного состава обязательства, а именно:

— общее правило, которое не изменилось, состоит в том, что односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются. При этом если ранее исключения из этого правила могли быть предусмотрены только законом, то теперь — и иными правовыми актами;

— применительно к обязательству, связанному с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, такой отказ допускается в случаях, предусмотренных Кодексом, другими законами, иными правовыми актами или договором. Как видим, по такому обязательству право на односторонний отказ возможно установить и договором;

— относительно обязательства, связанного с осуществлением не всеми его сторонами предпринимательской деятельности, право на такой отказ может быть предоставлено договором лишь стороне, не осуществляющей предпринимательской деятельности, за исключением случаев, когда законом или иным правовым актом предусмотрена возможность предоставления договором такого права другой стороне.

Введение на легальном уровне детальной дифференциации режима обязательств в зависимости от принадлежности субъекта к рангу предпринимателя с неизбежностью актуализирует вопрос о возможности участия в них некоммерческих юридических лиц.

Интересное положение закреплено в п. 3 статьи 310 ГК, устанавливающим, что в предпринимательских обязательствах это право может быть обусловлено по соглашению сторон необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне

обязательства. Таким образом, здесь речь идет о совершенно новом правовом «феномене» — о платности права на односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий. В ГК также введена новая статья 317.1 (Проценты по денежному обязательству), в которой устанавливаются дополнительные особенности денежных обязательств в предпринимательской сфере. Согласно п. 1 данной статьи, кредитор по денежному обязательству, сторонами которого являются коммерческие организации, имеет право на получение с должника процентов на сумму долга за период пользования денежными средствами. Причем условие обязательства, предусматривающее начисление процентов на проценты, является ничтожным, за исключением условий обязательств, возникающих из договоров банковского вклада или из договоров, связанных с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности (п. 2 ст. 317.1 ГК). Изложенные правила следует отличать от положений ст. 395 ГК, в которых речь идет об ответственности за пользование чужими денежными средствами. Неопределенность правового режима деятельности, приносящей доход, не позволяет распространить на нее приведенные, а также иные нормы о предпринимательских обязательствах.

Системность гражданского законодательства является важнейшим фактором, определяющим эффективность правового регулирования, поэтому на современном этапе его совершенствования обеспечение содержательной согласованности вводимых (новых) норм между собой, а также последних с существующими нормами приобретает первостепенное значение.

Библиографический список

1. Тихомиров Ю.А. Нормативное регулирование: взлет или кризис? // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 97.
2. ФЗ от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2327.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. Т.Е. Абовой и А.Ю. Кабалкина; Ин-т государства и права РАН. М.: Юрайт-Издан, 2004. С. 510–511.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / отв. ред. О.Н. Садилова. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2006. С. 476.
5. СЗ РФ. 1999. № 32. Ст. 4040.
6. Определение Верховного Суда РФ от 13 декабря 2011 г. № 5-В11-116. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2014).
7. Определение ВАС РФ от 2 марта 2011 г. № ВАС-1723/11. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.06.2013).
8. Постатейный комментарий к главе 9 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2009. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.06.2013).
9. Определение ВАС РФ от 14 ноября 2007 г. № 11567/07. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.06.2013 г.); постановление Президиума ВАС РФ от 5 апреля 2006 г. № 15061/05. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.06.2013).
10. Определение ВАС РФ от 24 августа 2011 г. № ВАС-10564/11. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.06.2013).
11. Кабрияк Р. Кодификация / пер. с фр. Л.В. Головки. М.: Статут, 2007. С. 178.
12. Поленина С.В. Система советского законодательства // Советское государство и право. 1975. № 11. С. 20.

13. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 102–103.

14. ФЗ от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

15. ФЗ от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

References

1. Tikhomirov Yu.A. Normative regulation: takeoff or crisis? *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 2006, no. 4, pp. 97 [in Russian].

2. Federal Law dated 07.05.2013 № 100-FL «On amendments to subsections 4 and 5 of section I of part one and Article 1153 of part three of the Civil Code of the Russian Federation» *SZ RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 2013, no. 19, Art. 2327 [in Russian].

3. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation: In 3 Vols. Vol. 1. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, Part 1. T.E. Abova and A.Yu. Kabalkina (Eds.); Institute of State and Law. M., Iurait-Izdan, 2004, pp. 510–511 [in Russian].

4. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation. Part 1 (itemized). O.N. Sadikov (Ed.). M., Iuridicheskaia firma «KONTRAKT»: INFRA-M, 2006, p. 476 [in Russian].

5. Legislation Bulletin of the Russian Federation, 1999, no. 32, Art. 4040 [in Russian].

6. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13 December, 2011 № 5-V11-116. *Access from legal reference system «ConsultantPlus»* (accessed 01.12.2014) [in Russian].

7. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 2 March, 2011 № VAS-1723/11. *Access from legal reference system «ConsultantPlus»* (accessed 03.06.2013) [in Russian].

8. Itemized commentaries to Chapter 9 of the Civil Code of the Russian Federation. P.V. Krasheninikov (Ed.). M., Statut, 2009. *Access from legal reference system «ConsultantPlus»* (accessed 03.06.2013) [in Russian].

9. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 14 November, 2007 № 11567/07. The document has not been published. *Access from legal reference system «ConsultantPlus»* (accessed 03.06.2013) [in Russian]; Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated April 5, 2006 № 15061/05. The document has not been published. *Access from legal reference system «Consultant Plus»* (accessed 03.06.2013) [in Russian].

10. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 24 August, 2011 № VAC-10564/11. The document has not been published. *Access from legal reference system «ConsultantPlus»* (accessed 03.06.2013) [in Russian].

11. Kabriyakh R. Codification. Translated from French by L.V. Golovko. M., Statute, 2007, pp. 178 [in Russian].

12. Polenina S.V. The system of Soviet legislation. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and the right], 1975, no. 11, p. 20 [in Russian].

13. Civil law: textbook: in 4 Volumes. Vol. 1: General part. E.A. Sukhanov (Ed.). 3rd ed., revised and enlarged. M., Volters Kluver, 2006, pp. 102–103 [in Russian].

14. Federal Law dated 05.05.2014 № 99-FL «On amendments to Chapter 4 of part one of the Civil Code of the Russian Federation and invalidating certain provisions of legislative acts of the Russian Federation». *SZ RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 2014, no. 19, Art. 2304 [in Russian].

15. Federal Law dated 08.03.2015 № 42-FL «On amendments to part one of the Civil Code of the Russian Federation». *SZ RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 2015, no. 10, Art. 1412 [in Russian].

V.D. Ruzanova*

**SYSTEMATICITY OF CIVIL LEGISLATION: ASSESSMENT
OF NOVELS IN RUSSIAN CIVIL CODE**

The article is devoted to the issues of procuring of systematic civil legislation under conditions of its substantial renovation. These issues are studied by author in consideration of legal innovations in the areas of transactions invalidity, legal entities institute, and general thesis on obligations. On the basis of carried out analysis, it is concluded that the novels in these areas do not fully meet the needs of systematicity of civil legislation.

Key words: civil legislation, invalid transaction, legal entity, obligation, law, other legal act.

---

* *Ruzanova Valentina Dmitrievna* (vd.ruz@mail.ru), Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

СЕМЕЙНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

УДК 347

Е.С. Крюкова*

ПОСЛЕДСТВИЯ САМОВОЛЬНОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА И ПЕРЕПЛАНИРОВКИ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

В статье анализируются положения жилищного законодательства, посвященные условиям и порядку осуществления переустройства и перепланировки жилого помещения. Подчеркивается необходимость доработки норм Жилищного и Гражданского кодексов РФ, посвященных основаниям прекращения права собственности и расторжения договора найма жилого помещения в части последствий самовольного проведения переустройства и перепланировки жилья.

Ключевые слова: переустройство и перепланировка жилого помещения, договор найма жилого помещения, прекращение права собственности на жилое помещение, публичные торги.

Объектом всех жилищных прав (права собственности, права пользования в силу завещательного отказа и по договору пожизненного содержания с иждивением, права пользования нанимателем и членами его семьи во всех видах жилищных фондов и др.), согласно ст. 15 ЖК РФ, выступает жилое помещение. В процессе использования характеристики жилого помещения и его назначение могут быть изменены в установленном законом порядке. Общие правила, соблюдение которых обязательно при переустройстве и перепланировке жилья, независимо от того, в каком жилищном фонде оно находится, изложены в главе 4 ЖК РФ. В теории неоднократно подчеркивалось, что регулирование отношений, связанных с переустройством и перепланировкой жилых помещений (ст. 25–29 гл. 4 ЖК РФ), в настоящее время осуществляется в значительной степени иначе, чем было ранее [1].

Перепланировка представляет собой изменение конфигурации жилого помещения, требующее внесения изменений в технический паспорт.

---

* © Крюкова Е.С., 2015

Крюкова Елена Сергеевна (el@ssu.samara.ru), кафедра гражданского и предпринимательского права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Переустройство – это установка, замена или перенос инженерных сетей, санитарно-технического, электрического и другого оборудования, требующие внесения изменений в технический паспорт жилого помещения.

Согласно ст.12 ЖК РФ, определение условий и порядка переустройства и перепланировки жилых помещений относится к компетенции органов государственной власти Российской Федерации.

Жилищный кодекс РФ впервые закрепил правила о переустройстве и перепланировке жилых помещений, ранее эти вопросы регулировались подзаконными нормативно-правовыми актами и актами субъектов Российской Федерации, что негативно отражалось на правоприменительной деятельности по причине отсутствия единообразия в правовом регулировании. В этой связи появление названных положений на уровне кодификационного акта, несомненно, является важным шагом к четкому и ясному пониманию и применению соответствующих норм.

К сожалению, законодатель не везде использует однообразную терминологию для обозначения действий по переустройству и перепланировке жилых помещений. Так, в ст. 678 ГК РФ, посвященной правам нанимателя по договору коммерческого найма, закреплено правило, согласно которому наниматель не вправе производить переустройство и реконструкцию жилого помещения без согласия наймодателя. Применительно же к наймодателю закреплены нормы, запрещающие ему без согласия нанимателя производить переоборудование жилого дома, в котором находится сданное внаем жилое помещение, если оно существенно изменяет условия пользования жилым помещением (ст. 681 ГК РФ).

В свете сказанного возникает множество вопросов о соотношении этих понятий и выяснении того, какими именно возможностями обладают стороны договора.

В постановлении Госстроя РФ от 27.09.2003 г. № 170 «Об утверждении правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда» приводятся примерные виды изменений помещения по указанным группам [2]. Но и в рамках данного нормативного акта поставленные вопросы не находят разрешения. Законодатель то объединяет термины «переустройство» и «перепланировка» в родовое понятие «переоборудование», то, раскрывая дефиниции, ставит термин «переоборудование» в один ряд с «перепланировкой», включая в него действия, характеризующие «переустройство». Учитывая важность перечисленных определений и влияние составляющих их элементов на необходимость соблюдения установленного законом порядка их проведения, следует упорядочить и унифицировать подходы к формулировкам понятий «переустройство» и «перепланировка» в нормативных актах различного уровня и сферы действия.

Необходимо разграничивать понятия «перепланировка», «переустройство» жилого помещения с понятием «самовольная постройка». В некоторых случаях вместо самовольной перепланировки и (или) переустройства жилого помещения имеет место создание нового объекта жилой недвижимости (самовольная постройка), для которого предусмотрен совершенно иной порядок легализации. В этой связи суды правомерно отказывают гражданам, осуществившим постройку, в удовлетворении исковых требований о сохранении жилого помещения в переустроенном, перепланированном состоянии [3].

Одним из проблемных аспектов перепланировки и (или) переустройства жилых помещений является определение необходимых условий их осуществления. Следует отметить, что запреты на осуществление переустройства и (или) перепланировки жилых помещений могут быть как прямо сформулированы в законе, так и вытекать из смысла разрешительных условий их осуществления [4]. Кроме того, на практике часто возникают вопросы по поводу того, следует ли относить те или иные действия

проживающих, направленные на улучшение и благоустройство своего жилого помещения, к числу действий, подпадающих под правовой режим переустройства или перепланировки, особенно это касается установки кондиционеров и застекления балконов. Как правило, граждане осуществляют эти виды работ самостоятельно, не согласуя с иными собственниками помещений либо органами власти. Но поскольку речь идет об использовании общего имущества многоквартирного дома и изменении состояния и вида здания в целом, указанные вопросы нуждаются в дополнительной проработке на законодательном уровне. Ряд субъектов Российской Федерации уже приняли соответствующие нормативные акты, учитывая влияние названных действий помимо прочего и на архитектурный облик города [5]. Наличие специальных правил позволяет во многом избежать нарушений и судебных споров, но они, с нашей точки зрения, не должны носить выборочного характера.

ЖК РФ закрепил необходимость согласования принятого собственником решения о переустройстве или перепланировке жилого помещения с органами местного самоуправления путем подачи им соответствующего заявления. Заявление подается по форме, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 28.04.2005 г. № 266 [6].

Заявителем в законе назван только собственник жилого помещения или иное уполномоченное им лицо. Однако в утвержденной в Постановлении Правительства РФ форме заявления о переустройстве или перепланировке жилого помещения в качестве заявителей перечислены наниматель, арендатор, собственник жилого помещения, которые обладают жилым помещением на основании права собственности, договора найма, договора аренды. Указанные лица, согласно подтексту заявления, выступают от собственного имени. Такое несоответствие подзаконного акта с положениями ЖК РФ в правоприменительной деятельности может поставить под сомнение законность административных решений о согласовании переустройства и перепланировки, принятых по заявлениям перечисленных обладателей жилищных прав.

Анализируя фигуру заявителя, приходим к выводу, что ЖК РФ напрасно лишил самостоятельной возможности ему выступить в качестве такового нанимателя жилого помещения по договору социального найма. Целью предоставления жилых помещений по договору социального найма является обеспечение указанным в законе гражданам стабильного и постоянного (без ограничения срока) пользования жилым помещением. Как следствие, нанимателю, согласно положениям жилищного законодательства, принадлежит ряд прав распорядительного характера, в который вполне вписывается и право на перепланировку (переустройство) жилого помещения. Органы же местного самоуправления, как правило, участвуют в договоре социального найма от имени наймодателя (собственника) такого жилого помещения, что влечет необходимость повторного согласования с ними действий по переустройству и перепланировке жилого помещения как с собственником жилых помещений и как с уполномоченным органом. Иные пользователи (в частности, наниматели по договору коммерческого найма, найма жилого помещения в специализированном жилищном фонде и договору найма жилого помещения жилищного фонда социального использования) могут совершить действия по переустройству и перепланировке жилого помещения только при наличии полномочий со стороны собственника жилого помещения, с чем мы совершенно согласны. Обозначенный подход соответствует срочному характеру перечисленных договоров и назначению данных жилых помещений. Вместе с тем ГК РФ наделяет нанимателя по договору коммерческого найма правом на переустройство и реконструкцию жилого помещения при наличии согласия на то наймодателя (ст. 678 ГК РФ). С учетом правил ЖК РФ, обозначающих заявителя, полагаем, что такое согласие должно выразиться в передаче собственником соответствующих полномочий нанимателю жилого помещения по договору коммерческого найма.

Следует обратить внимание, что в общежитиях (которыми, согласно действующему законодательству, могут теперь являться и части жилых домов) решение вопросов о перепланировке (переустройстве) требует особого внимания, даже при наличии у нанимателя полномочия со стороны собственника государственных и муниципальных жилых помещений. По своей структуре общежития, как правило, состоят из комнат и мест общего пользования, последние, в свою очередь, неоднородны по правовому режиму, поскольку включают кухни и санузлы, закрепленные за отдельными пользователями. Если в одном и том же здании проживают собственники жилых помещений, наниматели по договору социального найма и наниматели по договору найма жилого помещения в общежитии, то решение вопросов о возможной переустройстве и перепланировке усложняется определением границ такого имущества.

Достоинством действующего законодательства является закрепление на уровне федерального закона исчерпывающего перечня документов, необходимых для получения согласования на проведение переустройства и перепланировки жилого помещения (ст. 26 ЖК РФ), а также сроков его проведения: 45 дней. Между тем в ЖК РФ предусматриваются случаи, при которых для совершения переустройства (перепланировки) могут потребоваться и иные, не перечисленные в данной статье, документы. Так, если реконструкция, переустройство и (или) перепланировка помещений невозможны без присоединения к ним части общего имущества в многоквартирном доме, на такие реконструкцию, переустройство и (или) перепланировку помещений должно быть получено согласие всех собственников помещений в многоквартирном доме (ст. 40 ЖК РФ), последнее, в свою очередь, оформляется протоколом общего собрания собственников помещений многоквартирного дома. Данный вопрос получил разъяснение со стороны высшей судебной инстанции. Верховный Суд РФ, руководствуясь ст. 36, 40, 44 ЖК РФ, разъяснил, что при проведении перепланировки и переустройства жилых помещений не требуется согласия собственников помещений многоквартирного дома, за исключением случая, установленного ч. 2 ст. 40 ЖК РФ [7].

Полагаем, нормы действующего законодательства, устанавливающие исчерпывающий перечень документов, предоставляемых для проведения переустройства и перепланировки жилых помещений, с учетом сложившейся судебной практики нуждаются в корректировке.

Согласно ст. 29 ЖК РФ, самовольное изменение технического состояния жилого помещения (то есть несоблюдение установленного в ЖК РФ для этих целей порядка либо совершение действий несоответствующих разработанному и утвержденному проекту) признается правонарушением, влекущим возможность применения мер юридической ответственности. Собственник жилого помещения, которое было самовольно переустроено и (или) перепланировано, или наниматель такого жилого помещения по договору социального найма обязан привести такое жилое помещение в прежнее состояние в разумный срок и в порядке, которые установлены органом, осуществляющим согласование.

Однако обозначенное правонарушение могло быть совершено и иными пользователями жилых помещений: нанимателями по иным, не названным в ст. 29 ЖК РФ видам найма лицами, пользующимися жилым помещением по договору безвозмездного пользования, в силу завещательного отказа или на основании договора пожизненного содержания с иждивением. Думаем, в этих случаях предусмотренную законом обязанность справедливо было бы возложить непосредственно на нарушителей, поскольку их права обладают определенной самостоятельностью.

На основании решения суда жилое помещение может быть сохранено в переустроенном и (или) перепланированном состоянии, если этим не нарушаются права и законные интересы граждан либо это не создает угрозу их жизни или здоровью.

Однозначная, на наш взгляд, формулировка, использованная законодателем в этом случае, не допускает иного порядка для сохранения жилого помещения в измененном виде.

В теории и судебной практике присутствует позиция, согласно которой положения ст. 29 ЖК РФ не содержат запрета и не исключают полномочия органа местного самоуправления согласовать по заявлению гражданина самовольно выполненные переустройство и (или) перепланировку и сохранить жилое помещение в существующем состоянии [8]. Отказ органа, уполномоченного принимать решения о согласовании переустройства и (или) перепланировки жилого помещения, может быть признан судом неправомерным, если гражданином были представлены указанные в ч. 2 ст. 26 ЖК РФ документы, а произведенные им переустройство и (или) перепланировка соответствуют требованиям законодательства.

По мнению Н.К. Толчеева, орган местного самоуправления по заявлению гражданина, допустившего самовольное переустройство (перепланировку) жилого помещения, не только вправе, но и обязан принять решение о согласовании и сохранении жилого помещения в существующем состоянии для внесения изменений в технический паспорт жилого дома, если гражданином были представлены все необходимые для этого документы, а результаты выполненных им самовольно работ не нарушают права и законные интересы граждан либо не создают угрозы их жизни и здоровью. В этом случае предъявляется не проект планируемых ремонтно-строительных работ, а выполненные компетентными проектными организациями исполнительные чертежи и технические заключения о допустимости и безопасности произведенных работ. Допустимость и безопасность скрытых ремонтно-строительных работ, подлежащих проверке и приемке с оформлением актов установленной формы до закрытия их другими работами, доказываются путем представления документов о результатах выборочного вскрытия конструкций с целью проверки качества и правильности ранее выполненных работ.

Данная точка зрения обосновывается тем, что согласование отнесено к компетенции органов местного самоуправления без какой-либо оговорки о недопустимости принятия положительного решения в отношении самовольно произведенных переустройств и (или) перепланировки (п. 7 ч. 1 ст. 14 ЖК РФ). Не предусматривает такое основание для отказа и ст. 27 ЖК РФ, определяющая исчерпывающий перечень случаев, когда орган местного самоуправления может отказать в согласовании [9].

Причем в ряде нормативно-правовых актов муниципальных образований, призванных детализировать закрепленный в ЖК РФ порядок переустройства и перепланировки жилого помещения, действительно допускается обращение в этом случае в органы местного самоуправления для получения последующего согласования на уже проведенную перепланировку (переустройство) жилого помещения.

Согласны, что более оправданным было бы обращение заинтересованных лиц в суд только после того, как орган местного самоуправления по каким-либо причинам отказал в согласовании самовольного переустройства (перепланировки) жилого помещения. Отказ в рассмотрении заявления либо в принятии положительного решения по нему может быть оспорен гражданином в суд по правилам главы 25 ГПК РФ, если при этом не возникает спора о праве, подведомственного суду, при наличии которого вопрос рассматривается в порядке искового производства (ч. 3 ст. 247 ГПК РФ) [10]. Конечно, такой подход позволяет избавить суды от значительного количества разбирательств, ведь в большинстве случаев самовольно проведенная перепланировка (переустройство) не нарушает установленных правил, но нуждается в специальной проверке и формальном подтверждении. Вопрос в другом: соответствующие правила ЖК РФ должны прямо допускать такую возможность, никаких новых или дополнитель-

ных положений по этому вопросу муниципальные акты содержать не могут, положения кодификационного акта необходимо сформулировать таким образом, чтобы не вызывать дискуссий на этот счет и не порождать противоречивую судебную практику.

Если соответствующее жилое помещение не будет приведено в прежнее состояние, суд по иску этого органа местного самоуправления при условии непринятия решения о сохранении жилого помещения в переустроенном (перепланированном) состоянии, принимает решение:

1) в отношении собственника о продаже с публичных торгов такого жилого помещения с выплатой собственнику вырученных от продажи такого жилого помещения средств за вычетом расходов на исполнение судебного решения с возложением на нового собственника такого жилого помещения обязанности по приведению его в прежнее состояние;

2) в отношении нанимателя такого жилого помещения по договору социального найма о расторжении данного договора с возложением на собственника такого жилого помещения, являвшегося наймодателем по указанному договору, обязанности по приведению такого жилого помещения в прежнее состояние.

Исследуемая статья уже нашла свое применение на практике [11; 12].

Реализация предложенного в ст. 29 ЖК РФ положения о прекращении права собственности возможна при условии внесения изменений в ст. 235 ГК РФ, закрепляющую исчерпывающий перечень случаев принудительного изъятия имущества, в числе которых отсутствуют последствия самовольного переустройства (перепланировки) жилого помещения. По тем же причинам требует изменения и ст. 83 ЖК РФ, посвященная основаниям расторжения договора социального найма. На этот факт неоднократно обращалось внимание в научной литературе [13].

Ни один из предусмотренных в ст. 235 ГК РФ и ст. 83 ЖК РФ случаев, включая «бесхозяйное обращение с жилым помещением, приводящее к его разрушению и порче», и «систематическое нарушение прав и интересов соседей», не отражает, на наш взгляд, действий, составляющих самовольное переустройство и перепланировку жилого помещения. Налицо требующее устранения несоответствие гражданского и жилищного законодательства и противоречие внутри последнего по особо важному вопросу о прекращении прав на жилое помещение (незаменимое, социально значимое материальное благо).

Помимо этого, полезно было бы допустить возможность вычета из средств, передаваемых собственнику по результатам публичных торгов, расходов на восстановление жилого помещения в прежнее состояние, по аналогии с нововведениями ст. 240 ГК РФ, в новой редакции которой при продаже с публичных торгов бесхозяйственно содержимых культурных ценностей собственнику передается вырученная от продажи сумма за вычетом расходов на проведение торгов, а также стоимости восстановительных работ в отношении объекта культурного наследия, или стоимости мероприятий, необходимых для сохранения объекта археологического наследия, указанных в законе.

Библиографический список

1. Тихомиров М.Ю., Тихомирова Л.В. Переустройство и перепланировка жилых помещений: практическое пособие / под ред. М.Ю. Тихомирова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2015. 47 с.

2. Постановление Госстроя от 27.09.2003 г. № 170 «Об утверждении правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда» // Российская газета. 2003. 22 ноября.

3. Определение Ленинградского областного суда от 23 ноября 2011 г. № 33-5727/2011.
4. Карпухин Д.В. Проблемы правового регулирования переустройства и перепланировки жилого помещения // Жилищное право. 2009. № 5.
5. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 14.09.2006 г. № 1135 «Правила содержания и ремонта фасадов зданий и сооружений Санкт-Петербурга» // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. 2006. № 10.
6. Постановление Правительства РФ от 28.04.2005 г. № 266 «Об утверждении формы заявления о переустройстве и (или) перепланировке жилого помещения и формы документа, подтверждающего принятие решения о согласовании переустройства и (или) перепланировки жилого помещения» // СЗ РФ. 2005. № 19. Ст. 1812.
7. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2008 г., утвержденный Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 17.09.2008 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 11; 2009. № 2.
8. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2006 года, утвержденный Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 27.09.2006 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 1.
9. Толчеев Н.К. Сохранение самовольных переустройств и перепланировок // ЭЖ-Юрист. 2006. № 24.
10. Ласкина Н.В. Капитальный ремонт, реконструкция, переустройство и перепланировка объектов недвижимости: юридические аспекты. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». 2014.
11. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 июня 2013 года № ВАС-4866/11 по делу № А60-58866/2009-СЗ.
12. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 24 января 2013 года № Ф09-6194/10 по делу № А60-58866/2009.
13. Жуйков В.М., Шешко Г.Ф., Филимонов С.Л. Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2007. 400 с.

References

1. Tikhomirov M.Yu., Tikhomirova L.V. Alterations to the configuration and layout of dwellings: practical guide. M.Yu. Tikhomirov (Ed.). 2nd ed., revised and enlarged. M., Izd-vo Tikhomirova M.Iu., 2015, 47 p. [in Russian].
2. Resolution of the State Construction Committee dated 27.09.2003 № 170 «On approval of rules and regulations of technical operation of housing stock». *Rossiiskaia Gazeta*, 22.10.2003, no. 214 [in Russian].
3. Determination of Leningrad Regional Court dated 23 November, 2011, no. 33–5727/2011 [in Russian].
4. Karpuhin D.V. Legal issues of alterations to the configuration and layout of dwellings. *Zhilishchnoe pravo* [Housing Law], 2009, no. 5 [in Russian].
5. Resolution of the Government of St. Petersburg dated 14.09.2006 № 1135 «Rules for the maintenance and repair of facades of buildings and structures of St. Petersburg». *Vestnik Administratsii Sankt-Peterburga* [Vestnik of St. Petersburg Administration], 27.10.2006, no. 10 [in Russian].
6. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 28.04.2005 no. 266 «On approval of the application form for alterations to the configuration and layout of dwellings and forms of a document confirming the decision on the approval of alterations to the configuration and layout of dwellings». *SZ RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2005, no. 19, Article 1812 [in Russian].
7. Review of legislation and judicial practice of the Supreme Court for the II quarter of 2008, approved by the Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.09.2008) // Bulletin of the Supreme Court. 2008. №11; 2009. № 2.
8. Review of legislation and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the second quarter of 2006, approved by the Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.09.2006. *Biulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court], 2007, no. 1 [in Russian].

9. Tolcheev N.K. Saving unauthorized alterations to the configuration and layout. *EZh-Iurist* [EZh–Lawyer], 2006, no. 24 [in Russian].

10. Laskina N.V. Major repairs, reconstruction, alterations to the configuration and layout of real estate objects: legal aspects. *Legal Reference System «ConsultantPlus»*, 2014 [in Russian].

11. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated June 5, 2013 № VAS-4866/11 on the case number A60-58866 / 2009-S3 [in Russian].

12. Decree of Federal Arbitration Court of the Ural Region dated January 24, 2013 № F09-6194/10 on the case number A60-58866/2009 [in Russian]

13. Zhuikov V.M., Sheshko G.F., Filimonov S.L. Comments to the Housing Code of the Russian Federation (itemized). M., Iuridicheskaja firma «KONTRAKT»; Infra–M, 2008, 400 p. [in Russian].

E.S. Kryukova*

EFFECTS OF UNAUTHORIZED ALTERATIONS TO THE CONFIGURATION AND LAYOUT OF DWELLINGS

The article analyzes standards of housing legislation that are dedicated to conditions and procedures for implementation of alterations to the configuration and layout of dwellings. The need to modify the rules of Housing and Civil Codes of the Russian Federation that are dedicated to the grounds in termination of the right of ownership and termination of residential lease agreement in the part of effects of realization of unauthorized alterations to the configuration and layout of dwellings is substantiated.

Key words: alterations to the configuration and layout of dwellings, residential lease agreement, termination of rights of ownership of dwellings, public sale.

---

* *Kryukova Elena Sergeevna* (cl@ssu.samara.ru), Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.2

М.Н. Бронникова*

НАЕМНЫЙ И ЗАЕМНЫЙ ТРУД ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

На основе анализа новых правовых норм Трудового кодекса Российской Федерации о запрете заемного труда и современной судебной практики в работе установлены критерии определения заемного труда; определены понятия «интерес в выполнении работы», «управление трудом», «контроль за выполнением работы»; обозначены тенденции в изменении правоприменительной практики после 1 января 2016 года.

Ключевые слова: работник, работодатель, труд, наемный труд, заемный труд, интерес, управление, контроль за выполнением работы.

Наемный труд как правовая категория в юридической литературе характеризуется следующими признаками: работник обязан исполнять определенную трудовую функцию, причем конкретная работа, подлежащая исполнению в каждый данный отрезок времени, обуславливается общим ходом производственной деятельности организации, работник обязан выполнять установленную норму труда, работник обычно обязан сам распределять свой труд во времени соответственно установленному режиму работы, работник в процессе труда должен следовать технологическим указаниям руководителя/ администрации/ работодателя [1, с. 152–153].

В свете предстоящих изменений норм Трудового кодекса РФ с 1 января 2016 года в связи с принятием Федерального закона от 05.05.2014 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» представляется актуальным выделить особенности заемного труда как разновидность несамостоятельного труда, провести разграничение между наемным и заемным трудом и, возможно, предопределить вектор изменения правоприменительной практики после вступления в силу изменений в Трудовой кодекс РФ и иные законы в связи с запретом на использование заемного труда.

---

* © Бронникова М.Н., 2015

Бронникова Марина Николаевна (cl@ssu.samara.ru), кафедра гражданского и предпринимательского права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Понятие «заемный труд» заимствовано из законодательства и правоприменительной практики зарубежных стран (более официальное название на английском языке — *temporagary agency work*, т. е. труд в агентствах временной занятости). В современной юридической литературе ведется дискуссия о понятии «заемный труд», о преимуществах и недостатках заемного труда, о правомерности его использования в правоприменительной практике [2]. Исследователи сходятся в том, что заемный труд опосредует трехстороннее отношение, когда работник, обращаясь в агентство занятости, вступает с этим агентством в трудовые отношения и направляется для осуществления своих трудовых обязанностей к работодателям-пользователям, т. е. фактическим работодателям этого работника. Известными формами использования заемного труда являются аутсорсинг, лизинг персонала, аутстаффинг, использование временного персонала. Заемный труд является одной из форм применения наемного труда, наряду собственно с личным выполнением работником определенной работы.

Предстоящие изменения затрагивают редакции норм статей 15, 56 Трудового кодекса РФ. Так, в статье 15 Трудового кодекса РФ понятие трудовая функция — работа «по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы» — дополняется словами «в интересах, под управлением и контролем работодателя». В статье 56 Трудового кодекса РФ в редакции, которая будет действовать с 1 января 2016 года, предусмотрено: «Трудовой договор — соглашение между работодателем и — работником, в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию *в интересах, под управлением и контролем работодателя*, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя».

Кроме того, Трудовой кодекс РФ дополняется ст. 56.1 следующего содержания:
«Заемный труд запрещен.

Заемный труд — труд, осуществляемый работником по распоряжению работодателя в интересах, под управлением и контролем физического лица или юридического лица, не являющихся работодателем данного работника.

Особенности регулирования труда работников, направленных временно работодателем к другим физическим лицам или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала), устанавливаются главой 53.1 настоящего Кодекса».

Анализ приведенных законодательных положений показывает, что в правоприменительной практике, разбирая каждый конкретный случай на предмет установления факта наличия заемного труда, необходимо определять следующие фактические обстоятельства:

- вид работы — трудовая функция;
- наличие распоряжения работодателя о том:

в чьих интересах выполняется работа — в интересах работодателя или иного лица, кто управляет выполняемой работой, кто ее контролирует.

Исходя из того, что трудовая функция имеет легальное закрепление (ст. 15 Трудового кодекса РФ) и под ней понимается работа по должности, конкретный вид поручаемой работы, а понятия «интерес», «управление», «контроль» являются в большей степени неправовыми, представляется необходимым раскрыть их, базируясь на научных знаниях экономистов и ученых-трудовиков.

В трудовом праве исследования термина «интерес» проводятся в контексте прав и законных интересов как видовых элементов, охраняемых или защищаемых законом, т. е. юридической возможности (дозволенности), предоставленной субъекту права для достижения и пользования благом и находящейся под охраной компетентных структур [3]. На наш взгляд, предложенное понимание законного интереса совпадает со значением термина субъективное право, а потому не отражает суть интереса как самостоятельного правового явления, используемого вне взаимосвязи с понятием право, нуждается в конкретизации, в том числе в целях разграничения случаев использования наемного и заемного труда.

Следует заметить, что категория «интерес» (лат. Interest – «иметь значение») является общенаучной, правовое содержание приобрела еще в римском праве, затем в немецком праве в значении «польза, выгода» [4, с. 12–26]. В русском языке слово «интерес» означает особое внимание к чему-нибудь, занимательность, значительность, нужды, потребности [5, с. 249]. Отмеченное в самом общем смысле позволяет понимать под интересом пользу, потребность субъекта. При этом для трудового права принципиальным является то, в чем состоит интерес, т. е. содержание интереса. Представляется, что при выполнении заемного труда содержание интереса работодателя отличается от потребности не работодателя: выгода работодателя заключается в получении дохода /вознаграждения/ за труд, выполненный его работниками (материальный интерес), в формировании положительной деловой репутации работодателя (нематериальный интерес), а лицо, применяющее заемный труд, получает удовлетворение своей экономической, социальной, психологической, функциональной или иной потребности в чем-либо, например, в уборке территории, в сдаче отчетности в налоговую службу и отсутствии ответственности и т. п., после достижения результата заемного труда, т. е. в выполнении задания заемными работниками.

Особого внимания в значении квалификации заемного труда заслуживает понятие «управление работой» (трудом). Слово «управлять» в русском языке означает направлять ход, движение кого-чего-нибудь; руководить, направлять деятельность, действия кого-чего-нибудь [5, с. 836]. В настоящее время широкое распространение в правоприменительной практике приобрело понятие «управление персоналом» – целенаправленное воздействие на человеческую составляющую организации, ориентированное на приведение в соответствие возможностей персонала и целей, стратегий, условий развития организации [6, с. 30]. Представляется, что данное понятие нужно отличать от управления трудом по объекту управления. В первом случае речь идет об управлении персоналом, т. е. работниками, во втором – об управлении трудом, т. е. деятельностью по созданию определенных ценностей (материальных или нематериальных благ). Управление персоналом как правовая категория остается не разработанной в науке трудового права в отличие от управления трудом. В действующей редакции Трудового кодекса РФ термин управление используется преимущественно в значении участия работников в управлении организацией (ст. 53 Трудового кодекса РФ). Как нам представляется, «управление работой (трудом)» является современным обозначением базового, но, вероятно, устаревшего понятия трудового права «хозяйская власть работодателя». Вопрос об управлении трудом подвергался научному изучению еще Л.С. Талем, который отмечал: «Диспозитивная власть работодателя проявляется в поручениях и приказах, которые конкретизируют договорные обязанности наемного работника, в частности, определяя требуемую от него в данный момент работу» [7, с. 486, 487]. Анализ современной правоприменительной деятельности выявил несколько подходов к управлению трудом: во-первых, традиционный (консервативный) – отдельные поручения и задания выдаются в виде приказа, распоряжения, протокола совещания/собраний, оформляемых письменно и утверждаемых непосред-

ственным руководителем; во-вторых, вербальный (либеральный) – задания выдаются в устной форме, в том числе по телефону; в-третьих – электронный – задачи ставятся перед работниками в электронном виде посредством направления писем, путем постановки вопросов на корпоративном портале, иными способами с использованием современных технологий связи. Также можно выделить и иной вариант управления трудом – результативный, когда непосредственный руководитель формулирует для работника результат его труда, а процесс достижения результата, в том числе детализация каждого этапа работы, выполняемой ежедневно, определяет работник для себя сам. Данный способ управления трудом нередко встречается в практике, особенно при управлении трудом высококвалифицированного работника.

Таким образом, в целях настоящего исследования под управлением трудом предлагается понимать поручения, задания, задачи, которые конкретизируют обязанности работника, определяют требуемую от него в данный момент работу.

Указание на выполнение работы под контролем работодателя как критерий наемного труда неоднократно встречается в юридической литературе. Так, например, М.А. Тангин определяет границы контроля другого человека следующим образом: «Принимает решения о том, как, когда и где должна выполняться работа» [8, с. 486, 487]. Однако контрольные функции работодателя за выполнением работы в науке трудового права практически не изучены.

Прежде всего необходимо отметить, что контроль (от франц. *controle* – «проверка») означает проверку, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора [5, с. 292]. В менеджменте контроль – это составная часть управления экономическими объектами и процессами, заключающаяся в наблюдении за объектом с целью проверки соответствия наблюдаемого состояния объекта желаемому и необходимому состоянию, предусмотренному законами, положениями, инструкциями, другими нормативными актами, а также программами, планами, договорами, проектами, соглашениями [13].

В действующей редакции Трудового кодекса РФ дважды встречается упоминание о контроле работодателя. В ст. 209 Трудового кодекса РФ предусмотрено: «Рабочее место – место, где работник должен находиться или куда ему необходимо прибыть в связи с его работой и которое прямо или косвенно находится *под контролем работодателя*» (курсив мой. – М. Б.). В ст. 312.1 Трудового кодекса РФ установлено: «Дистанционной работой является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся *под контролем работодателя*» (курсив мой. – М. Б.).

Вопрос о том, осуществляет ли работодатель контроль, нередко решается и в судебной практике, чаще всего суды по спорам о привлечении к дисциплинарной ответственности. Анализ судебных актов выявил два подхода к оценке осуществления работодателем контрольных полномочий:

– первый (процедурный) – проверка нахождения работника на территории работодателя, в определенном помещении, где выполняются работы. При этом решается вопрос о выполнении правил внутреннего трудового распорядка, правил поведения, определенных в соответствии с Трудовым кодексом РФ, иными федеральными законами, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором (Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 24.08.2012 г. по делу № 33-5400/2012, Апелляционное определение Московского городского суда от 18.03.2014 г. по делу № 33-7853/14);

– второй (содержательный) – проверка выполнения задания/поручения, например, проведением педагогических советов (Апелляционное определение Тюменского

областного суда от 15.10.2012 г. по делу № 33-4659/2012), выдача заданий и контроль их выполнения осуществлялся посредством телекоммуникационных средств: электронной почты, телефона, программно-аппаратного комплекса (Апелляционное определение Верховного суда Чувашской республики от 26.03.2012 г. по делу № 33-796-12).

Выводы судов о том, что работодатель не выполняет контрольные функции, основываются на таких обстоятельствах дела, как, например, табель учета рабочего времени работодателем не ведется, заработная плата не выплачивается (Апелляционное определение Тюменского областного суда от 27.08.2012 г. по делу № 33-3569/2012).

Обобщая вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что контроль за выполнением работы предполагает регулярную проверку исполнения выданных заданий (обязанностей) на территории работодателя либо в ином месте, при условии подключения к компьютерной программе /базе данных работодателя, в том числе и через Интернет. Следствием выявления отклонений от выполнения заданий, от установленных правил поведения при осуществлении контроля является наступление дисциплинарной ответственности.

Изучение новой редакции норм ст. 15, ст. 56 Трудового кодекса РФ, их буквальное толкование с применением знаний русского языка о пунктуации позволяет утверждать, что в целях квалификации заемного труда необходимо устанавливать одновременно три факта, перечисленные в законе через запятую и соединяемые союзом «и»: чьи потребности (интересы) удовлетворяет результат труда, кто выдает задания в целях достижения результата труда и кто контролирует выполнение работы.

Вместе с тем проблема видится в том, что указанных в нормах ст. 15, ст. 56 Трудового кодекса РФ критериев не всегда будет достаточно для разграничения заемного и наемного труда. Например, труд юриста в юридической фирме является наемным или заемным? Аналогично труд бухгалтера в аудиторской фирме, специалиста по IT-технологиям в компьютерной фирме, когда имеется интерес в выполнении работы, управлении и контроле как со стороны работодателя, так и со стороны заказчика услуги. Представляется, что в таких спорных случаях у правоприменителя не должно возникать конкуренции норм, т. к. иные положения Трудового кодекса РФ, в том числе закрепленное в норме ст. 15 понятие трудового отношения, остается неизменным. Следовательно, в случае спора в связи с наличием одновременно трех критериев как у работодателя, так и у заказчика работы, как и прежде необходимо будет определять, кто выплачивает заработную плату: работодатель или заказчик, по чьим правилам внутреннего трудового распорядка выполняется работа: утвержденным работодателем или заказчиком, распространяются ли на работника локальные акты заказчика.

Очевидно, что в связи с запретом заемного труда с 1 января 2016 года такие виды договорных отношений, как аутсорсинг, аутстаффинг, станут менее распространены в правоприменительной деятельности. На смену им придут классические договоры возмездного оказания услуг или договоры подряда, заключаемые между работодателями и заказчиками. При этом работодатели и работники должны будут более подробно формулировать условия трудовых договоров, в том числе о рабочем месте, виде работы, способах и средствах предоставления ежедневных/еженедельных/ежемесячных заданий (поручений) и контроля за их выполнением, которые в совокупности не позволят признать выполняемую работником работу заемным трудом.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. При установлении факта наличия заемного труда необходимо определять следующие фактические обстоятельства:

- вид работы;
- наличие распоряжения работодателя, подтверждающее, что пользу от работы получает не работодатель, а иное лицо (заказчик), т. е. выполнением работы удовлетворяется потребность заказчика, поручения, задания, которые конкретизируют обя-

занности работника выдает иное лицо (заказчик), наблюдение за выполнением работы осуществляет иное лицо (заказчик).

2. При установлении, что работа выполняется в интересах, под управлением и контролем как работодателя, так и заказчика, необходимо проверять наличие иных критериев, характерных для трудовых правоотношений, закрепленных в ст. 15 Трудового кодекса РФ (кто выплачивает заработную плату: работодатель или заказчик, по чьим правилам внутреннего трудового распорядка выполняется работа: утвержденным работодателем или заказчиком, распространяются ли на работника локальные акты заказчика).

Библиографический список

1. Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М.: Проспект, 2009. 336с.
2. Пшеничников С.В. Заемный труд как форма нестандартных трудовых отношений // Современный юрист. 2013. № 4. С. 124–135.
3. Абрамова О.В. Законный интерес как категория права и специфика его проявления в трудовом праве // Журнал российского права. 2007. № 8.
4. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М.: Статут, 2002. 205 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.
6. Ульрих Дэйв. Эффективное управление персоналом: новая роль HR-менеджера в организации = Human Resource Champions: The Next Agenda for Adding Value and Delivering Results. М.: Вильямс, 2006. 304 с.
7. Таль Л.С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. М., 2006. 539 с.
8. Тангин М.А. Практическое отражение теоретических критериев квалификации трудового договора // Трудовое право в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 18–20.
9. Большой экономический словарь. URL: <http://ekslovar.ru/search?cx=partner-pub> (дата обращения: 26.04.2015).

References

1. Alexandrov N.G. Employment relationship. M., Prospect, 2009, 336 p. [in Russian].
2. Pshenichnikov S.V. Contract labor as a form of non-standard employment relationships. *Sovremennyyi iurist* [Modern lawyer], 2013, no. 4, pp. 124–135 [in Russian].
3. Abramova O.V. Legitimate interest as a category of law and specifics of its manifestation in labor law. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2007, no. 8 [in Russian].
4. Mikhailov S.V. Category of interest in the Russian civil law. M., Statut, 2002, 205 p. [in Russian].
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.U. Explanatory Dictionary of Russian language: 80 000 words and idiomatic expressions. Russian Academy of Sciences. Russian Language Institute named after V.V. Vinogradov. 4th edition, enlarged. M., ООО «ИТИ Технологии», 2003, 944 p. [in Russian].
6. Dave Ulrich. Effective management of personnel: the new role of HR-manager in the organization = Human Resource Champions: The Next Agenda for Adding Value and Delivering Results. M., Vil'iams, 2006, 304 p. [in Russian].
7. Tal L.S. Labor agreement: civilized study. M., 2006, 539 p. [in Russian].
8. Tangin M.A. A practical reflection of theoretical criteria of qualification of labor contract. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* [Labor law in Russia and abroad], 2014, no. 2, pp. 18–20 [in Russian].
9. Great Dictionary of Economics. URL: <http://ekslovar.ru/search?cx=partner-pub>. Accessed 26.04.2015 [in Russian].

*M.N. Bronnikova****WAGE AND AGENCY LABOR UNDER THE LEGISLATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF QUALIFICATION**

Based on the analysis of new legal provisions of the Labour Code of the Russian Federation to ban agency labor and modern jurisprudence, criteria for defining agency labor are established; the concept of an interest in the performance of work, management of labour work, progress monitoring are defined; trends in changing legal practice after 1 January, 2016 are marked

Key words: employee, employer, labor, hired labor, agency labor, interest, management, progress control.

---

* *Bronnikova Marina Nikolaevna* (cl@ssu.samara.ru), Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 349.2

А.В. Горбачева*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ТРУДА ЖЕНЩИН, ЗАНЯТЫХ В ДОРОЖНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

В статье рассматриваются общие нормы Трудового кодекса Российской Федерации и специальные нормы, утвержденные Правительством РФ, которые регулируют охрану труда женщин, занятых в дорожном хозяйстве. В связи с тем, что были выявлены недостатки отдельных норм как трудового законодательства, так и специальных норм, автор статьи вносит предложения по их совершенствованию.

Ключевые слова: Трудовой кодекс РФ, общие нормы, специальные нормы, охрана труда, женщины, занятые в дорожном хозяйстве.

В дорожном хозяйстве труд женщин регулируется прежде всего общими нормами Трудового кодекса Российской Федерации, но помимо этого и специальными нормами, утвержденными Правительством РФ.

По мнению С.А. Голошапова, специальные нормы по охране труда представляют собой правовые средства охраны труда, которые устанавливают не проведение каких-то технических, санитарных и других мероприятий, а правовые запреты и льготы, с учетом того, что организм женщин имеет физиологические и биологические особенности [1, с. 59].

В научной литературе правовому регулированию охраны труда женщин уделялось достаточно большое внимание [2], однако применительно к дорожному хозяйству научные разработки отсутствуют.

Статьей 253 Трудового кодекса РФ ограничивается применение труда женщин на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, на подземных работах, за исключением нефизических работ или работ по санитарному и бытовому обслуживанию. Запрещается применение их труда на работах, связанных с подъемом и перемещением вручную тяжестей, превышающих предельно допустимые для них нормы. Перечни производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин, и предельно допустимые нормы нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную утверждаются в порядке, установленном Правительством Российской Федерации с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

Поскольку после введения в действие Трудового кодекса Российской Федерации новый перечень таких работ не принимался, то в силу ч. 1 ст. 423 ТК РФ, впредь до приведения законов и иных нормативных правовых актов, действующих на территории Российской Федерации, в соответствие с Трудовым кодексом РФ законы и иные правовые акты Российской Федерации в пределах и порядке, которые предусмотрены

---

* © Горбачева А.В., 2015

Горбачева Алла Владимировна (alla22-02@mail.ru), кафедра трудового права; права социального обеспечения, Академия труда и социальных отношений, 119454, Российская Федерация, г. Москва, ул. Лобачевского, 90.

Конституцией Российской Федерации, постановлением Верховного Совета РФ от 12 декабря 1991 г. № 2014-1 «О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств» [3], применяются те акты, которые не противоречат Трудовому кодексу Российской Федерации. В настоящее время действуют специальные перечни производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых запрещается применение труда женщин [4], а также предельно допустимые нормы нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную [5].

Однако не все ученые-юристы относят к охране труда нормы, связанные с гарантиями при приеме на работу (ч. 3 ст. 64 ТК РФ), с расторжением трудового договора (ст. 261 ТК РФ), а также с материнством (ст. 258, 263, 264 ТК РФ). Например, С.А. Голошапов считает неправильным относить нормы, устанавливающие льготы в связи с материнством, к охране труда, т. к. перечисленные льготы установлены в целях создания условий для вскармливания и воспитания ребенка и для охраны здоровья матери, но не в процессе труда и не от воздействия производственных факторов [1, 60].

Мы разделяем точку зрения С.А. Голошапова, который считал, что к институту «охрана труда» следует отнести те нормы, которые непосредственно направлены на обеспечение безопасных и здоровых условий труда в процессе производства или находящиеся в тесной связи с ним, в частности, нормы, устанавливающие отпуск по беременности и родам (ст. 255 ТК РФ), перерывы для кормления ребенка (ст. 258 ТК РФ), поскольку такие гарантии направлены на охрану здоровья матери как работницы, ибо работа в предродовый и послеродовый периоды может оказать пагубное влияние на ее здоровье. А нормы, связанные с гарантиями при приеме на работу и расторжением трудового договора с беременной женщиной и женщиной, имеющей детей в возрасте до трех лет, и т. д. следует относить к институту трудового договора, так как к охране здоровья в процессе труда они не имеют никакого отношения.

Итак, рассмотрим нормы, направленные на обеспечение безопасных и здоровых условий труда женщин применительно к организациям дорожного хозяйства. В дорожных организациях женщины в основном трудятся в лабораториях (начальники лабораторий, инженеры-лаборанты, лаборанты), бухгалтерии (бухгалтеры, кассиры), производственно-технических отделах (инженера ПТО), в кадровой службе (начальник отдела делопроизводства и кадров, помощник руководителя по работе с персоналом). Но они нередко работают и диспетчерами, асфальтобетонщицами, дорожными рабочими, операторами котельной и т. д.

В Перечень тяжелых работ и работ с вредными и опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применять труд женщин, утв. постановлением Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. № 162 (далее – Перечень) входят работы, сгруппированные по следующим отраслям промышленности: металлообработка; строительные, монтажные и ремонтно-строительные работы; горные работы и др. При этом Перечень отдельно не выделяет работ по строительству, ремонту и содержанию автомобильных дорог и сооружений на них, и организациям дорожного хозяйства приходится руководствоваться перечнями профессий и работ, которые в основном относятся к строительным, монтажным, ремонтно-строительным, лесозаготовительным работам и лесосплаву, автомобильному транспорту.

Перечень профессий и видов работ, которые часто встречаются при строительстве, ремонте и содержании автомобильных дорог и сооружений на них, приведен в пособии по охране труда дорожного мастера, имеющего рекомендательный характер [6]. Всего в него входят 56 наименований профессий и видов работ, в том числе 26 строи-

тельных, монтажных и ремонтно-строительных; 9 связанных с лесозаготовкой и лесосплавом; 5, относящихся к автотранспорту; 16, встречающихся в различных отраслях экономики.

Заметим, что работодатели могут принимать решение о применении труда женщин на работах, включенных в соответствующий Перечень, при условии создания безопасных условий труда, подтвержденных результатами аттестации рабочих мест, при положительном заключении государственной экспертизы условий труда и службы Госсанэпиднадзора субъектов РФ (п. 1 Примечаний к Перечню). Следует указать, что в настоящее время аттестация рабочих мест заменена на специальную оценку условий труда (далее – СОУТ), которая является единым комплексом последовательно осуществляемых мероприятий по идентификации вредных и (или) опасных факторов производственной среды и трудового процесса.

Ее проведение возлагается на работодателей и осуществляется не реже чем один раз в пять лет. При этом следует отметить, что далеко не все работодатели четко выполнили требования по проведению аттестации рабочих мест, а теперь СОУТ, более того, не разрабатывали мероприятия по улучшению условий труда на основе их результатов, не знакомили работников с условиями труда на рабочих местах. Например, в 2013 году выявлено 370 нарушений по вопросам проведения аттестации рабочих мест по условиям труда, что составляет 3,5 % от общего количества нарушений (10 415) [7].

В организациях, где не была проведена аттестация рабочих мест, СОУТ женщины не должны допускаться к работам, поименованным в Перечне. Также следует напомнить, что Кодекс законов о труде Российской Федерации от 9 декабря 1971 г., который утратил силу с 1 февраля 2002 г., максимально защищал женщин и запрещал применять их труд на тяжелых работах, на работах с вредными условиями труда (ч. 1 ст. 160) [8, с. 54].

Более того, санитарные правила и нормы от 28 октября 1996 г. № 32 [9] устанавливают Перечень потенциально опасных химических веществ, оказывающих действие на репродуктивную функцию женщин. По степени воздействия на организм вредные вещества подразделяются на 4 класса опасности: 1-й – вещества чрезвычайно опасные; 2-й – вещества высокоопасные; 3-й – вещества умеренно опасные; 4-й – вещества малоопасные [10]. Вредные вещества имеют свойства накапливаться в организме, а достигнув определенного предела, приводят к профессиональным заболеваниям. Например, в Пензенской области профессиональная заболеваемость у женщин по факторам производственного процесса имеет сходную структуру с профессиональной патологией по РФ в целом. При этом за период 1994–2013 гг. у женщин были зарегистрированы хронические профессиональные заболевания от воздействия шума и вибрации – 152 (65,5 %), биологического фактора – 47 (20,2 %), запыленности – 13 (5,6 %), загазованности – 6 (2,6 %), физических перегрузок – 11 (4,7 %), химического фактора 3 (1,3 %) [11]. Присутствие на рабочем месте вредных и опасных химических веществ 1 и 2 класса опасности, патогенных микроорганизмов, а также веществ, обладающих аллергенным, гонадотропным, эмбриотропным, канцерогенным, мутагенным и тератогенным действием, является *противопоказанием* для применения труда женщин детородного возраста.

Большинство вредных веществ, которые встречаются при проведении тех или иных работ в дорожном хозяйстве, относится к 3 и 4 классам опасности, однако существуют профессии и виды работ, непосредственно связанные с вредными веществами 2 класса опасности (табл. 1).

Таблица 1

**Перечень вредных веществ на рабочих местах с указанием класса опасности
согласно ГОСТ 12.1.007-76 (извлечение)**

№ согласно ГОСТ 12.1.007-76	Наименование работ или производств	Наименование вредных веществ, сопутствующих выполнению работ	Класс опасности
1103	Укладка асфальтобетонной смеси	Углерод оксид;	4
1102		Углеводороды алифатические предельные С1-С10 (в пересчете на С);	4
915		Сероводород +;	2
916		Сероводород в смеси с углеводородами С1-С10	3
1133	Нанесение разметочного материала вручную и с помощью пистолета-распылителя	Фенолформальдегидные смолы	2

Содержание вредных веществ в воздухе рабочей зоны не должно превышать предельно допустимых концентраций (далее – ПДК), используемых при проектировании производственных зданий, технологических процессов, оборудования, вентиляции, для контроля за качеством производственной среды и профилактики неблагоприятного воздействия на здоровье работающих, а в дальнейшем подлежит систематическому контролю для предупреждения возможности их превышения. В зависимости от класса опасности вещества устанавливается периодичность контроля: для 1 класса – не реже 1 раза в 10 дней, 2 класса – не реже 1 раза в месяц, 3 и 4 классов – не реже 1 раза в квартал [12]. Однако вещества, относящиеся ко 2 классу опасности, не всегда указываются в результатах СОУТ, более того, не осуществляется контроль за их содержанием в воздухе рабочей зоны на производственных участках в установленные сроки. Все это позволяет сделать вывод, что объективная информация о неблагоприятных условиях труда и риске повреждений здоровья женщин-работниц далека от реальности.

В профессиональных стандартах установлено, что *дорожные рабочие* распределяют дорожно-строительные материалы при ремонте дорожных оснований и покрытий, разливают вяжущие материалы вручную, наносят разметочный материал вручную и с помощью пистолета-распылителя и т. д. [13]; *асфальтобетонщики* производят подготовку основания и укладку дорожного покрытия нежесткого типа, обрабатывают основания органическими материалами на битумной основе, подают и раскладывают вручную асфальтовые смеси и органические материалы на битумной основе, разравнивают и окучивают дорожные материалы и т. д. [14].

Учитывая то, что, асфальтобетонщик и дорожный рабочий выполняют аналогичные трудовые действия, в частности по укладке асфальтобетонной смеси и их работа связана с битумными и другими материалами, следует отметить существенный недостаток Перечня, а именно, профессия асфальтобетонщика указана в нем, а профессия дорожного рабочего нет.

Если обратиться к отраслевому Перечню работ с тяжелыми и вредными, особо тяжелыми и особо вредными условиями труда в строительстве и на ремонтно-строительных работах [15], то следует отметить, что в него входят и другие работы, которые также связаны со строительством, ремонтом дорог и применяемыми в процессе работы веществами 2 класса опасности. Например, работы с тяжелыми и вредными условиями труда, такие как приготовление смесей, мастик, растворов, эмульсий, со-

держащих асфальт, битум и синтетические смолы, укладка горячей асфальтобетонной массы и покрытие поверхностей горячим битумом, а также приготовление горячей асфальтобетонной массы и битумной мастики (п.п. 22, 34 Отраслевого Перечня). Однако, данные работы не входят в вышеназванный Перечень.

На основании вышеизложенного представляется необходимым разработать Перечень тяжелых работ и работ с вредными и опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин, указав в нем все профессии и виды работ, встречающиеся при строительстве, ремонте и содержании автомобильных дорог и сооружений на них, к которым не должны привлекаться женщины, в особенности детородного возраста.

Отдельно хотелось бы остановиться на анализе межотраслевых (далее – ТИ Р М) и отраслевых типовых инструкций по охране труда (далее – ТИ Р О), которые входят в систему нормативных правовых актов и были разработаны для профессий и видов работ Минтрансом РФ с точки зрения содержания в них критериев допуска к той или иной профессии или виду работ с учетом половозрастных признаков. ТИ Р М и ТИ Р О являются основой для разработки инструкций по охране труда для работников организаций, в том числе и в дорожном хозяйстве. О возможности предусматривать в общем положении о порядке проведения инструктажа по охране труда и технике безопасности с рабочими и служащими в зависимости от половозрастных, профессиональных и других признаков писал В.И. Семенков [16, с. 19].

Для отдельных профессий и видов работ в дорожном хозяйстве действуют более 30 отраслевых типовых инструкций по охране труда. При этом некоторые из них не содержат противопоказаний для применения труда женщин по тем или иным профессиям, несмотря на то что данные профессии входят в Перечень (это Типовая инструкция № 5 по охране труда для машиниста автогрейдера (прицепного грейдера), Типовая инструкция по охране труда для машиниста автогудронатора, Типовая инструкция № 13 для машиниста укладчика асфальтобетона, Типовая инструкция № 10 по охране труда монтажника по монтажу стальных и железобетонных конструкций, утв. Минтрансом РФ 11.03.1993 г.; Типовая инструкция по охране труда для машинистов одноковшовых гусеничных и пневмоколесных экскаваторов, утв. Федеральным дорожным департаментом Минтранса РФ 24.03.1994 г.; Типовая инструкция по охране труда для асфальтобетонщика, утв. Федеральным дорожным департаментом Минтранса РФ 05.12.1994 г.; Типовая инструкция по охране труда для плотника, утв. Приказом Минтранса РФ от 15.09.1997 г. № 105 и т.д.). При принятии решения о возможности применения труда женщин по тем или иным профессиям мы сталкиваемся с тем, что, с одной стороны, Перечень устанавливает запрет на применение труда женщин по той или иной профессии, с другой стороны, отраслевые Типовые инструкции не содержат такого запрета. Такой «разброс» дает основание утверждать, что труд женщин должным образом не защищен.

В связи с этим считаем обязательным дополнить «Общие требования» Типовых инструкций по охране труда работников дорожного хозяйства с учетом Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применять труд женщин, нормой, которая устанавливает допуск к той или иной профессии по половозрастному критерию.

Очевидным является тот факт, что в некоторых организациях дорожного хозяйства, женщины трудятся в условиях, не отвечающих требованиям безопасности труда, когда это подтверждено результатами СОУТ. В основном, это вредные условия труда, относящиеся к 3 классу (подклассы 3.1, 3.2, 3.3, 3.4).

Трудовым кодексом РФ установлено, что государственные инспекторы труда (правовые по охране труда) при осуществлении деятельности, связанной с проведением

надзора и контроля, имеют право беспрепятственно в любое время суток при наличии удостоверения установленного образца посещать в целях проведения инспекции организации всех организационно-правовых форм и форм собственности. Порядок проведения проверок должностными лицами федеральной инспекции труда определяется ратифицированными Российской Федерацией конвенциями Международной организации труда по вопросам инспекции труда, Трудовым кодексом РФ, иными федеральными законами, а также решениями Правительства РФ.

Для осуществления государственного контроля (надзора) в отношении юридических лиц, индивидуальных предпринимателей установлены конкретные основания, касающейся вида, предмета, сроков и периодичности проведения проверок, уведомлений об их проведении, согласования проведения внеплановых выездных проверок с органами прокуратуры. Если срок для проведения плановой проверки установлен не чаще чем один раз в три года, то внеплановая проверка, проводится в случаях, перечисленных в ст. 360 ТК РФ. К таковым относятся: *во-первых*, истечение срока исполнения работодателем выданного федеральной инспекцией труда предписания об устранении выявленного нарушения требований трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; *во-вторых*, поступление в федеральную инспекцию труда: 1) обращений и заявлений граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, информации от органов государственной власти (должностных лиц федеральной инспекции труда и других федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственный контроль (надзор), органов местного самоуправления, профессиональных союзов, из средств массовой информации о фактах нарушений работодателями требований трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, в том числе требований охраны труда, повлекших возникновение угрозы причинения вреда жизни и здоровью работников; 2) обращения или заявления работника о нарушении работодателем его трудовых прав; 3) запроса работника о проведении проверки условий и охраны труда на его рабочем месте в соответствии со ст. 219 ТК РФ; 4) наличие приказа (распоряжения) руководителя (заместителя руководителя) федеральной инспекции труда о проведении внеплановой проверки, изданного в соответствии с поручением Президента РФ или Правительства РФ либо на основании требования прокурора о проведении внеплановой проверки в рамках надзора за исполнением законов по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям.

Сведения о результатах проведения СОУТ передаются организацией, проводящей СОУТ, в течение десяти рабочих дней со дня утверждения отчета о проведении СОУТ, на бумажных носителях в территориальный орган Федеральной службы по труду и занятости по месту нахождения рабочих мест [17].

До 1 января 2014 г. в отношении рабочих мест, аттестованных с классом условий труда как вредные и (или) опасные, проводились внеплановые документарные проверки [18]. Однако в связи с принятием федеральных законов от 28.12.2013 г. № 421-ФЗ, № 426-ФЗ многие подзаконные акты, в том числе и устанавливающие основание для проведения внеплановой проверки по причине вредных и (или) опасных условий труда, фактически утратили юридическую силу. Поэтому в настоящее время отсутствует акт, устанавливающий основание для проведения внеплановой выездной проверки в отношении рабочих мест, условия труда на которых являются вредными или опасными.

Считаем, что к условиям труда женщин-работниц со стороны контролирующих органов должно быть повышенное внимание, поэтому полагаем необходимым закрепить в централизованном порядке в качестве одного из оснований для проведения

внеплановой проверки наличие результатов СОУТ, устанавливающих вредные и (или) опасные условия труда.

Поэтому считаем обязательным дополнить часть 4 статьи 360 Трудового кодекса РФ абзацем 7, включив в него еще одно основание для проведения внеплановой проверки:

«сведения организаций, проводящих специальную оценку условий труда, в результатах которых установлено, что условия труда на рабочих местах отнесены к вредным и (или) опасным условиям труда».

Библиографический список.

1. Голощапов С.А. Правовые вопросы охраны труда в СССР. М. : Юрид. лит., 1982. 200 с.
2. Абрамова А.А. Правовое регулирование труда женщин в СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951. 14 с.
3. Ведомости СНД и ВС РФ. 19.12.1991. № 51. Ст. 1798.
4. Постановление Правительства РФ от 25.02.2000 № 162 «Об утверждении Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» // СЗ РФ. 06.03.2000. № 10. Ст. 1130.
5. Постановление Правительства РФ от 06.02.1993 № 105 «О новых нормах предельно допустимых нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 15.02.1993. № 7.
6. Распоряжение Минтранса РФ от 29.01.2003 № ОС-37-р «О введении в действие Пособия по охране труда дорожному мастеру» // Сборник руководящих документов Росавтодора и федеральных органов власти, имеющих отраслевое значение. 2003. № 1.
7. Доклад Государственной инспекции труда в Пензенской области об осуществлении и эффективности федерального государственного надзора за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права за 2013 год // Официальный сайт Государственной инспекции труда в Пензенской области. URL: <http://git58.rostrud.ru>.
8. Кодекс законов о труде РСФСР: С постатейными материалами. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Юрид. лит., 1986. 352 с.
9. СанПиН 2.2.0.555-96. 2.2. Гигиена труда. Гигиенические требования к условиям труда женщин. Санитарные правила и нормы, утв. Постановлением Госкомсанэпиднадзора РФ от 28.10.1996 № 32 // Экологический вестник России. 2001. № 3.
10. ГОСТ 12.1.007-76. Система стандартов безопасности труда. Вредные вещества. Классификация и общие требования безопасности, утв. Постановлением Госстандарта СССР от 10.03.1976 № 579 (ред. от 28.03.1990). М.: Госстандарт СССР, 1985.
11. Материалы Государственного доклада «О санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2013 году» по Пензенской области // Официальный сайт Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Пензенской области. URL: <http://58.rospotrebnadzor.ru/about>.
12. ГОСТ 12.1.005-88. Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Общие санитарно-гигиенические требования к воздуху рабочей зоны, утвержден и введен в действие Постановлением Госстандарта СССР от 29.09.1988 № 3388 (ред. от 20.06.2000). М.: Издательство стандартов, 1988.
13. Приказ Минтруда России от 22.12.2014 № 1078н «Об утверждении профессионального стандарта «Дорожный рабочий»// Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 23.01.2015.
14. Приказ Минтруда России от 22.12.2014 № 1098н «Об утверждении профессионального стандарта «Асфальтобетонщик»// Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>. 28.01.2015.
15. Постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 01.10.1986 № 374/22-60 (ред. от 21.06.1990) «Об утверждении Перечня работ с тяжелыми и вредными, особо тяжелыми и особо вредными условиями труда, на которых повышаются часовые тарифные ставки

рабочим за условия труда в строительстве и на ремонтно-строительных работах»// Бюллетень Госкомтруда СССР. № 6. 1987.

16. Семенов В.И. Охрана труда в СССР. Правовые проблемы. 2-е изд., перераб. Минск: Издательство «Наука и техника». 1976. 287 с.

17. Приказ Минтруда России от 03.07.2014 № 436н «Об утверждении Порядка передачи сведений о результатах проведения специальной оценки условий труда»// Российская газета. 2014. 25 авг.

18. Приказ Роструда от 31.08.2011 № 193 «Об организации работы по реализации пункта 45 Порядка проведения аттестации рабочих мест по условиям труда, утвержденного Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 26 апреля 2011 года № 342н...» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru>.

References

1. Goloshchapov S.A. Legal issues of occupational safety in the USSR. M., Iurid. lit., 1982, 200 p. [in Russian].
2. Abramova A.A. *Pravovoe regulirovanie truda zhenshchin v SSSR: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Legal regulation of employment of women in the USSR: Extended abstract of Candidate's of Law thesis]. M., 1951, 14 p. [in Russian].
3. Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 19.12.1991, no. 51, Art. 1798 [in Russian].
4. Government Decree dated 25.02.2000 № 162 «On approval of the list of heavy work and work in hazardous or dangerous conditions under which the employment of women is prohibited». *SZ RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 06.03.2000, no. 10, Art. 1130 [in Russian].
5. Government Decree dated 06.02.1993 № 105 «On the new norms of maximum allowable loads for women to lift and move heavy objects by hand». *Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF* [Collection of acts of the President and the Government of the Russian Federation], 15.02.1993, number 7 [in Russian].
6. Regulation of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated 29.01.2003 № OS-37-p «On introduction into operation of the Guidelines on labor protection of the road master». *Sbornik rukovodiashchikh dokumentov Rosavtodora i federal'nykh organov vlasti, imeiushchikh otraslevoe znachenie* [Collection of guidelines of Rosavtodor and federal authorities having branch value], no. 1, 2003 [in Russian].
7. Report of State Labour Inspectorate for the Penza Region on implementation and effectiveness of Federal state supervision over observance of labour legislation and other normative legal acts containing norms of labour law for the 2013. *Official website of State Labour Inspectorate for the Penza Region*. Retrieved from: <http://git58.rostrud.ru> [in Russian].
8. Labour Code of the RSFSR: With itemized materials. 2nd edition, revised and enlarged. M., Iurid. lit., 1986, 352 p. [in Russian].
9. SanPiN 2.2.0.555-96. 2.2. Occupational health. Hygienic requirements to working conditions of women. Sanitary rules and regulations, approved by the Resolution of State Committee on Sanitary and Epidemiology Surveillance of the Russian Federation dated 28.10.1996 № 32. *Ekologicheskii vestnik Rossii* [Ecological bulletin of Russia], 2001, no. 3 [in Russian].
10. GOST 12.1.007-76. Occupational safety standards system. Harmful substances. Classification and general safety requirements, approved by the Resolution of State Committee for the Russian Federation for Standartization and Metrology of the USSR dated 10.03.1976 № 579 (as amended on 28.03.1990). M., Gosstandart SSSR, 1985 [in Russian].
11. Materials of National report «Concerning the Sanitary Epidemiological Welfare of the Population in the Russian Federation in 2013» in the Penza Region. *Official website of State Labour Inspectorate for the Penza Region*. Retrieved from: <http://git58.rostrud.ru> [in Russian].
12. GOST 12.1.005-88. Interstate standard. Occupational safety standards system. General hygiene requirements to the air of working zone, approved and put into effect by Resolution of State Committee for the Russian Federation for Standartization and Metrology of the USSR dated 29.09.1988 № 3388 (as amended on 20.06.2000). M., Izdatel'stvo standartov, 1988 [in Russian].

13. Order of the Ministry of Labour and Social Security of Russia dated 22.12.2014 № 1078n «On approval of professional standard «Roadworker». *Official internet portal of legal information*. Retrieved from: <http://www.pravo.gov.ru>. 23.01.2015 [in Russian].

14. Order of the Ministry of Labour and Social Security of Russia dated 22.12.2014 № 1098n «On approval of professional standard «Asphalt–concrete worker». *Official internet portal of legal information*. Retrieved from: <http://www.pravo.gov.ru>. 28.01.2015 [in Russian].

15. Resolution of the State Committee for Labour of the USSR, Secretariat of All–Union Central Trade Union Council dated 01.10.1986 № 374/22-60 (as amended on 21.06.1990) «On approval of the list of works with heavy and harmful, especially heavy and very harmful working conditions in which increased hourly rate working conditions for workers in construction and repair and construction work». *Biulleten' Goskomtruda SSSR* [Bulletin of State Committee for Labour of the USSR], no. 6, 1987 [in Russian].

16. Semenov V.I. Labor safety in the USSR. Legal problems. 2nd edition, revised. Minsk, Izdatel'stvo «Nauka i tekhnika», 1976, 287 p. [in Russian].

17. Order of the Ministry of Labour and Social Security of Russia dated 03.07.2014 №436n «On approval of the Order of transfer of information on the special assessment of working conditions». *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], no. 191, 25.08.2014 [in Russian].

18. Order of the Federal Labour and Employment Service dated 31.08.2011 № 193 «On the organization of work on the implementation of paragraph 45 of the Procedure for certification of workplaces on working conditions, approved by the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation dated 26 April, 2011 № 342n». The document has not been published yet. Access from legal reference system «ConsultantPlus». Retrieved from: <http://base.consultant.ru> [in Russian].

A.V. Gorbacheva*

SOME ASPECTS OF PROTECTION OF LABOR OF WOMEN EMPLOYED IN THE ROAD SECTOR

This article describes the general rules of the Labour Code of the Russian Federation and the special rules, approved by the Government of the Russian Federation, which regulate the protection of labour of women employed in the road sector. Due to the fact that weaknesses of certain norms such as labor law, and special rules were identified, the author makes suggestions for their improvement.

Key words: Labor Code, general rules, special rules, occupational safety, women working in the road sector.

---

* *Gorbacheva Alla Vladimirovna* (alla22-02@mail.ru), Department of Labour Law; Law of Social Security, Academy of Labour and Social Affairs, 90, Lobachevsky Street, Moscow, 119454, Russian Federation.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343

*А.В. Денисова****РЕГЛАМЕНТАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ СИСТЕМОСОХРАНЯЮЩЕГО
МЕХАНИЗМА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

В статье детально анализируется регламентационная функция системосохраняющего механизма в отрасли уголовного права, заключающаяся в упорядочивании уголовно-правовых отношений, придании необходимого уровня пластичности существующим уголовно-правовым нормам и институтам, закреплении иерархии отраслевых формально-юридических источников. Познание соответствующей функции является необходимым предварительным условием для понимания и объяснения структуры и действия системосохраняющего механизма в российском уголовном праве.

Ключевые слова: системность, правовая система, системосохраняющий механизм, отрасль уголовного права, уголовно-правовые презумпции, фикции, преюдиции, правоположения.

Современное российское уголовное право представляет собой логически завершенную единую систему уголовно-правовых норм, субинститутов и институтов, способов внешнего их выражения и уголовно-правовых отношений, ради урегулирования которых все вышеперечисленные элементы отраслевой системы возникают и действуют. Помимо этого, в отрасли уголовного права есть нечто, что объединяет все ее элементы, благодаря чему они интегрируются в систему, в рамках которой возможно их эффективное сосуществование и взаимодействие. Этим интегрирующим правовым явлением следует признать т. н. системосохраняющий механизм, именно он обеспечивает системность, единство и целостность отрасли уголовного права, делает возможным согласованное взаимодействие всех вышеуказанных отраслевых элементов, упорядочивает и координирует их, а также регулирует влияние внешних условий на уголовное право, обеспечивая сочетание преемственности и изменчивости в про-

---

* © Денисова А.В., 2015

Денисова Анна Васильевна (anden@front.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

цессе уголовно-правового регулирования. Благодаря этому механизму осуществляется упорядочивающее воздействие на отраслевые компоненты, координируется их совместное функционирование, обеспечивается своевременное приспособление отрасли к меняющимся социальным условиям. Одной из важнейших функций системосохраняющего механизма следует признать т. н. регламентационную функцию, заключающуюся в том, что данный механизм участвует в процессе непосредственного урегулирования общественных отношений с целью упрощения, стабилизации имеющихся правовых средств, применяемых в сфере борьбы с преступностью. В процессе осуществления системосохраняющим механизмом регламентационной функции происходит упорядочивание уголовно-правовых отношений, подчинение их субъектов определенным правилам, вырабатываемым в процессе действия данного механизма; придается необходимый уровень пластичности существующим уголовно-правовым нормам и институтам; оформляется иерархия отраслевых формально-юридических источников. Реализуя исследуемую функцию, системосохраняющий механизм в определенной мере упорядочивает процессы, протекающие в отечественной правовой системе (и в отрасли уголовного права в частности), структурирует взаимодействие между различными межотраслевыми и внутриотраслевыми подсистемами, повышает предсказуемость результатов правового регулирования. Регламентационная функция раскрывается с помощью ряда структурных элементов системосохраняющего механизма, по своей сути являющихся особыми нормативными обобщениями: презумпций, фикций, преюдиций и правоположений.

В специальной литературе презумпция определяется как закрепленное в правовых нормах предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом [1, с. 14; 2, с. 335]. Например, в уголовном праве существует т. н. презумпция беспомощного состояния в отношении лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста и подвергшихся сексуальному насилию, так они в силу своего возраста не могут понимать характер и значение совершаемых с ними действий (примечание к ст. 131 УК РФ). Так, М. был признан виновным в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении семилетней Ж. и восьмилетней Ш. При этом М. был осведомлен об их возрасте, что объективно подтверждается их внешними данными и длительным знакомством с ними. Несмотря на заявления защиты об отсутствии в деле доказательств применения осужденным насилия по отношению к потерпевшим, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ оставила приговор без изменений, указав, что в силу закона лица, не достигшие двенадцатилетнего возраста и ставшие жертвами половых посягательств, признаются находящимися в беспомощном состоянии; следовательно, виновные лица, совершая соответствующие преступления, пользуются этим обстоятельством, поэтому подлежат уголовной ответственности по ст. 131–132 УК РФ вне зависимости от применения или неприменения к потерпевшим физического или психического насилия [3].

При расследовании насильственного полового преступления, совершенного в отношении малолетнего лица, правоприменитель должен руководствоваться этим предположением, оно будет оказывать серьезное регламентирующее воздействие на его поведение. Игнорирование юридических презумпций недопустимо в любой форме. В этом заключается их общеобязательный характер.

Презумпции значительно упрощают процесс правового регулирования, внося в него определенную пластичность, логику. Как правило, презумпции координируют действие уголовно-правовых норм в четко заданном направлении, организуют их на выполнение определенной цели.

Следующий элемент системосохраняющего механизма – фикции, они представляют собой нормативные предписания, искусственно устанавливающие факты или обстоятельства реально существующими, хотя в действительности они не имеют места и наоборот. Таким образом, фиктивность в данном случае заключается в способе регулирования, при котором законодатель стремится к созданию гармоничной системы уголовного права, способной максимально гибко воздействовать на поведение людей.

Одна из уголовно-правовых фикций закреплена в ч. 4 ст. 18 УК РФ, согласно которой при признании рецидива преступлений не учитываются определенные виды судимости, несмотря на их фактическое наличие. Игнорирование данной фикции приводит к необоснованному признанию в действиях осужденных рецидива преступлений, а следовательно, к необоснованному усилению уголовной репрессии и негативным процессуальным последствиям в виде нарушения требований ст. 297 УПК РФ. Так, постановлением президиума Самарского областного суда от 15.08.2013 г. изменен приговор Новокуйбышевского городского суда от 12.07.2011 г. в отношении Д.: исключена ссылка на рецидив преступлений в действиях осужденного, так как в соответствии со ст. 18 УК РФ при признании рецидива не должны учитываться судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет, поэтому срок наказания был снижен. Далее, постановлением президиума Самарского областного суда от 14.11.2013 г. изменен приговор Красноярского районного суда от 14.05.2013 г. в отношении С.: была исключена ссылка на наличие опасного рецидива преступлений и изменен вид исправительного учреждения, так как в соответствии с п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ при признании рецидива не должны учитываться судимости за преступления, осуждение по которым признавалось условным. Постановлением президиума Самарского областного суда от 28.11.2013 г. изменен приговор Чапаевского городского суда от 20.11.2013 г. в отношении З.: как следует из материалов дела, З. по предыдущим приговорам был судим за совершение преступлений небольшой тяжести, а, согласно п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ, при признании рецидива соответствующие судимости не должны учитываться, поэтому из приговора была исключена ссылка на наличие рецидива преступлений, наказание снижено [4].

Потребность в существовании отраслевых фикций объясняется необходимостью устранения неопределенности в правовом положении некоторых субъектов уголовно-правовых отношений, уголовное преследование которых в полном объеме признается нецелесообразным по тем или иным обстоятельствам. Соответствующие фикции способствуют изменению существующих уголовно-правовых отношений.

Фикции являются исключительным средством, но необходимым, они устраняют отдельные обстоятельства, препятствующие эффективности процесса уголовно-правового регулирования, придают ему необходимую гибкость и пластичность.

В отрасли уголовного права важное значение имеет и такой структурный элемент системосохраняющего механизма, как преюдиции. Это такие правила, которые предполагают существование доказанного факта, получившего оценку и признание в правовом акте, вступившем в законную силу. Конкретным примером преюдиции, имеющей уголовно-правовое значение, является административная преюдиция, закрепленная в ст. 151.1 УК РФ, согласно которой подлежат уголовной ответственности лица, совершившие розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции неоднократно, т. е. после привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение ста восьмидесяти дней. Так, продавец Т. была осуждена за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, совершенную неоднократно: в июле 2013 года она была привлечена к административной ответственности за соответствующее деяние по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ, после этого в августе

того же года она в магазине умышленно осуществила розничную продажу несовершеннолетнему <ФИО> одну бутылку коктейля «Страйк» емкостью 0,5 литра с содержанием алкоголя не менее 7 %, осознавая его возраст и не спросив у него документ, удостоверяющий личность. С учетом характера и степени общественной опасности, обстоятельств и тяжести содеянного, личности подсудимой, ее материального положения, наличия смягчающих наказание обстоятельств и отсутствия отягчающих наказание обстоятельств суд пришел к выводу о назначении Т. уголовного наказания в виде штрафа в размере 6000 рублей [5].

Смысл преюдиции заключается в том, что суд не должен доказывать те юридические факты, которые уже были установлены предшествующим решением. Преюдиции играют существенную роль в укреплении законности, стабильности правовых отношений. Это средство процессуальной экономии, позволяющее эффективно организовать уголовно-правовые отношения.

Следующий элемент системосохраняющего механизма, участвующий в выполнении им регламентационной функции, – это правоположения. В самом общем виде правоположения трактуются как определенные коллизионные правила, выработанные в судебной практике для преодоления правовых коллизий и правовой неопределенности [6, с. 93; 7, с. 31]. Они содержатся в индивидуальных правовых актах, принятых по конкретному уголовному делу. Они создаются первоначально в связи с наступлением определенных жизненных обстоятельств и только затем начинают применяться ко всем аналогичным фактам как общее правило. То есть это устоявшиеся и признанные позиции правоприменительных органов, которые с наибольшей определенностью отражают волю законодателя и оказывают юридическое воздействие на участников общественных отношений, относящихся к предмету уголовно-правового регулирования.

Правоположения неразрывно связаны с существующими уголовно-правовыми нормами, не могут применяться в отрыве от них, созданы для их обслуживания и приладки к актуальным потребностям социальной действительности. Так, в судебной практике также возник вопрос, вправе ли суд при оценке поведения осужденного учитывать нарушения, за которые он не был подвергнут взысканиям, предусмотренным статьей 115 УИК РФ, но которые повлекли применение к нему такой меры реагирования, как профилактическая беседа. Осужденные, ходатайствуя об условно-досрочном освобождении, не отрицая фактов совершения ими нарушений установленного порядка отбывания наказания, нередко ссылались на то, что проведенные в связи с этими нарушениями профилактические беседы не должны учитываться судом. Однако многие суды при оценке поведения осужденного принимали во внимание эти нарушения и проведенные в связи с ними профилактические беседы с лицом [8; 9]. В связи с этим Президиум Верховного Суда РФ, утверждая обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, отметил, что уголовное законодательство не устанавливает круг обстоятельств, которые могут или должны учитываться при оценке поведения осужденного; исходя из этого, суды при рассмотрении вопроса о применении статьи 79 УК РФ вправе учитывать любые характеризующие поведение осужденного в период отбывания им наказания обстоятельства, в том числе нарушения установленного порядка отбывания наказания, вне зависимости от характера мер реагирования на них [10]. Таким образом, высшая судебная инстанция страны подтвердила существование в России правоположения, выработанного нижестоящими судами, о значении профилактических бесед, которые хотя и не являются нарушениями, однако свидетельствуют о небезупречном поведении осужденного и могут воспрепятствовать положительному решению вопроса о его условно-досрочном освобождении.

Потребность в правоположениях возникает в связи с тем, что в ряде случаев распространение предписаний уголовного законодательства на конкретные общественные отношения требует от правоприменительных органов дополнительных усилий, а именно – наиболее полного выражения государственной воли применительно к тому или иному уголовно-правовому отношению, ее развития, актуализации, а иногда – и доформулирования. Именно такого рода правоприменительная деятельность и порождает правоположения, участвующие в осуществлении регламентационной функции системосохраняющего механизма.

Применение правоположений позволяет, не изменяя сложившейся системы уголовного права, преодолевать неопределенности в каждом конкретном уголовном деле. Таким образом, правоположения дорабатывают систему уголовного права, совершенствуют и видоизменяют ее, участвуя тем самым в осуществлении регламентационной функции системосохраняющего механизма.

Подводя итоги, отметим, что анализируемая функция системосохраняющего механизма является одной из его существенных характеристик, это одна из его ролей, которая стабильно им выполняется в системе уголовного права, его предназначение. Однако исследования действия системосохраняющего механизма в правовой системе свидетельствуют о наличии у него и серьезных обеспечительных, определительных, конкретизационных, оперативно-защитных, правовосполнительных, сигнально-информационных и прогностических возможностей. Познание всех этих функций является необходимым предварительным условием для понимания и объяснения структуры и действия системосохраняющего механизма в уголовном праве.

Библиографический список

1. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. 124 с.
2. Зуев Ю.Г. Уголовно-правовые презумпции: понятие, признаки, виды // Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 334–338.
3. Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 7 августа 2014 г. № 205-АПУ14-6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 1. С. 16.
4. Справка по результатам обобщения практики разрешения в порядке надзора (в кассационном порядке) жалоб и представлений по уголовным делам, поступившим во втором полугодии 2013 г. // Сайт Самарского областного суда. URL: http://oblsud.sam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=336 (дата обращения: 20.04.2015).
5. Приговор мирового судьи судебного участка № 152 Одинцовского района Московской области от 03.12.2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=712341> (дата обращения: 20.04.2015).
6. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Т. 2. Свердловск, 1972. 401 с.
7. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. 100 с.
8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Тамбовского областного суда от 13.11.2011 // Судебные решения.РФ: единая база данных решений судов общей юрисдикции Российской Федерации. URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/78893> (дата обращения: 20.04.2015).
9. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Ульяновского областного суда от 03.03.2010 // Сайт Ульяновского областного суда. URL: http://ulobsud.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=192&Itemid=63 (дата обращения: 20.04.2015).
10. Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 29 апреля 2014 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 8. С. 2–9.

References

1. Babaev V.K. Presumptions in the Soviet law. Gor'ky, 1974, 124 p. [in Russian].
2. Zuev Yu.G. Criminal and legal presumptions: notion, characteristics, types in *Problems of legal technique*. V.M. Baranov (Ed.). N. Novgorod, 2000, p. 334–338 [in Russian].
3. Decision of the judicial board on the affairs of military personnel of the Supreme Court of the Russian Federation dated 7 August, 2014 № 205-APU14-6. *Biulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2015, no. 1, p. 16 [in Russian].
4. Information on results of the summary of practice of supervision (the cassation procedure) of complaints and representations in criminal cases received in the second half of 2013. *Website of the Samara Regional Court*. Retrieved from: http://oblsud.sam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=336 (accessed 20.04.2015) [in Russian].
5. The verdict of the judge of judicial district № 152 of Odintsovo district of the Moscow Region dated 03.12.2013. *Access from legal reference system «ConsultantPlus»*. Retrieved from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=712341> (accessed 20.04.2015) [in Russian].
6. Alekseev S.S. Problems of the theory of law. Course of lectures. In 2 Vols. Vol. 2. Sverdlovsk, 1972, 401 p. [in Russian].
7. Vlasenko N.A. Conflict rules in Soviet law. Irkutsk, 1984, 100 p. [in Russian].
8. Cassational ruling of the Judicial Board on Criminal Cases of Tambov Regional Court dated 13.11.2011. [Sudebnye resheniia.RF: common database of decisions of the courts of general jurisdiction of the Russian Federation. Retrieved from: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/78893> (accessed 20.04.2015) [in Russian].
9. Cassational ruling of the Judicial Board on Criminal Cases of the Ul'yanovsk Regional Court dated 03.03.2010. *Website of the Ul'yanovsk Regional Court*. Retrieved from: http://ulobsud.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=192&Itemid=63 (accessed 20.04.2015) [in Russian].
10. A review of the court practice of parole approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29 April, 2014. *Biulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2014, no. 8, pp. 2–9 [in Russian].

A.V. Denisova*

REGULATORY FUNCTION OF SYSTEM SAVING MECHANISM IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

The article deals with the analysis of regulatory function of system saving mechanism in the branch of criminal law that is concluded in organizing criminal-legal relations, giving the required level of plasticity to existing criminal law norms and institutions, establishing hierarchy of branch's formal legal sources. The knowledge of this function is a prerequisite for understanding and explanation of structure and action of system saving mechanism in Russian criminal law.

Key words: systematicity, legal system, system saving mechanism, branch of criminal law, criminal and legal presumptions, fictions, prejudices, legal provisions.

---

* *Denisova Anna Vasilievna* (anden@front.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 343.3.7

Ю.С. Норвартян*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАРАЖЕНИЕ ИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИМИ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ, ПО УЛОЖЕНИЮ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 Г.

В статье исследуется проблема становления российского уголовного законодательства об ответственности за заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих. Особое внимание уделено структуре нормативных положений, устанавливающих наказание за рассматриваемые преступления, и их месторасположению в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Ключевые слова: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, эпидемиологические болезни.

Отечественное законодательство в разные исторические периоды своего развития по-разному определяло круг деяний, признаваемых преступлениями. Весьма неоднозначным было и отношение к вопросу об ответственности за заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих. Феномен инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, и заражение ими были известны давно.

Так, в XVIII веке законодатель и официальные власти ограничивались нормативными предписаниями к лечению и другим мерам по предупреждению распространения венерических заболеваний, не вводя нормы об ответственности именно за заражение венерической болезнью. Например, в царствование Екатерины II в Сенате по докладу о необходимости принятия срочных мер против дальнейшего распространения этой болезни было принято решение организовать в городах Петербургской, Московской и Новгородской губерний больницы для больных сифилисом с числом коек: в губернских городах – 100, в уездных – 50. Учитывая, что число больничных коек в то время было крайне мало, предлагаемое количество коек для больных сифилисом, несомненно, свидетельствовало об острой потребности в них. Сохранились документальные данные, что у рабочих того времени удерживалась доля жалования на лечение у них «францвенерии» [1]. Достоверно известно, что венерические заболевания именовались «французскими», «франц-заболеваниями», «франц-венерическими заболеваниями», «френчью».

Кроме указанной выше инфекционной болезни к числу распространенных заболеваний, которые вызывали серьезные проблемы в Царской России в XVIII–XIX вв., относилась чума. Большое количество зараженных «чумной» болезнью жителей южных границ империи вынуждало верховную власть связывать это с происками внешних врагов, в частности крымских татар, о которых Екатерина II писала Вольтеру,

---

* Норвартян Ю.С., 2015

Норвартян Юрий Сергеевич (norgartyan@yandex.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1

что они «ежегодно заносили в Россию чуму и голод и забирали в плен по 20 000 человек в год» [2, с. 409].

К числу распространенных болезней в Царской России XVII–XVIII вв. относилась также и оспа. Из года в год она уносила в могилу десятки тысяч человеческих жизней, и в каждом государстве можно было встретить большое количество людей, обезображенных и искалеченных оспой [3].

Надо заметить, что отечественному законодательству царского периода не было известно ни одной специальной уголовно-правовой нормы об ответственности за заражение «францвenerией» или другим конкретным инфекционным заболеванием, представляющим опасность для окружающих. По закону того времени карались факты заражения другого человека, поставления в опасность заражения «*прилипчивыми*», «*повальными*», «*заразительными*» заболеваниями, а также нарушения различного рода санитарно-эпидемиологических правил. При этом названные деликты наказывались по нормативным положениям об уголовной ответственности за правонарушения, совершаемые в области общественного благополучия.

Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных вопросам ответственности за заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, было посвящено целых два отделения, размещенных в главе первой «О преступлениях и проступках против поставлений, ограждающих народное здоровье» раздела восьмого «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благополучия». Данные нормы устанавливали ответственность за деяния, связанные с нарушением карантинных мероприятий и процедур, санитарно-эпидемиологических правил, а также с заражением инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих. Нарушения Уставов Карантинных образовывали собой особый блок уголовно-правовых предписаний. В условиях относительно неэффективной противоинфекционной медицины XIX в. государство было вынуждено применять самые суровые правовые меры в отношении распространения опасных инфекционных заболеваний. Отличительной особенностью этих нормативных положений являлась чрезмерная казуистичность и излишняя детализированность содержащихся в них предписаний.

В первом отделении «О нарушении Уставов карантинных» обращает на себя внимание статья 1008. По указанной статье подвергались наказанию, а именно: «лишению всех прав состояния и ссылке на поселение, в отдельнейших местах Сибири, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию плетью через палачей в мере, определенной статьей 22 (предусматривала наказание: «плетью от двадцати до тридцати ударов») сего Уложения для первой степени наказаний сего рода», следующие деяния при условии их совершения в период карантинных мероприятий «во время существования чумы»: «1) выход или выпуск людей или скота из карантинной черты или оцепленного места; 2) выход из дома, цепью или караулом охраняемого, по случаю оказавшихся в оном больных от чумы, а равно и в выходе из дома, во время существования сей заразы, не имея на то дозволения начальства, или в недозволенные часы, или же в самовольной передаче другому выданных им начальством знаков на выход из оцепленного дома; 3) сокрытие больных чумой и тайный вынос умерших от чумы из домов; 4) вынос, выдача или перебрасывание чрез карантинную или черту оцепления, или в утайке вещей зачумленных или находившихся с зачумленными; 5) непредставление к очистке вещей, оставшихся после умершего от чумы; 6) кража из домов, находящихся в оцеплении, и домов выморочных».

Речь здесь не шла о факте заражения конкретного лица названным инфекционным заболеванием. По сути, в этих нормативных положениях содержатся составы с двойной превенцией. Эти конструкции отражают такие общественно опасные деяния,

которые создают «благоприятную» обстановку, условия для возможного причинения общественно опасных последствий. Здесь момент окончания не связан с той или иной стадией преступной деятельности, а лежит в криминогенном причинно-следственном комплексе, обуславливающим с известной долей вероятности причинение существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Отделение второе «О нарушении постановлений против распространения повальных и прилипчивых болезней» главы первой «О преступлениях и проступках против постановлений, ограждающих народное здравие» раздела восьмого «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благополучия» Уложения содержало десять статей (ст. 1029–1038). Как видно, законодатель того времени предусматривал очень широкий круг составов преступлений, связанных с посягательством на народное здоровье через угрозу распространения повальных и прилипчивых болезней. Большинство конструкций этого отделения – составы «прикосновенности» и «служебного бездействия». Рассмотрим некоторые составы анализируемого отделения.

Так, согласно ч. 1 ст. 1029 Уложения, «если хозяин дома или управляющий оным, или же смотритель дома казенного, узнав о появившейся в том доме горячке с пятнами, или другой прилипчивой болезни, не донесет о том, немедленно местному полицейскому начальству, то он подвергается денежному взысканию, в столицах – от десяти до пятнадцати рублей, в прочих городах – от пяти до восьми рублей, а в селениях – от пятнадцати копеек до одного рубля». В ч. 2–4 ст. 1029 Уложения устанавливалась ответственность за недонесение властям о случаях заболевания опасными инфекциями другими специальными субъектами – содержанием гостиницы, постоялого дома или другого заведения, где останавливаются приезжающие, врачом, «который был призван в дома», и др.

Обратимся к статье 1032 Уложения. Указанная статья была посвящена вопросам ответственности за заражение инфекционным заболеванием, представляющим опасность для окружающих. Согласно этой статье, «кто, зная, что он одержим заразительной или иною прилипчивою болезнью, с умыслом учинит что-либо долженствующее неминуемо сообщить сию болезнь другому», наказывался заключением в смиренный дом от 3 до 6 месяцев [4, с. 422].

За наступление последствий в виде «неизлечимого расстройства в здоровье или же и самой смерти» наказание виновному лицу назначалось по правилам ст. 1957 и 1959. Приведем текст ст. 1957 Уложения: «Кто с обдуманном заранее намерением причинит кому-либо расстройство в здоровье, примешает ядовитые и другие вредные вещества в съестные припасы или напитки, или же чрез иное какое-либо употребление таких веществ повредит здоровью его, тот, смотря по роду и важности происшедших от сего болезни или расстройства телесного или умственного, приговаривается: в случае, когда болезнь или расстройство будут признаны неизлечимыми... в во всех прочих также, к высшей мере тех наказаний, которые определяются в предшедшей статье 1949 за увечья менее тяжкие, соображаясь однако ж при сем с степенью важности болезни или меньшей трудности излечения оной. Если сие преступление учинено врачом, фармацевтом или повивальною бабкою, то определенные за оное наказания возвышаются одной степенью». В статье 1959 Уложения устанавливалась ответственность, «ежели, вследствие означенного в предшедших 1957 и 1958 статьях преступления, кому-либо причинилась смерть, то виновный в оном подвергается: наказанию, определенному выше сего в статье 1955 за нанесение увечья, причинившего впоследствии смерть, но всегда в высшей оного мере» [6, с. 761–762].

Определение понятий «заразительных», «прилипчивых», «повальных» болезней не содержалось в законодательстве того времени. Очевидно, это были оценочные кате-

гории. По этому вопросу Н.А. Неклюдов писал: «Понятие прилипчивости и повальности болезни — понятие весьма относительное... Хотя Устав Врачебный и поименовывает как прилипчивые болезни: горячку с пятнами (ст. 935), оспу, корь, скарлатину (ст. 936), судорожный кашель (ст. 947), горячку с полосами, опухолями и прыщами (ст. 951), кровавый понос, цингу, злую корчу, ревматические горячки, перемежающиеся лихорадки (ст. 952 п. 6), но... тот же Устав добавляет к перечислению этих болезней: «или иные тяжкие недуги» (ст. 947)» [5, с. 443].

Как писал А. Лохвицкий, в отделении втором главы первой раздела восьмого Уложения под «повальными» и «прилипчивыми» болезнями понимались любые «опасные эпидемии», кроме чумы. При этом термин «прилипчивый» в XIX в. был тождествен по содержанию современному термину «заразный» [6, с. 469].

Наконец, исходя из положений ст. 1038 Уложения, «если во время свирепствования какой-либо особенно опасной эпидемической и прилипчивой болезни от правительства приняты или предписаны и особые против распространения оной меры предосторожности, подвергался наказанию, особо в то же время от правительства определяемым».

Подводя итоги проведенному историко-правовому анализу развития положений об ответственности за заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих по законодательству Царской России, следует сформулировать следующие основные выводы:

1. Основным объектом рассматриваемых правонарушений по законодательству Царской России были, как показывает анализ названий структурных единиц Уложения 1845 г., «общественные отношения по обеспечению народного здоровья». В роли дополнительных объектов выступали жизнь и здоровье другого человека.

2. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных не был конкретизирован вид инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих. Речь шла о «прилипчивых», «повальных», «заразительных» заболеваниях.

3. В Уложении 1845 г. было известно множество основных и квалифицированных составов преступлений, связанных с заражением другого лица инфекционным заболеванием, опасным для окружающих. Эти составы имели различные юридические конструкции — составы с двойной превенцией, деликты прикосновенности, составы создания опасности, материальные составы.

4. Как показал историко-правовой анализ санкций составов рассматриваемых деликтов, по уголовному законодательству Царской России наказания варьировались от штрафа до лишения всех прав и ссылки на каторжные работы.

В этой связи предлагаем отечественному законодателю включить в главу 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» новую статью 237¹. Последнюю следует назвать «Заражение инфекционным заболеванием, представляющим опасность для окружающих». При конструировании новой статьи важно обеспечить строгую дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от ряда обстоятельств: общественно опасных последствий, включая заражение социально опасным видом инфекционного заболевания (в силу, к примеру, его неизлечимости), формы вины, особенностей потерпевшего и субъекта преступления. В случае реализации законодателем вышеизложенных авторских предложений статьи 121 и 122 УК РФ подлежат исключению из действующего уголовного законодательства России.

Библиографический список

1. Пути развития и достижения советской сифилидологии [Электронный ресурс]. URL: http://dermatoneurology.net/kartamyshev/190_sifilis.shtml (дата обращения: 13.01.2015).
2. Россия XVIII в. глазами иностранцев / сост. Ю.А. Лимонов. Л.: Лениздат, 1989. С. 409.
3. Оспа и оспопрививание в 18–19 веках [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nazdor.ru/topics/improvement/diseases/current/448808> (дата обращения: 09.03.2015).
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. 738 с.
5. Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Том первый. Преступления и проступки против личности. СПб., 1876. 555 с.
6. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. 671 с.

References

1. Ways of development and achievements of Soviet syphilology. Retrieved from: http://dermatoneurology.net/kartamyshev/190_sifilis.shtml/ (accessed 13.01.2015) [in Russian].
2. Russia of the XVIII Century through the eyes of foreigners. Compiled by Yu.A. Limonov. L., Lenizdat, 1989, p. 409 [in Russian].
3. Smallpox and smallpox vaccination in the 18th – 19th Centuries. Retrieved from: <http://www.nazdor.ru/topics/improvement/diseases/current/448808/> (accessed 09.03.2015) [in Russian].
4. Penal Code of Criminal and Corrective Penalties. SPb., Tipografiia Vtorogo Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1845, 738 p. [in Russian].
5. Nekludov N.A. Guide to the special part of Russian Criminal Law. Volume one. Crimes and offenses against the person. SPb., 1876, 555 p. [in Russian].
6. Lohvitskiy A. Course of Russian criminal law. SPb., 1871, 671 p. [in Russian].

Yu.S. Norvartyan*

RESPONSIBILITY FOR CONTAMINATION BY INFECTIOUS DISEASES THAT POSE A DANGER FOR THE WIDER PUBLIC ACCORDING TO THE PENAL CODE OF CRIMINAL AND CORRECTIVE PENALTIES, 1845

The problem of formation of Russian criminal legislation about the contamination by infectious diseases, that pose a danger for the wider public, is examined in this article. The main attention is focused on the structure of normative regulations, that establish responsibility for the offenses, and their location in the Penal Code of Criminal and Corrective Penalties of 1845.

Key words: Penal Code of Criminal and Corrective Penalties; contamination by infectious diseases, that pose a danger for the wider public; epidemiological diseases.

---

* *Norvartyan Yury Sergeevich* (norvartyan@yandex.ru), Department of Criminal law and Criminology, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.14

А.С. Закотянский*

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ПО МАТЕРИАЛАМ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье на примере практики Самарской области анализируются проблемы, возникающие при производстве дознания в сокращенной форме, а также предлагается возможный путь их решения.

Ключевые слова: доказывание по уголовным делам, дознание в сокращенной форме, упрощение уголовного процесса.

Критика самого по себе факта введения упрощенных производств [1, с. 18, 22; 2, с. 149–150] кажется несколько преждевременной: стремясь удешевить и ускорить уголовный процесс, законодатель не обязательно делает подозреваемого, обвиняемого или подсудимого абсолютно бесправными, а упрощенную процессуальную форму – необратимой.

Но является nonsensом и с точки зрения практики, и с точки зрения теории доказательств право дознавателя при производстве дознания в сокращенной форме прямо использовать в доказывании результаты познавательных действий, форма проведения которых никак не урегулирована УПК РФ – объяснений лиц и исследований предметов, документов и трупов, проведенных в ходе проверки сообщения о преступлении (п. 1–3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Поскольку дознание в сокращенной форме предполагает последующее вынесение приговора в особом порядке, при котором суд не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу (ч. 1 ст. 226.9, ч. 5 ст. 316 УПК РФ), то вынесение итогового процессуального решения также становится возможным на основании непроцессуальной (деформализованной) информации, полученной из «объяснений» и «исследований».

Таким образом, дознание в сокращенной форме допускает возможность одновременного упрощения досудебного и судебного этапов уголовного процесса вплоть до

---

* © Закотянский А.С., 2015

Закотянский Алексей Сергеевич (zakotyanskyas@mail.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

принятия процессуальных решений исключительно на основании непроцессуальной информации. К схожим выводам, критикуя данную упрощенную форму процесса, приходят и многие ученые [3, с. 15, 18–19; 4, с. 27–30; 5, с. 34–35].

Однако подобная возможность одновременной «деформализации» всех этапов процесса при дознании в сокращенной форме носит скорее гипотетический характер — по крайней мере, об этом свидетельствует обзор практики Самарской области.

Анализ материалов 52 дел, расследованных путем производства дознания в сокращенной форме, показывает, что процессуальное использование объяснений реально возможно только по 11,5 % дел, где до получения объяснений лицу разъясняются права по аналогии с его реальным процессуальным статусом, аналогичные объему прав свидетеля или подозреваемого. Вместе с тем в большинстве дел, по которым в ходе проверки до возбуждения уголовного дела получались объяснения (69,3 %), последние нельзя назвать соответствующими даже весьма туманным требованиям ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ — в частности, не разъясняется право пользоваться услугами защитника, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа. Результатом выступает то, что ни в одном изученном уголовном деле, дознание по которому производилось в сокращенной форме, не было обнаружено указаний в обвинительном постановлении на объяснения свидетеля, потерпевшего или подозреваемого, полученные в ходе возбуждения уголовного дела, как на доказательства.

По 5,8 % дел в обвинительном постановлении в числе доказательств, подтверждающих предъявленное обвинение, была указана «справка эксперта», фиксирующая — без описания методики проведенного исследования — результаты непроцессуального исследования изъятого водительского удостоверения или «больничного» листа с признаками подделки, проведенного до возбуждения уголовного дела [6]. Однако в материалах таких дел имелись и иные полученные процессуальным путем доказательства, подтверждающие корректность результатов непроцессуального исследования — в частности, ответы на запросы дознавателя из органов ГИБДД о лишении лица права управления транспортными средствами, из территориального отделения Фонда социального страхования и медицинского учреждения об отсутствии факта выдачи подозреваемому листа временной нетрудоспособности.

При производстве дознания в сокращенной форме допускаются отдельные отступления от требований процессуальной формы, выработанных в рамках теории доказательств и криминалистики, но они не превращают процессуальные решения в основанные исключительно на недопустимых доказательствах.

Так, общим требованием, обеспечивающим допустимость доказательств, является возможность проследить их происхождение и гарантировать невозможность внесения в них изменений. Но, например, по уголовному делу № 1–42/14 [7], где осматривается пневматический автомат (орудие совершения преступления — угрозы убийством), появившийся у дознавателя неизвестно каким образом и до производства осмотра никак не упакованный и не опечатанный, что подтверждается приложенной к протоколу осмотра фототаблицей. Единственное основание для предположения о возможном пути появления орудия преступления у дознавателя содержится в показаниях подозреваемого при допросе, согласно которым «пневматический автомат был выдан сотруднику полиции, производившему опрос на стадии возбуждения уголовного дела».

В деле № 1–26/14 [8] дознавателем осматривается видеозапись покушения на кражу в супермаркете, хотя в деле нет ни одного упоминания о возможном пути ее появления (она не изымалась при осмотре места происшествия и не представлялась при допросе потерпевшим).

Другим встречающимся на практике дознания в сокращенной форме отступлением от требований процессуальной формы является подмена предъявления для опознания

допросом потерпевших. Так, по делу № 1-32/14 [9] в протоколе допроса потерпевшей от 22.05.2014 г. содержится следующая фраза – «22.05.2015 г., ожидая допроса в коридоре отдела дознания, я увидела человека, после покупки которым пива в розлив у меня из-за прилавка пропали 1 500 рублей, позднее узнав от сотрудников полиции, что это подозреваемый О.».

Однако указанные нарушения или отступления от требований процессуальной формы нельзя назвать уникальными именно для дознания в сокращенной форме (например, проблема подмены одних следственных действий другими возникла задолго до появления данной упрощенной формы уголовного процесса) либо имеющими системный характер.

Ни по одному из перечисленных дел, где были допущены отдельные нарушения требований процессуальной формы, нельзя говорить о принятии итоговых процессуальных решений на основании недопустимых доказательств (непроцессуальной информации). По всем делам, помимо показаний подозреваемого, данных с участием защитника, имеются иные доказательства, которые в совокупности позволяют сделать вывод о виновности лица.

Так, протокол допроса потерпевшего по указанным выше делам 1-12/14 и 1-26/14 (покушение на совершение кражи продуктов из супермаркета) содержит сведения о том, что магазин оборудован системой видеозаписи, съемка с которой была предоставлена сотрудниками полиции при производстве осмотра места происшествия либо показания свидетеля – администратора магазина о непосредственном наблюдении им по системам видеонаблюдения преступных действий подозреваемого. Протокол допроса потерпевшей по делу № 1-42/14 (угроза убийством) содержит однозначные сведения, полученные от наблюдавшего совершение преступления лица, об использовании при угрозе убийством реалистичной имитации автомата «АК-47» и об известности подозреваемого потерпевшей, являющейся сотрудницей ЖЭУ, куда подозреваемый неоднократно обращался до совершения преступления.

Гораздо более тревожной представляется другая тенденция, «реанимирующая» идеи о признании как «царице доказательств», возможность возникновения которой прогнозировалась в науке [10, с. 43].

Согласно ч. 2 ст. 77 УПК РФ, признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. Часть 3 ст. 226.5 УПК РФ, устанавливающая особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, не устанавливает никаких прямых исключений из данного основополагающего, с учетом не столь давней российской истории и общемирового негативного опыта, правила о недопустимости придания исключительной роли признанию в совершении преступления.

Несмотря на это, из анализа материалов 8 из 52 (15,4%) изученных дел следует, что вывод о виновности основан лишь на показаниях подозреваемого, данных в присутствии защитника по назначению.

Так, по уголовному делу № 1-64/14 [11] у потерпевшего, менявшего колеса на автомобиле, украли 2 покрышки, пока он спускал на лифте к автомобилю 2 оставшихся колеса. Хотя в материалах дела имеются протоколы осмотра места происшествия и допроса потерпевшего, они никакой значимой для дела информации не содержат, так как потерпевший ничего подозрительного не заметил, а на месте происшествия никаких следов обнаружено не было. В связи с этим вывод о совершении преступления О. основан фактически на его чистосердечном признании и показаниях, данных в присутствии защитника по назначению, где он сознается в совершении преступления.

Другим примером является уголовное дело № 1-33/14 [12] о совершении покушения на кражу из супермаркета жевательных резинок и поводка для собаки. В деле имеется протокол осмотра места происшествия с участием понятых, в ходе которого специалистом изъяты видеозапись покушения на кражу и получены отпечатки пальцев с украденных вещей на дактилоскопическую пленку, а также показания потерпевшего, из которых следует фиксация покушения на кражу системами видеонаблюдения магазина.

Однако при более внимательном изучении материалов дела видно следующее:

- при производстве опросов на стадии возбуждения уголовного дела сотрудникам магазина, которые утверждали о фиксации покушения на кражу посредством видеонаблюдения, не разъяснялись какие-либо права, обязанности и ответственность;
- осмотр видеозаписи с участием понятых фиксирует отсутствие на ней съемки не только самого покушения на кражу (видно только, что лицо кладет продукты питания со стеллажей в корзинку для покупок и ходит с ней по магазину), но и выдачи украденного в служебном помещении супермаркета;
- судебная дактилоскопическая экспертиза свидетельствует об обнаружении на украденных товарах отпечатков пальцев, не принадлежащих подозреваемому;
- потерпевший (начальник службы безопасности сети супермаркетов) дает показания о том, что о факте покушения на кражу ему известно со слов сотрудников магазина, которые в качестве свидетелей по делу не допрашивались.

В связи с этим вывод о совершении преступления У. снова в значительной мере основан на его чистосердечном признании и показаниях, данных в присутствии защитника по назначению, где он сознается в совершении преступления.

Другим примером является уголовное дело № 1-71/14 [13] по обвинению в краже нескольких спортивных костюмов. По данному делу у администратора магазина якобы имелись основания подозревать конкретное лицо в совершении кражи 06.09.2014 г., поскольку Д. взял в примерочную кабинку больше костюмов, чем осталось в ней после того, как он покинул магазин. 22.09.2014 г., увидев Д., которого администратор якобы хорошо запомнил, в соседней секции, последний вызвал охранника торгового центра и затем обратился с заявлением о возбуждении уголовного дела. При подозреваемом действительно были найдены украденные вещи, но из другого магазина, расположенного в том же торговом центре, о чем было возбуждено отдельное уголовное дело.

Указанные сведения были сообщены администратором магазина на допросе в качестве потерпевшего, однако конкретных признаков внешности, по которым он опознал подозреваемого, допрашиваемым сообщено не было. Видеозапись происшедшего, несмотря на наличие в магазине системы видеонаблюдения, также отсутствовала.

При таком предположительном характере доказательств (показаний потерпевшего и «склонности к совершению аналогичных преступлений», следующей из обстоятельств задержания) в основу обвинения были фактически положены показания подозреваемого, данные с участием защитника по назначению.

Указанная тенденция вызывает особые опасения в связи с тем, что по всем изученным делам ознакомление подозреваемого с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела происходило с участием защитника по назначению, который как профессионал должен был бы видеть, что допрос подозреваемого с участием защитника, в противоречии с ч. 2 ст. 77 УПК РФ, образует единственное доказательство инкриминируемого преступления, однако замечания у защитников неизменно отсутствовали, а единственными заявленными ими по делу ходатайствами были ходатайства о вознаграждении из бюджета за участие в деле по назначению.

Закрепленные законодателем гипертрофированные гарантии возврата к общей процедуре, предусматривающие необходимость повторного производства дознания по делу

в общем порядке по простому заявлению участников процесса или по инициативе суда, прокурора, в том числе при наличии оснований предполагать самооговор (п. 3 ч. 1 ст. 226.8, ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ), которые, по мнению ученых, делают упрощенную процедуру «всецело зависимой от воли обвиняемого и потерпевшего» [3, с. 15,18], фактически не обеспечивают защиты от использования «царицы доказательств» как единственного доказательства вины в условиях бездействия защитников по назначению и правовой неграмотности подозреваемых, являющихся в подавляющем большинстве случаев страдающими наркотической или алкогольной зависимостью лицами со средним или неоконченным средним образованием и низким уровнем дохода.

В связи с изложенным представляется, что основным доводом против введения данной упрощенной процедуры является не гипотетическая вероятность вынесения приговора по расследованному в рамках такой упрощенной процедуры делу на основании только непроцессуальной информации, а заметная на практике возможность возрождения теории формальных доказательств в рамках дознания в сокращенной форме, чреватая произволом, пытками и прочими крайностями, которых в современном правовом государстве быть не должно.

Кроме того, если проанализировать предмет преступных посягательств, расследуемых путем производства дознания в сокращенной форме, то видно следующее. В результате случайной выборки, по данным интернет-проекта «РосПравосудие», 300 уголовных дел, рассмотренных в Российской Федерации в период с 01.01.2014 г. по 31.03.2015 г. на основании результатов дознания в сокращенной форме, обнаружено, что 47% из них составляют дела по обвинению в совершении преступления (покушения на преступление), предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ (Кража); 14,6 % – по обвинению в совершении деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ (Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков); 12,6 % – по обвинению в ч. 1 ст. 119 УК (Угроза убийством) [14].

При этом предметом преступного посягательства при совершении кражи (покушения на кражу), составляющих почти половину от общего числа рассмотренных путем производства дознания в сокращенной форме дел, в большинстве случаев является примерно следующее: «72 плитки шоколада стоимостью 1302 рубля»; «2 бутылки ликера и коробка конфет стоимостью 1300 рублей»; «автомагнитола стоимостью 1200 рублей»; «12 шампуней для головы стоимостью 1612 рублей»; «палка колбасы, плитка шоколада, 6 упаковок сарделек стоимостью 1182 рубля»; «2 бутылки виски стоимостью 1700 рублей»; «свитер и ботинки стоимостью 3130 рублей»; «84 жевательные резинки и поводок для собаки стоимостью 1182 рубля»; «куртка мужская весенняя стоимостью 2500 рублей»; «палка колбасы, 2 пакета вина, 3 пачки мыла, 2 дезодоранта женских, половина охлажденной тушки курицы, упаковка семян перца и помидора стоимостью 1232 рубля».

Представляется, что упрощение уголовного процесса в форме, предусмотренной главой 32.1 УПК РФ, да еще порождающее тенденцию к применению признания вины как единственного доказательства, положенного в основу приговора, при подобных предметах преступного посягательства вовсе не выглядит разумным – заставляя дознавателей тратить время и соблюдать или имитировать соблюдение требований процессуальной формы по делам, наносимый которыми вред в современных экономических условиях не выглядит требующим применения уголовной репрессии.

Говорить о том, что дознание в сокращенной форме отражает мировую тенденцию к сближению частного и публичного права или расширяет сферу действия договорных начал в уголовном процессе, на основании вышеизложенного представляется невозможным. Скорее, эта форма упрощенного производства отражает негативную черту российского правоприменения – «деятельность не ради социально полезного

результата, а ради самого процесса», возводя подобное явление в ранг допустимого законом. Возможно, более оптимальным путем для законодателя, позволяющим достигнуть разумной процессуальной экономии и эффективного производства дознания по более тяжким делам в общем порядке, было бы не введение подобных дознанию в сокращенной форме упрощенных производств, а расширение числа административно наказуемых деяний.

Библиографический список

1. Александров А.С., Лопатников М.В., Терехин В.В. Этапы «Большого пути» русского уголовно-процессуального права от полусостязательности – к инквизиции // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса: сборник материалов Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием (Уфа, Институт права БашГУ, 17–18 апреля 2014 г.). Уфа, 2014. С. 9–26.
2. Победкин А.В. Публичность, которую мы потеряли (размышления в связи со 150-летием Устава уголовного судопроизводства) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 143–150.
3. Александров А.С., Лопатников М.В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 12–19.
4. Смирнов А.В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. 2013. № 6. С. 22–30.
5. Качалова О.В. Доказывание при сокращенной форме дознания // Уголовный процесс. 2013. № 6. С. 32–36.
6. Уголовное дело № 1-70/14 по обвинению В.С.И. по ч. 3 ст. 327 УК РФ (Архив судебного участка № 36 Самарской области); уголовное дело № 1-38/2014 по обвинению А.А.Ф. по ч. 3 ст. 327 УК РФ (Архив судебного участка № 32 Самарской области).
7. Уголовное дело № 1-42/14 по обвинению И.А.К. по ч. 1 ст. 119 УК РФ (Архив судебного участка № 32 Самарской области).
8. Уголовное дело № 1-26/14 по обвинению С.А.Д. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ (Архив судебного участка № 35 Самарской области).
9. Уголовное дело № 1-32/14 по обвинению В.Н.О. по ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 158 УК РФ (Архив судебного участка № 36 Самарской области).
10. Баев М.О., Баев О.Я. Заметки об очередных изменениях Уголовно-процессуального кодекса РФ (о новеллах Федерального закона № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г.) // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 41–49.
11. Уголовное дело № 1-64/14 по обвинению В.Н.О. по ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 158 УК РФ (Архив судебного участка № 36 Самарской области).
12. Уголовное дело № 1-33/14 по обвинению С.С.У по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ (Архив судебного участка № 35 Самарской области).
13. Уголовное дело 1-71/14 по обвинению Д.А.С. по ч. 1 ст. 158 УК РФ (Архив судебного участка № 35 Самарской области).
14. Сайт «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 31.03.2015).

References

1. Aleksandrov A.S., Lopatnikov M.V., Terekhin V.V. Stages of «Big Way» of Russian criminal procedural law from the semi-adversarial – to the inquisition. *Aktual'nye problemy vzaimosvazi ugovornogo prava i protsessa: sbornik materialov Vserossiiskoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Ufa, Institut prava BashGU, 17-18 apreliia 2014 g.)* [Actual problems of relationship of the criminal law and procedure: collection of materials of All-Russian scientific and practical conference with international participation (Ufa, Institute of Law of Bashkir State University, 17–18 April, 2014). Ufa, 2014, pp. 9–26 [in Russian]
2. Pobedkin A.V. The publicity that we lost (reflections in connection with the 150th anniversary of the Statute of Criminal Proceedure). *Sudebnaia vlast' i ugovovnyi protsess* [Judicial power and criminal procedure], 2014, no. 3, pp. 143–150 [in Russian].

3. Aleksandrov A.S., Lopatnikov M.V. Abbreviated inquiry: novels of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the complexity of their application. *Ugolovnyi protsess* [Criminal procedure], 2013, no. 4, pp. 12–19 [in Russian].
4. Smirnov A.V. Enquiry in the abbreviated form: once again about the spirit of laws. *Ugolovnyi protsess* [Criminal procedure], 2013, no. 6, pp. 22–30 [in Russian].
5. Kachalova O.V. Proving in the abbreviated form of inquiry. *Ugolovnyi protsess* [Criminal procedure], 2013, no. 6, pp. 32–36 [in Russian].
6. Criminal case № 1-70/14 on a charge of V.S.I. under Part 3, Clause 327 of the Criminal Code of the Russian Federation (Archive of judicial district № 36 of the Samara Region) [in Russian]; Criminal case № 1-38/2014 on a charge of A.A.F. under Part 3, Clause 327 of the Criminal Code of the Russian Federation (Archive of judicial district № 32 of the Samara Region) [in Russian].
7. Criminal case № 1-42/14 on a charge of I.A.K. under Part 1, Clause 119 of the Criminal Code of the Russian Federation (Archive of judicial district № 32 of the Samara Region) [in Russian].
8. Criminal case № 1-26/14 on a charge of S.A.D. under Part 3, Clause 30, Part 1, Clause 158 of the Criminal Code of the Russian Federation (Archive of judicial district № 35 of the Samara Region) [in Russian].
9. Criminal case № 1-32/14 on a charge of V.N.O. under Part 1, Clause 158, Part 1, Clause 158 of the Criminal Code (Archive of judicial district № 36 of the Samara Region) [in Russian].
10. Baev M.O., Baev O.Ya. Notes about the latest changes to the Criminal Procedure Code (on the novels by the Federal Law № 23-FZ dated March 4, 2013). *Sudebnaia vlast' i ugolovnyi protsess* [Judicial power and criminal procedure], 2013, no. 2, pp. 41–49 [in Russian].
11. Criminal case № 1-64/14 on a charge of V.N.O. under Part 1, Clause 158, Part 1, Clause 158 of the Criminal Code of the Russian Federation (Archive of judicial district № 36 of the Samara Region) [in Russian].
12. Criminal case № 1-33/14 on a charge of S.S.U. under Part 3, Clause 30, Part 1, Clause 158 of the Criminal Code of the Russian Federation (Archive of judicial district № 35 of the Samara Region) [in Russian].
13. Criminal case 1-71/14 on a charge of D.A.S. under Part 1, Clause 158 of the Criminal Code of the Russian Federation (Archive of judicial district № 35 of the Samara Region) [in Russian].
14. URL: <https://rospravosudie.com>. Accessed 31.03.2015 [in Russian].

A.S. Zakotyansky*

ANALYSIS OF THE PRACTICE OF INQUIRY IN THE ABBREVIATED FORM ON THE MATERIALS OF THE SAMARA REGION

In the article on the example of the practice of the Samara Region the problems arising from the inquiry in the abbreviated form are analyzed, and possible way of solving them is suggested.

Key words: proof on criminal cases, inquiry in the abbreviated form, simplification of the criminal proceedings.

---

* *Zakotyansky Alexey Sergeevich* (zakotyanskyas@mail.ru), Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 343.1

В.А. Лазарева*

**ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В СВЕТЕ ИДЕИ ФОРМИРОВАНИЯ В РФ
ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ**

В статье анализируются дискуссионные проблемы доказывания в связи с инициативой реформирования предварительного расследования и создания института следственного судьи. Рассматривается возможное влияние этого процесса на статус участников уголовного процесса, обеспечение состязательности и равноправия сторон, повышение независимости судебной власти и эффективность правосудия.

Ключевые слова: доказывание, собрание, проверка и оценка доказательств, предварительное следствие и дознание, следственный судья, судебный следователь, непосредственность исследования доказательств, состязательность, равноправие сторон, справедливость судебного разбирательства.

По итогам состоявшегося 14 октября 2014 года заседания президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека Президент России В.В. Путин поручил Верховному Суду изучить предложения по воссозданию в России института следственных судей. Ранее идею возрождения института следственных судей поддержал председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин, по мнению которого этот институт не только позволит продвинуться в решении ряда системных проблем правосудия, но и поможет разорвать «обвинительную связку» между следствием и судом и хотя бы отчасти преодолеть «обвинительный уклон» [1, с. 9].

Очевидно, что озвученная на таком высоком уровне идея следственного судьи продиктована желанием улучшить качество как досудебного производства по уголовному делу, так и уголовного судопроизводства в целом. Реформа уголовно-процессуального законодательства, начатая в 1991 году принятием Концепции судебной реформы в РФ, на которую возлагались такие же надежды, желаемого результата не дала, хотя в УПК РФ 2001 года были реализованы многие из предусмотренных Концепцией в целом неплохих положений. Последовавшие за этим многочисленные — и на первый взгляд хаотичные — изменения УПК оказались в действительности системными, в том смысле, что в своей совокупности они не только не привели к новому качеству уголовно-процессуальной деятельности как форме защиты прав и свобод личности, но и разрушили относительную стройность и целостность первоначальной концепции.

Главный недостаток современного уголовного процесса России заключается в том, что он так и не определился в своем отношении к состязательности. В сознании не только практиков, но и теоретиков продолжает доминировать представление об объективной истине как цели уголовного судопроизводства¹, стороны обвинения и защиты

* © Лазарева В.А., 2015

Лазарева Валентина Александровна (v.a.lazareva@mail.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

¹ Это показала, в частности, дискуссия на страницах журнала «Библиотека криминалиста» (см.: № 4(5) за 2012 г.).

не стали равноправными, а суд — независимым. Причиной этого все чаще стали называть сохранившуюся советскую организацию предварительного расследования как деятельности не только досудебной, но и внесудебной. При этом органы предварительного расследования имеют монополию на собирание доказательств и фактически формируют всю доказательственную базу по уголовному делу. Получающий от органов предварительного расследования готовую совокупность доказательств, суд волей-неволей превращается в орган, который формально обязан проверить результаты расследования и оценить представленные ему доказательства, однако повлиять на эти результаты суд уже, как правило, не может. Отсюда вынужденное некритичное отношение суда к материалам уголовного дела.

Как и в прежние времена, когда, согласно ст. 20 УПК РСФСР, суд, прокурор и следователь выполняли общие задачи и преследовали общие цели, суд и сегодня ассоциирует себя с органами предварительного расследования, игнорируя при этом тот факт, что ныне действующий уголовно-процессуальный закон разделил эти задачи, возложив на органы предварительного расследования функцию уголовного преследования, а на суд — осуществление правосудия. Материалы, полученные в ходе досудебного производства органами уголовного преследования, не могут иметь значения судебных доказательств, но в силу исторической традиции фактически его имеют.

В этом, как представляется, суть проблемы. Современная регламентация и реальное состояние досудебного производства препятствуют эффективной реализации принципа состязательности и процессуального равенства сторон. Отсюда — нарушения права обвиняемого, лишенного возможности активно участвовать в собирании доказательств, на защиту, причем не только на стадии предварительного расследования, но и в суде, куда сторона защиты, в отличие от обвинителя, приходит «с пустыми руками» и часто не может добиться, чтобы ее доводы были хотя бы заслушаны, желательно, непредвзято. Соответственно, страдает принцип независимости суда, который вынужден довольствоваться доказательствами, сформированными одной стороной — обвинительной, ограничено действие принципа свободной оценки доказательств, для которого необходима реальная альтернатива, конкуренция доказательств. В существующей реальности не органы предварительного расследования встроены в систему юстиции, подчинены ей, а органы юстиции, то есть суды представляют собой придаток системы предварительного расследования и видят свою задачу в том, чтобы избежать конфликта с обвинительной властью. Процент выносимых судами оправдательных приговоров настолько мал, что ставит под сомнение реальность права на справедливое правосудие. Обвинительная ориентация судейского корпуса обусловила реанимацию института дополнительного расследования, противоречащего принципам современного уголовного процесса, в первую очередь принципу состязательности.

Разработанные Постоянной комиссией по гражданскому участию в правовой реформе Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (далее Комиссия) предложения «О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации» представляют собой возвращающуюся к опыту судебной реформы 1864 года попытку кардинального изменения существующего порядка уголовного судопроизводства, которая, оживив научную дискуссию, выявила и высокий уровень скепсиса. Здесь и усталость от бесконечных непоследовательных изменений уголовно-процессуального законодательства, и основанное на здравом смысле понимание, что причины низкого качества предварительного расследования не в плохом законе, а слабом осознании правоприменителем общественного и нравственного смысла своего труда, то есть гораздо более серьезны.

Эффективно работающие в других странах правила уголовного судопроизводства (очень при этом разные), к которым апеллируют реформаторы, будут переработаны нашей практикой до неузнаваемости. Поэтому оценивать предложенные изменения, на наш взгляд, следует с известной осторожностью.

В континентальной традиции существует два варианта организации предварительного расследования [2, с. 11], в одном, условно называемом французским, следственный судья – это принадлежащий к судебной власти самостоятельный орган предварительного расследования, который производит следственные действия, предъявляет обвинение, прекращает при наличии оснований уголовное преследование (в нашей исторической интерпретации, это скорее судебный следователь, чем следственный судья, хотя зачастую в публикациях эти понятия рассматриваются как тождественные); во втором, немецком, следственный судья – орган широкого судебного контроля за расследованием, которое обычно проводится в форме дознания. Какая же из моделей предлагается реформаторами?

Для ответа на этот вопрос обратимся к перечню полномочий, которыми предполагается наделить следственного судью.

Кроме уже привычных форм судейской деятельности в досудебном производстве – контроля законности и обоснованности действий и решений органов предварительного расследования путем рассмотрения жалоб участников уголовного процесса (ст. 125 УПК), разрешения ходатайств о проведении следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы (ст. 165 УПК), и о применении некоторых мер пресечения (ст. 108 УПК), следственный судья должен будет рассматривать также ходатайства сторон о проведении судейских следственных действий и проводить такие действия. Предварительное слушание по делам, подсудным следственному судье, становится обязательным, а в компетенцию следственного судьи на этапе принятия решения о предании суду возвращается проверка обоснованности обвинения.

Таким образом, принципиально новым, меняющим конфигурацию досудебного производства (по части уголовных дел, поскольку предполагается, что следственный судья будет принимать участие в расследовании далеко не всех преступлений), является институт судейского следственного действия, проведение которого ведет к формированию судебного доказательства.

Означает ли это перераспределение компетенции по собиранию доказательств между следователем и следственным судьей? Если в действительности авторы концепции имеют в виду передачу следственному судье полномочий по проведению всех следственных действий или, как минимум, тех, которые могут быть произведены в состязательной судебной процедуре, то не значит ли это ликвидацию предварительного следствия в существующем виде и превращение его в некое подобие прокурорского дознания, которое по делам, отнесенным к компетенции следственного судьи, должно будет вести поиск сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела в целях обнаружения и изобличения лица, совершившего преступление. Благодаря переходу к такой системе, по мнению Комиссии, «процесс должен стать полностью состязательным: судебная функция по рассмотрению и разрешению процессуальных вопросов на предварительном следствии существенно выровняет возможности сторон обвинения и защиты; гарантирует достоверность судебных доказательств, а также незамедлительную передачу дела в суд (поскольку судебные доказательства, которые сразу становятся известны обеим сторонам при состязательном судебном способе их получения, как правило, долго «ждать не могут»), соответственно, сократятся и сроки предварительного заключения под стражу; становится реальной возможностью так называемого параллельного («адвокатского») расследования, уменьшается бюрократи-

ческий документооборот в органах следствия, поскольку доказательства признаются допустимыми следственным судьей, высвобождается время для эффективного раскрытия преступлений».

В результате судебных следственных действий «предварительно собранные сторонами сведения могут быть легализованы после их проверки следственным судьей в качестве судебных доказательств, то есть таких, которые могут использоваться в судопроизводстве, в том числе самим следственным судьей при принятии им решений по делу, и допускаются в стадии судебного разбирательства. Сведения же, не прошедшие такую предварительную состязательную судебную проверку, не могут приниматься судом в качестве основы процессуальных решений по делу ни на предварительном следствии, ни в последующих стадиях, хотя могут быть представлены там сторонами для последующего состязательного исследования и признания судебными доказательствами».

О чем же речь? Одно из таких судебных следственных действий — назначение в ходе предварительного расследования судебных экспертиз, которое должно будет принадлежать к исключительной компетенции судьи. Причем в случаях обязательного проведения экспертизы она назначается следственным судьей по собственной инициативе, в иных случаях — по ходатайству сторон. Против этого, в принципе, нечего возразить — назначение экспертизы вполне укладывается в действующую систему судебного контроля за действиями и решениями органов предварительного расследования и по процедуре сопоставимо с рассмотрением ходатайства о даче разрешения на производство следственного действия, ограничивающего права и свободы личности, но в отличие от него может производиться в состязательной судебной процедуре, то есть с участием обеих сторон, если к моменту проведения такого судебного заседания лицо, совершившее преступление, установлено. Правда, при отсутствии второй стороны судебная процедура назначения экспертизы не только представляется неоправданной избыточностью, но и пустой формальностью. Никакого судебного заседания ввиду отсутствия необходимости проводиться не будет, а судебное постановление о назначении экспертизы, скорее всего, будет подготовлено следственным органом. Да и вопрос о том, как следственный судья, не имеющий в своем распоряжении всех материалов расследования, догадается о наличии оснований для назначения обязательной по закону экспертизы, пока не имеет ответа.

Как отмечает советник Конституционного Суда РФ А.В. Смирнов, зачисление судебной экспертизы «в разряд исключительных судебных следственных действий объясняется высоким значением в доказывании заключений экспертов и вытекающей отсюда необходимостью обеспечить соблюдение прав стороны защиты, в первую очередь процессуального равенства, при использовании в доказывании специальных познаний» [3]. Нарушения прав стороны защиты при назначении и проведении экспертиз действительно распространены столь же широко, сколько и отсутствие реакции на эти нарушения со стороны судей. Не уведомленный о назначении экспертизы, подозреваемый, обвиняемый лишен права реализовать весь комплекс прав, которые ему формально предоставлены законом, поэтому, в отличие от следователя, он фактически лишен малейшей возможности оказать хоть какое-то влияние на формирование выводов эксперта. Попытка законодателя уравнивать возможности сторон по использованию в доказывании специальных знаний путем включения в перечень допустимых доказательств заключения специалиста оказалась в целом малоэффективной.

При принятии предложений Комиссии, сторона защиты получает легальную возможность заявить ходатайство о назначении экспертизы, отказать в котором следственный судья по общему правилу не может, или поставить на разрешение эксперта

интересующие его вопросы, если экспертиза назначается судьей по ходатайству другой стороны. Надо полагать, и с заключением эксперта сторона защиты получит возможность знакомиться не при окончании предварительного расследования, как обычно практикуется, а непосредственно по получению его судьей, что обеспечит возможность своевременного рассмотрения ходатайства о назначении повторной или дополнительной экспертизы или о допросе эксперта. Однако неужели же нет возможности заставить следователей выполнять требования закона об обеспечении прав стороны защиты при назначении экспертизы? И где гарантия, что судьи будут в этой части закон исполнять, если сегодня они массово игнорируют подобные нарушения.

Так что ради назначения экспертизы затевать реформу, наверное, не стоит. Производство экспертизы и заключение эксперта в общем и целом находится вне сферы влияния субъекта, который ее назначил, и в дополнительном судебном контроле, по нашему мнению, не нуждается.

Другое следственное действие, которое может быть проведено в судебном заседании, это допрос, с помощью которого депонируется доказательство и обеспечивается возможность его последующего использования путем оглашения протокола судебного заседания без повторного вызова лица, допрошенного следственным судьей. Эта идея на первый взгляд действительно выравнивает доказательственные возможности сторон — обвиняемый и защитник уже в ходе досудебного производства получают возможность допросить свидетеля обвинения. Однако и это право не безусловно, с одной стороны — обвинитель может не раскрывать доказательства до окончания расследования, а судебский допрос не является единственной гарантией этого права, с другой — закон и сегодня предоставляет защитнику право участвовать в следственных действиях, о которых он или его подзащитный ходатайствует.

Говоря о показаниях физических лиц, мы имеем серьезную проблему, которая, однако же, решается и без следственного судьи путем простого запрета на оглашение и использование показаний, полученных в ходе досудебного производства. Понятно же, что путем оглашения следственных протоколов допроса преследуется цель дезавуировать показания, данные в суде, и если не заставить обвиняемого или свидетеля вернуться к ранее данным показаниям, то получить возможность опровергнуть показания, данные в суде, на том основании, что они противоречат ранее данным, да еще и подписанным им, показаниям. Понятно и то, что следственный допрос в отличие от судебного не гарантирует допрашиваемому свободу волеизъявления, да и просто не обеспечивает подозреваемому, обвиняемому права на молчание. Запретить до суда разного рода допросы и опросы невозможно (и проект закона о следственных судьях этого не предполагает), но почему бы полностью не отказаться от оглашения этих протоколов в пользу живого непосредственного восприятия слов допрашиваемого? Разве для этого нужен следственный судья? Да и как не сказать, что оглашение протокола судебного допроса тоже противоречит требованию непосредственности, ведь восприятие доказательства одним судьей не исключает требования непосредственности восприятия другим, тем, кто на основе своего восприятия выносит приговор.

Что здесь можно взять на вооружение, это идея депонирования судебных доказательств при наличии угрозы невозможности обеспечить допрос свидетеля в дальнейшем. Но ведь и сегодня нет непреодолимых препятствий к тому, чтобы обеспечить стороне защиты возможность допросить любого свидетеля, хотя бы путем проведения очной ставки. С точки зрения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), этого достаточно для того, чтобы признать доказательства полученными в справедливой процедуре.

Ограниченность возможностей судьи по проведению следственных действий означает, что судебские следственные действия не станут ни единственным, ни основным

способом формирования судебных доказательств. Следовательно, вместо доказательств, сформированных следственным судьей, мы получим все те же следственные доказательства, судьей легализованные, то есть проверенные им в предварительном судебном заседании. Что изменится от того, что представленные следователем доказательства получат статус судебных еще до начала судебного разбирательства? Разве сегодня рассматривающий уголовное дело судья не обязан проверить все представленные сторонами доказательства, которые, строго говоря, представляют собой не что иное, как сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела? Если он эту работу выполняет хорошо и добросовестно, то есть объективно, зачем тогда нужен следственный судья? А если плохо, то кто сказал, что ситуация изменится только от того, что тот же судья (а проект предполагает формирование корпуса следственных судей из действующих судей судов субъектов федерации) станет следственным?

Основная идея судебных следственных действий, как можно видеть, сведется к тому, чтобы придать следственным доказательствам статус судебных. Что ж тут нового? Мы сегодня имеем именно это. Собранные органами предварительного расследования сведения об обстоятельствах совершенного преступления, согласно действующему закону, обретают статус судебных доказательств как основания принятия судом решения, лишь после проверки их в судебном разбирательстве (согласно ч. 3 ст. 240 УПК РФ, приговор может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании), даже если таковая во многом носит чисто формальный характер (как, например, оглашение документов). Как писала И.Б. Михайловская, в ходе судебной проверки происходит как бы надстройка процессуальной формы доказательств, представленных сторонами, что «придает им более высокий юридический статус, *наделяет способностью служить основанием обвинительного приговора*» (курсив мой. — В. Л.).

Гипотетическая модель досудебного производства, на взгляд А.В. Смирнова, могла бы состоять из двух «последовательных этапов, во-первых, дознание, состоящее из т. н. полицейских и прокурорских действий в порядке расследования, и, во-вторых, судебное предварительное следствие, ведущееся особым следственным судьей, не участвующим в рассмотрении дел по существу. Предварительное следствие начинается с акта возбуждения уголовного преследования и включает судебские следственные действия и предварительные слушания» [4, с. 120]. То есть следователей в нынешнем виде не остается, они, судя по всему, преобразуются в дознавателей, а дознание «вновь должно стать, как правило, неформализованной деятельностью, осуществляемой полицией под руководством прокурора, начинаемой без принятия формального решения о возбуждении уголовного дела и напоминающей нынешнюю доследственную проверку» [5]. Правда, в необходимых случаях и «в неотложных ситуациях, когда речь идет об очевидных тяжких и особо тяжких преступлениях, полиции необходимо оставить возможность проводить (если это требуется по закону, то с разрешения судьи) и принудительные действия в порядке расследования (осмотры, обыски, выемки, освидетельствования, опознания, эксперименты) с составлением соответствующих протоколов и последующим срочным (до 10 суток) представлением их результатов прокурору в числе других материалов для обоснования возбуждения уголовного преследования подозреваемого лица. Тем не менее собранные в результате всех этих действий сведения не могут считаться судебными доказательствами до того момента, пока они не были исследованы и признаны допустимыми судом» [5].

Если так, становится понятно, каким образом формирование института следственного судьи способно устранить избыточную формализацию предварительного расследования, его письменную-протокольную процессуальную форму, которая уместна для судебных заседаний, но инородна для предварительного расследования, ибо она ли-

шает его гибкости и быстроты, непомерно удлиняет сроки расследования, а также время содержания обвиняемых под стражей [6]. Однако способны ли четыре следственных судьи на субъект федерации, а всего 336 следственных судей на страну² решить столь масштабную задачу? В каком виде будет вестись расследование по подавляющему большинству уголовных дел, не отнесенных к компетенции следственного судьи, то есть районной подсудности, и каким образом по ним предполагается осуществлять судебный контроль за соблюдением конституционных прав и свобод личности? Неужели все теми же четырьмя следственными судьями суда субъекта федерации?

Вопросов пока больше, чем ответов, но, может быть, это нормально на данном этапе проектирования реформы? А может быть, реформаторы, учтя все сомнения, возражения и критические замечания, сделают проект менее противоречивым или более умеренным? Может быть, можно на первых порах ограничиться совершенствованием уже существующих форм судебного контроля, сделав их более эффективными? В любом случае, торопиться не следует, а то неизвестно, кто выиграет в споре между пессимистом, который считает, что хуже быть уже может, и оптимистом, утверждающим, что может.

Библиографический список

1. Выступление Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина. // Российская юстиция. 2013. № 2. С. 5–9.
2. Головки Л.В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 9–15.
3. Смирнов А.В. Возрождение института Следственных судей в российском уголовном процессе // РАПСИ. 2015. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html.
4. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию. М.: ТУК «Велби»; Изд-во «Проспект», 2006. 192 с.
5. Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html.
6. URL: [http://law.sfu-kras.ru/data/method/e-librarykup/Raznoe/prilozhenye %20%E2%84%967-294_15.pdf](http://law.sfu-kras.ru/data/method/e-librarykup/Raznoe/prilozhenye%20%E2%84%967-294_15.pdf).

References

1. Public speaking by the President of the Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zorkin. *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian justice], 2013, no. 2, pp. 5–9 [in Russian].
2. Golovko L.V. Archetypes of pre-trial proceedings, possible prospects of development of domestic preliminary investigation. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal proceedings], no. 2, 2014, pp. 9–15 [in Russian].
3. Smirnov A.V. The revival of an Institute of Investigative judges in the Russian criminal trial. *RAPSI.2015*. Retrieved from: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html [in Russian].
4. Mikhailovskaya I.B. Handbook of the judge on the proof. M., TUK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2006, 192 p. [in Russian].
5. Smirnov A.V. Russian criminal trial: we need a new model. Retrieved from: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html [in Russian].
6. URL: [http://law.sfu-kras.ru/data/method/e-librarykup/Raznoe/prilozhenye% 20% E2% 84% 967-294_15.pdf](http://law.sfu-kras.ru/data/method/e-librarykup/Raznoe/prilozhenye%20%E2%84%967-294_15.pdf) [in Russian]

---

² Эти цифры были озвучены А.В. Смирновым 10 марта сего года на круглом столе, организованном в комитете гражданских инициатив Алексея Кудрина.

**QUESTIONS OF THE PROOF IN THE LIGHT OF THE IDEA
OF FORMATION IN THE RUSSIAN FEDERATION OF AN INSTITUTE
OF AN INVESTIGATIVE JUDGE**

In the article debatable problems of the proof in connection with an initiative of reforming of preliminary investigation and creation of an institute of an investigative judge are analyzed. Possible influence of this process on the status of participants of the criminal trial, ensuring competitiveness and equality of the parties, increase of independence of the judicial authority and an efficiency of justice is considered.

Key words: proof, collecting, check and assessment of the proofs, preliminary investigation and inquiry, investigative judge, investigator, spontaneity of research of the proofs, competitiveness, equality of the parties, justice of judicial proceedings.

---

* *Lazareva Valentina Alexandrovna* (valazareva@mail.ru), Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara State University, 16 Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ В РОССИИ

В статье проведен анализ соотношения понятий судопроизводство и правосудие; выделены этапы становления и развития системы российского уголовного судопроизводства; освещен советский этап развития уголовного судопроизводства и становление современной системы уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: правосудие; уголовное судопроизводство; этапы развития уголовного судопроизводства в России.

В современном русском юридическом языке слова судопроизводство и правосудие рассматриваются в качестве синонимов. Считаю такой подход, особенно в области уголовного процессуального права, неверным.

Во-первых, судебное производство, представляющее собой специализированный механизм разрешения юридических конфликтов, установления степени виновности правонарушителей и определения вида и меры ответственности/наказания за совершенное правонарушение, приобрело четкие формальные очертания в России только с появлением профессиональной юстиции. Становление системы юридического образования и науки начинается в российском государстве в XVIII в. с появлением первых отечественных университетов. Именно с этого периода, и никак не ранее, можно говорить о российском судопроизводстве как о системе профессиональной юридической деятельности. Вплоть до XVIII (а точнее, до XIX в.) отечественное судопроизводство относилось не к юридической, а к управленческой деятельности и осуществлялось лицами, наделенными административно-властными полномочиями (князьями, боярами, императорами, губернаторами и т. п.), не имевшими правового образования и вершившими суд не по праву, а по собственной воле и собственному представлению о справедливости.

Во-вторых, применительно к системе уголовного судопроизводства более точным будет название «система уголовного законосудия». И УК и УПК Российской Федерации, оперируют исключительно терминами «закон» и «законодательство». В частности, статья 1 УК «Уголовное законодательство Российской Федерации» гласит: «Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий кодекс». То же самое, по сути, положение содержится в ст. 1 УПК «Законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства», в которой говорится: «Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом».

Российский судья судит не по праву в теоретико-философском его понимании (допускающем существование противоправных законов и, как следствие, правомер-

---

* © Ромашов Р.А., 2015

Ромашов Роман Анатольевич (nach@samlawin.ru), юридический факультет, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 192238, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Ю. Фучика, 15.

ность противозаконного поведения), а по действующему закону, являющемуся для судьи юридической истиной. Кстати, такой же юридической истиной является вступившее в законную силу судебное решение (независимо от категории судей, которые его вынесли). В данном случае считаю некорректными заявления ряда высокопоставленных чиновников (многие из которых имеют высшее юридическое образование), о том, что российские суды часто выносят ошибочные решения. Безусловно, судьи, являющиеся живыми людьми, ошибаться могут и ошибки, в том числе в своей профессиональной деятельности, совершают, но суд как государственный орган (так же, как и государство в целом) представляет собой механизм, в определенной степени абстрагированный от личностных взглядов, устремлений и переживаний участников судебного процесса (судей, прокуроров, адвокатов). Судебная ошибка конкретного судьи, будучи совершенной, может и должна устраняться на последующих стадиях судебного процесса (апелляционной и кассационной). Если этого не происходит, то говорить следует не об индивидуальной некомпетентности отдельно взятого судьи, а о несовершенстве судебной системы государства в целом.

В-третьих, судопроизводство представляет собой процессуальный институт, действующий на всех этапах общественного развития, в том числе и в так называемые переходные периоды, когда прежняя правовая система уже не действует, а новая еще не создана. В этих случаях в качестве судебных инстанций выступают чрезвычайные органы (трибуналы, комиссии, совещания и др.), принимающие решения не на правовой/законодательной основе, а руководствуясь, к примеру, «революционной целесообразностью». В таких ситуациях судопроизводство представляет собой не правовой институт, а инструмент административного волюнтаризма, акцентированного исключительно на карательное воздействие.

Вывод: понятия «судопроизводство» и «правосудие» соотносятся как целое и часть. *Правосудие — одна из форм судопроизводства, возникающая на определенной стадии его развития, характеризующаяся наличием профессиональных кадров (имеющих юридическое образование судей) и структурированной законодательной системы, регламентирующей судебную деятельность, а также имеющая действенную систему «противовесов», предотвращающих вредоносные последствия возможных судебных ошибок и других злоупотреблений.*

Говорить о существовании специализированной системы уголовного судопроизводства (уголовного законосудия) применительно к древней и средневековой Руси не имеет смысла. Суд в этот период являлся прерогативой лиц, наделенных властными полномочиями, и принципиальным образом не отличался от других видов административно-управленческой деятельности. «Не только в княжеский, но и в царский период нашей истории государи участвовали непосредственно и лично в отправлении правосудия» [1, с. 250].

Функциональное обособление судебной деятельности от управленческой началось при Петре I и завершилось в период царствования Александра II. В ходе проводимой им судебной реформы в Российской империи не только была создана формализованная и четко структурированная судебная система, объединявшая разноуровневые органы судопроизводства (Мировые суды, Съезды мировых судей, Окружные суды, Судебные палаты, Правительствующий Сенат), но и законодательно определен ее статус как самостоятельной, внесловной «судебной власти» [2, с. 20–21]. По мнению М.В. Немытиной: «Суд, введенный в России уставами 1864 г., представлял собой феномен демократического суда в условиях абсолютистского государства» [3, с. 6] Считаю, что именно этим обстоятельством, а не пресловутыми контрреформами было обусловлено торможение реформационных изменений и практическое сведение их «на нет» в начале XX в., когда и общество, и власть предпочли правовым сред-

ствам диалога инструменты конфликта, в итоге приведшие Великую империю к революции и разрушению. В связи со сказанным, еще раз процитирую М.В. Немытину, с которой солидарен в том, что «Положение, сложившееся в российском судебном ведомстве в связи с принятием уставов 1864 г., ассоциируется с состоянием судебной власти в стране сегодня. И эти параллели далеко не в пользу современного процесса реформирования – в нашем отечестве не принято извлекать уроки из прошлого, чтобы избежать ошибок в настоящем, горьких разочарований и непоправимых последствий в будущем» [3, с. 5–6].

Система советского, равно как современного российского судопроизводства, характеризуется, прежде всего, очень малым (с точки зрения исторической хронологии) временным промежутком стабильного существования. Применительно к советскому судопроизводству, если исключить революционный и репрессивно-военный периоды, когда говорить о правовой природе судебных решений можно только в том случае, если отождествлять понятия «право», «революционная законность», «социалистическая законность», получается период около 40 лет (начиная с 1953 г.). Если рассматривать специфику советского суда, то следует акцентировать внимание на следующих аспектах:

- советский народный суд являлся государственным учреждением, существовавшим и действовавшим в четком соответствии с государственной политикой, основанной на коммунистической идеологии;

- концептуальной основой судебной деятельности являлась концепция «социалистической законности», предполагавшая дифференциацию истинной (социалистической) и ложной (буржуазной) законности. Тем самым на законодательном уровне устанавливалась система «двойных стандартов» в судебной деятельности;

- законодательной основой уголовного судопроизводства являлась система нормативных правовых актов, в комплексе образующих бланкетный законодательный массив. Нормы общей части уголовного законодательства содержались в федеральном законе: «*Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик*». В свою очередь, нормы особенной части закреплялись в республиканских уголовных кодексах. Таким образом, формально в СССР соблюдался принцип федерализма, в соответствии с которым общие положения уголовной политики государства определялись на общесоюзном уровне, а составы конкретных преступлений и ответственность за них закреплялись в кодифицированных законодательных актах, принимаемых на уровне субъектов советской федерации;

- государство и государственные интересы рассматривались в качестве приоритетного объекта правовой охраны и судебной защиты по сравнению с правами и законными интересами личности. Применительно к системе уголовного судопроизводства это проявлялось, к примеру, в различных по степени тяжести наказаниях за совершение преступлений против государственной и личной собственности;

- деятельность судебной системы на всех исторических этапах развития советского государства характеризовалась обвинительно-карательной направленностью.

Репрессивный характер практической судебной деятельности в первое десятилетие советской власти причудливым образом сочетался с либеральным характером уголовно-правового законодательства, закреплявшим достаточно мягкие санкции. Такая «нестыковка», объясняется, на мой взгляд, в первую очередь очень низким уровнем профессиональной юридической подготовки советских судей, выносивших приговоры не в соответствии с Законом, а руководствуясь собственным революционным правосознанием. Кроме того, не следует забывать, что первоначально советская власть рассматривала общеуголовный элемент как классово близкий, что также влияло на определение мер уголовно-правовой ответственности.

Укрепление и стабилизация современного российского государства, как правило, связывается с началом в 2000 г. «президентства» В.В. Путина и насчитывает на сегодняшний момент 15 лет относительно спокойного и последовательного политико-правового развития. Естественно, делать какие бы то ни было серьезные и основательные выводы, исходя из столь малого времени практической апробации заявленных планов переустройства Российского государства в целом и судебной системы в частности, не приходится. Однако использование метода аналогий позволяет говорить об определенных тенденциях и наметившихся закономерностях в процессах формирования и функционирования российского уголовного судопроизводства.

Провозглашение Российской Федерации демократическим правовым государством (эту характеристику избрали для себя практически все государства, получившие независимость и суверенитет в результате распада СССР) актуализировало дискуссию по поводу соотношения понятий «право» и «закон», а также формах, средствах и методах правового ограничения государства. На смену концепции социалистической законности пришла «законность правовая/правозаконность». Много говорилось о правовой сущности законодательной и законоприменительной (и в том числе судебной) деятельности. Провозглашалось верховенство «новой» Конституции «новой» России во всех сферах правовой и политической жизни. В стране и ряде ее субъектов (преимущественно национальных республиках) были созданы «конституционные храмы» — конституционные суды, служители которых заявляли о своем прерогативном праве общаться не только с текстом, но и с «духом» Конституции. Появились работы «Наш трудный путь к праву», «Восхождение к праву» и др., исходя из названия которых, можно было сделать вывод, что в СССР права не было, а сегодняшняя Россия находится в состоянии движения к «его сияющим вершинам», с достижением которых, надо полагать, и связывалось обретение «обетованной» правовой государственности. Лично мне это чем-то напоминает движение страны моей юности, стремившейся к столь же прекрасным и ничуть не менее символическим вершинам коммунизма. «Пики коммунизма» остались непокоренными, равно как и другие идеальные цели, задающие направление общественного развития. Демократическое правовое государство, правовая законность и правосудие стали общеупотребимыми терминами, не вызывающими сколько-нибудь ярко выраженных реакций. Что же касается конкретных изменений, происшедших в структуре и содержании системы уголовного судопроизводства, то они сводятся к следующим новациям.

Прежде всего был кардинальным образом изменен принцип формирования системы уголовного законодательства. Если в СССР уголовное законодательство представляло собой комплексное образование, объединявшее федеральный закон (Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик, содержавшие нормы общей части) и законы субъектов (республиканские уголовные кодексы, содержавшие нормы особенной части), то в Российской Федерации начиная с 1997 г. действует единый общедоказательный Уголовный кодекс, в структуре которого объединены общая и особенная часть, нормы которой распространяют свое действие на все субъекты Российской Федерации и могут изменяться только в порядке, предусмотренном для изменения федеральных законов.

В структуру органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, были включены мировые судьи и суды присяжных.

В уголовный процесс были включены новые стадии (особый порядок судебного разбирательства, в т. ч. при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, производство в суде апелляционной инстанции и др.), обусловленные стремлением законодателя усилить эффективность уголовного судопроизводства.

Был продекларирован переход уголовного судопроизводства от обвинительной модели к состязательной.

Признавая значимость проведенных преобразований в области уголовного судопроизводства России, вместе с тем, к сожалению, приходится констатировать, что перейти от советской системы уголовного судопроизводства к демократической системе уголовного правосудия пока не удалось.

Уголовный суд России продолжает оставаться обвинительным, о чем, прежде всего, свидетельствует тот факт, что абсолютное большинство приговоров, выносимых судами по уголовным делам, являются обвинительными. Действующий УПК, к стороне обвинения относит и должностных лиц, осуществляющих дознание, и следствие по уголовным делам, что автоматически причисляет их к лицам, непосредственно заинтересованным именно в обвинительной интерпретации фактов и обстоятельств по рассматриваемому делу.

Включение в структуру уголовных судов мировых судей имело своей основной задачей увеличение штата судебных работников и своего рода «разгрузку» федеральных судей. Современный мировой судья, в отличие от своего «аналога» в Императорской России, не является частью «мира общины», в которой он разрешает возникающие конфликты и не руководствуется в своей процессуальной деятельности принципом приоритета мирового соглашения сторон по отношению к пресловутой «объективной истине».

Решения, выносимые судами присяжных, подвергаются повсеместной критике как ошибочные, проводится постоянная ограничительная коррекция перечня дел, отнесенных к подсудности этого органа судопроизводства.

Перечисленные факторы ни в коем случае нельзя оценивать ни как неудачу реформы в целом, ни как ошибочность ее основных ключевых положений. Россия как самостоятельное суверенное государство находится на первоначальном этапе своего становления. То же самое можно сказать об отечественной судебной системе. Путь к реальному правосудию сложен и тернист, но идти по нему необходимо, если мы хотим построить в своей стране судебную систему, способную не только карать человека, но и защищать его.

Библиографический список

1. Романович-Славотинский А. Система русского государственного права. Киев, 1911. Ч. 1. 308 с.
2. История российского правосудия: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.А. Воротынцева, А.А. Демичев, О.В. Исаенкова [и др.]; под ред. Н.А. Колоколова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. 448 с.
3. Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999.

References

1. Romanovich–Slavotinski A. System of Russian state law. Kiev, 1911, Part 1, 308 p. [in Russian].
2. A.A. Vorotyntseva, A.A. Demichev, O.V. Isaenkova, N.A. Kolokolov et al. History of Russian justice: educational book for university students studying for a degree in Law. N.A. Kolokolov (Ed.). M., IuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2009, 448 p. [in Russian].
3. Nemytina M.V. Court in Russia: second half of the XIX – beginning of the XX Century. Saratov, SJuI MVD RF, 1999 [in Russian].

R.A. Romashov*

CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINAL JUSTICE IN RUSSIA

In the article the analysis of the relationship between the concepts of procedure and justice is carried out; stages of formation and development of Russian system of criminal justice are identified; Soviet stage of development of criminal justice and formation of modern system of criminal justice is lit.

Key words: justice; criminal justice; stages of development of criminal proceedings in Russia.

---

* *Romashov Roman Anatolievich* (nach@samlawin.ru), Law Faculty, Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, 15, Fuchika Street, Saint–Petersburg, 192238, Russian Federation.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ДОЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена истории возникновения и развития дознания в отечественном уголовном судопроизводстве. Учитывая колебания законодателя и проблемы практики, а также постоянное сливание дознания со следствием и вновь его возрождение в первоначальном виде, делается вывод о том, что сущность дознания – это «доследственная» проверка с методами, свойственными стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: дознание, предварительное следствие, история становления и развития дознания, «доследственная» проверка, стадия возбуждения уголовного дела.

Стремление ускорить и упростить (сократить) процедуру производства по делам об очевидных и несложных с точки зрения установления фактических обстоятельств преступлениях объективно обусловлено. Историческое развитие процессуальной формы сопровождалось ее совершенствованием, а следовательно, усложнением, однако во все времена сохранялась тенденция к сохранению простых процедур скорого правосудия, максимально приближающих наказание к моменту совершения преступления, эффективных и малозатратных.

Одной из таких процедур выступает дознание, обязанное своим происхождением появлению наряду с состязательным (раннеобвинительным) розыскного (следственного) процесса по уголовным делам в конце XV – начале XVI вв., который ранее применялся только в церковных судах.

Постепенный переход от состязательного процесса к процессу розыскному сопровождался усложнением процедуры и – на более позднем этапе – возникновением тенденции к обособлению процессуальных функций. Более или менее внятно эти тенденции проявились в Екатерининскую эпоху. Либеральные идеи французских просветителей Екатерина II воплотила в Учреждении для управления губерниями Всероссийской Империи 1775 г. и Уставе полицейского благочиния 1782 г., многие положения которых, относящиеся к судостроению и судопроизводству, в 1832 году вошли в Свод законов Российской Империи и повлияли на содержание Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

Начавшееся с Екатерининских законов упорядочение судебной системы и отделение полицейской деятельности от судебной, в Своде законов выразилось официальным закреплением следствия как самостоятельного этапа (стадии) уголовного судопроизводства, задача которого состояла в исследовании обстоятельств происшествия и сбора доказательств для обнаружения и изобличения виновного.

При этом отдельно регламентировалось следствие предварительное, предназначенное для установления факта совершения преступления, сохранения следов преступле-

---

* © Ярыгина Л.А., 2015

Ярыгина Лидия Александровна (lidia.yarigina@mail.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

ния, собирания сведений о лицах, совершивших преступление, и очевидцах, и следствие формальное, проводимое в целях полного выяснения обстоятельств преступления и вины обвиняемого. Впоследствии эти формы были преобразованы в дознание и предварительное следствие, но до Устава уголовного судопроизводства 1864 г. еще не было четкого их разграничения. Предварительное и формальное следствие находилось в руках полиции, которая производила все следствие от начала до конца, «поэтому даже эти два периода следствия сливались» [1, с. 100].

Предварительное следствие иногда именовали дознанием, однако, исходя из закона и практики, это были различные понятия. Предварительное следствие трактовалось шире: оно не ограничивалось удостоверением факта совершения преступления, включало в себя такие следственные действия, которые «хотя и не были вполне оформлены, но по важности своей не могли быть отнесены к дознанию» [1, с. 103] — обыски, выемки; полиция могла производить арест. Предварительное следствие выступало чем-то средним между дознанием и следствием, «не удовлетворяя назначению ни того, ни другого» [1, с. 103]. Необходимость реформирования досудебного производства в середине XIX века в значительной степени была продиктована отсутствием четкой границы между следствием предварительным и следствием формальным, производимыми одними и теми же полицейскими чинами, которые, надо полагать, — и тому есть свидетельства современников — в своей работе отдавали предпочтение неформальным методам предварительного следствия. Для реформирования досудебного производства требовалось разделить две его составляющие между полицией и создаваемым для этой цели новым институтом — судебными следователями. Предполагалось, что на органы полиции будут возложены задачи по установлению факта совершения преступления, розыск улик и лиц, совершивших преступление, то есть дознание, тогда как в задачу судебных следователей должно было входить собирание доказательств на основе сведений, представленных полицией. Соответственно задачам предполагались и методы ведения дознания и следствия. В отличие от предварительного следствия, дознание представляло собой деятельность малоформализованную и — не нами подмечено — «весьма напоминающую современную «доследственную проверку» (стадию возбуждения уголовного дела)» [2, с. 59].

Однако полного разделения следствия и дознания ни тогда, ни позднее не произошло. Дознание, которое по замыслу авторов судебной реформы, должно было предшествовать предварительному следствию, как прежде предварительное следствие предшествовало следствию формальному, в самостоятельный этап досудебного производства не обособилось, а функции органов дознания не были разграничены с функциями судебных следователей, что, по мнению исследователей судебной реформы, есть «основная болезнь предварительного следствия, в том числе современного» [2, с. 85].

В значительной степени это обусловлено отсутствием единого взгляда на задачи дознания у разработчиков Устава, а также в силу объективных факторов: недостаток квалифицированных и прогрессивно настроенных специалистов, значительные территории нашей страны, отсутствие быстрых и доступных средств сообщения, примитивные средства передвижения. Анализ исторических фактов свидетельствует о том, что нормы Устава, закрепляющие право полиции производить следственные действия в случаях, не терпящих отлагательства (ст. 258 УУС), применялись на практике не так уж и редко. Все это не способствовало появлению четких границ между досудебным дознанием и судебным следствием.

Октябрьская революция 1917 г. ликвидировала старый порядок уголовного судопроизводства и всю прежнюю правоохранительную систему. На протяжении пяти лет (с 1917 по 1922 гг.) велись поиски новых форм судопроизводства с опорой на

«революционное творчество масс». Дознание как первоначальный этап реагирования на преступление с упразднением судебных следователей все больше начинает походить на существовавшее в дореформенный период предварительное следствие, допускающее производство следственных действий – «обысков, осмотров, выемок... для пресечения сокрытия следов преступления» (п. 8 ст. 28 Инструкции НКВД и НКЮ 1918 г. «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции» [3, с. 813]). Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе того периода практически перестало разграничиваться. Осознание всей порочности данного положения вещей привело законодателя к мысли об обособлении дознания от следствия путем выделения в самостоятельную форму предварительного расследования с процессуальными процедурами, которые традиционно были установлены для предварительного следствия. Эта идея нашла свое выражение в первых советских Уголовно-процессуальных кодексах РСФСР 1922 и 1923 гг., развившаяся в УПК РСФСР 1960 г. и господствовавшая до принятия Концепции судебной реформы в Российской Федерации, обозначившей новый перелом в теоретическом воззрении на дознание. Дознание проводилось по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, путем следственных и иных процессуальных действий с соблюдением всех формальностей, предусмотренных для предварительного следствия. В этот же период истории формируется как самостоятельная стадия процесса – возбуждение уголовного дела, – окончательно оформившаяся в УПК РСФСР 1960 г., представляющий собой «доследственную» проверку факта совершения преступления. Наличие в УПК РСФСР сложной конструкции расследования малозначительных преступлений – дознания в общепринятом на тот момент значении этого слова – закономерно породило протокольную форму досудебной подготовки материалов дела, осуществляемую в стадии возбуждения уголовного дела путем закрепления в едином протоколе установленных обстоятельств совершенного преступления и личности правонарушителя с формулировкой обвинения в течение десяти дней с последующей передачей дела в суд. Так как уголовное дело возбуждалось по итогам проведенной проверки, следственные действия (за исключением осмотра места происшествия) не проводились.

Начавшиеся в начале 90-х годов преобразования в общественной жизни и коренное изменение общественного сознания в Концепции судебной реформы, ориентирующейся на либеральные положения судебной реформы 1860–1864 гг., до сих пор вызывающей ностальгические настроения в среде процессуалистов, выразились в пересмотре взгляда на дознание. По мнению разработчиков Концепции, дознание как самостоятельная форма расследования уголовных дел исчерпало себя, поскольку не обеспечивало полноты, всесторонности и объективности при исследовании обстоятельств уголовного дела, надлежавшей защиты прав и законных интересов участников процесса, и ее следует упразднить. Авторы концепции указывали, что «демократической направленности предполагаемых преобразований не соответствует сохранение административной по своей природе доследственной проверки заявлений и сообщений о преступлении до возбуждения уголовного дела», и предлагали закрепить возбуждение уголовного дела по любому сообщению о преступлении, если не очевидна его ложность. Однако разработчики нового УПК РФ 2001 г. не восприняли идею ликвидации дознания как самостоятельного вида расследования, тем не менее, осознавая необходимость оптимизации процедур досудебного производства, попытались ее упростить. Первоначально дознание как форма предварительного расследования в значительной степени отличалось от следствия сокращенным сроком (15 суток с возможностью продления до 10 суток) и производством по делам, возбужденным только в отношении конкретных лиц. Почти сразу такое реформирование повлекло за собой нарекания со стороны практических работников, в связи с чем были внесены измене-

ния в УПК РФ в 2007 г., повлекшие за собой исчезновение принципиальных отличий между дознанием и предварительным следствием.

Законодатель в очередной раз попытался развести данные процедуры, в результате чего в 2013 г. в УПК РФ была включена новая форма предварительного расследования — сокращенное дознание. Черпая идеи упрощения из советской протокольной формы, разработчики сокращенной модели дознания, как и прежде, акцент сделали на переносе доказывания в стадию проверки сообщения о преступлении с использованием в качестве обоснования виновности лица непроцессуальных материалов данной проверки. Согласно УПК РФ, дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, непроведение которых может повлечь невозможную утрату следов преступления или иных доказательств, и, если такая необходимость отсутствует, дознание можно не проводить. Отказ от следственных действий при производстве дознания в сокращенной форме обусловлен, как и по делам, по которым досудебное производство осуществлялось в протокольной форме, усеченным предметом доказывания с сокращенным перечнем обстоятельств, подлежащих доказыванию. Обе процедуры рассчитаны на преступления, не представляющие большой общественной опасности — небольшой и средней тяжести. Законодатель, вводя главу 32.1 УПК РФ, не придумал, по большому счету, ничего нового, возвратившись к историческому прототипу дознания в сокращенной форме — досудебной подготовке материалов уголовного дела в протокольной форме.

Вся история становления и развития дознания как способа реагирования на преступление состоит из «маятниковых» колебаний законодателя. Они раскачивались от стремления развести дознание и предварительное следствие путем обращения к сути дознания — упрощенной досудебной процедуры — и его возрождения «под разными соусами» и под другими названиями в отечественное законодательство либо попытки придать ей статус самостоятельной формы предварительного расследования до практического стирания границ между дознанием и предварительным следствием, от стремления максимально упростить процедуру расследования по очевидным преступлениям до требования соблюдать формальности, предусмотренные для предварительного следствия, по всем категориям уголовных дел, от попытки установить порядок на практике для ухода от произвола до стремления практических работников подстроить уголовно-процессуальные нормы под реалии жизни.

Изменчивое состояние норм, регулирующих досудебные процедуры расследования, связано с множеством причин:

1. В значительной степени это обусловлено отсутствием единого взгляда на задачи дознания у разработчиков Устава уголовного судопроизводства 1864 г., сохраняющимся до настоящего времени. В конечном итоге мы и сегодня не имеем ясного понимания места дознания в структуре уголовно-процессуальной деятельности. Органы дознания сегодня не только производят первоначальные следственные действия по делам, отнесенным к компетенции следователей, и выполняют поручения следователей о производстве следственных и розыскных действий, но и производят самостоятельное предварительное расследование по делам небольшой и средней тяжести. Кроме того, органы дознания проводят предварительную «доследственную» проверку по сообщению о преступлении и оперативно-розыскные мероприятия.

2. Повсеместная практика производства неотложных следственных действий полицией в отсутствие следователя и прокурора во времена действия Устава переключалась в советский период, когда органы дознания стали осуществлять данные действия в условиях неотложности до возбуждения уголовного дела, и в настоящее время ст. 144 УПК РФ содержит внушительный перечень следственных действий, допускаемых в стадии проверки сообщения о преступлении. Сложившаяся тенденция связана с по-

всемерным и постоянным отсутствием на месте из-за огромных территорий или перегрузкой в работе следователей, стремлением на ранних этапах расследования определить судьбу уголовного дела, объединением в одних органах функций дознания и предварительного следствия и т. д., что послужило фактическому размыванию границ всего досудебного производства и сближению двух форм предварительного расследования.

3. Комиссия по разработке положений реформы 1860–1864 гг. уже тогда не смогла четко обозначить границы дознания и предварительного следствия – «деятельности полиции давались более широкие рамки, чем предусмотрены ей в дознании» [3, с. 124]. Это объяснялось привычкой к прежнему порядку судопроизводства и судопроизводства, которая не позволила полностью отделить функции полиции от судебной власти. Допуская такую существенную ошибку у истоков появления дознания и предварительного следствия, последующее развитие данных процедур не смогло ее исправить.

Постоянные колебания законодателя и проблемы практики наглядно показывают, что на протяжении всей истории становления и развития отечественного судопроизводства и судопроизводства имеет место «системный сбой», как видится, вызванный неверным определением роли и места дознания в уголовном производстве. Исторически было задумано, что суть дознания – «доследственная» проверка материалов уголовного дела со свойственными ей неформальными методами стадии возбуждения уголовного дела – «успех дознания обеспечивается всего более возможностью производить его быстро и безостановочно, поэтому установление разных формальных требований в этой стадии было бы не только бесполезно, но даже вредно для интересов уголовного правосудия» [4, с. 385]. Руководствуясь положением, что «форма... должна соответствовать существу производства» [1, с. 279], результаты дознания выглядели в виде устного сообщения или протокола, «в котором помещаются вместе все показания опрошенных лиц, а также все сведения, добытые наглядным наблюдением чиновника полиции или другого должностного лица [1, с. 280].

Дознание не может рассматриваться как форма предварительного расследования со сложной процедурой закрепления собранных доказательств. Отсюда и естественное стремление к появлению упрощенных досудебных процедур – по сути, дознания – в отечественном уголовном судопроизводстве. Как и задумывалось, и никуда от этого не уйдешь, процесс расследования малозначительных преступлений должен выглядеть как проверка поступивших сообщений о преступлении с фиксацией собранных материалов в одном протоколе с последующей его передачей непосредственно в суд, в остальных случаях по результатам проверки собранные сведения подлежат передаче следователю. Данная модель предварительного расследования будет способствовать повышению эффективности уголовного судопроизводства, цели и задачи которого станут достигаться оптимальными способами. Подводя итог, отметим, что существующее в действующем законодательстве дознание в общем порядке – это не дознание в его истинном значении, а результат неверно выстроенной концепции развития отечественного досудебного производства.

Библиографический список

1. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года. Ч. 2. СПб., 1867. 375 с.
2. Великая реформа: К 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. Т. 2: Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. М.: Юстицинформ, 2014. 340 с.
3. Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 75. 813 с.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. 606 с.

References

1. Kvachevskiy A. About criminal prosecution, inquiry and preliminary research of crimes under Judicial charters of 1864. Part 2. SPb, 1867, 375 p. [in Russian].
2. The Great Reform: On the 150th anniversary of judicial statutes: in 2 Volumes. Volume 2: Regulations of Criminal Proceedings. L.V. Golovko (Ed.). M., Iustitsinform, 2014, 340 p. [in Russian].
3. Corpora of legalizations of RSFSR, 1918, no. 75, 813 p. [in Russian].
4. Foinitskii I.Ya. Course of criminal proceedings. SPb., Al'fa, 1996, Vol. 2, 606 p. [in Russian].

L.A. Yarigina*

HISTORICAL ANALYSIS OF PROGRESS OF INQUIRY IN DOMESTIC CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the history of occurrence and progress of inquiry in domestic criminal legal proceedings. Considering fluctuations of the legislator and problems of practice, as well as constant draining of inquiry with investigation and again its revival in a primeval type, it is concluded that the essence of inquiry is «pre–investigation» check by the methods which are peculiar to the stage of initiation of a criminal case.

Key words: inquiry, preliminary investigation, history of establishment and progress of inquiry, «pre–investigation» check, stage of initiation of a criminal case.

---

* *Yarigina Lidia Alexandrovna* (lidia.yarigina@mail.ru), Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

УДК 347

А.В. Кирсанова*

ПОНЯТИЯ «ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ», «ПРАВОСПОСОБНОСТЬ», «ДЕЕСПОСОБНОСТЬ» ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Статья содержит анализ понятий «правосубъектность», «правоспособность» в отношении юридических и физических лиц. Сравнивается дееспособность юридических и физических лиц, рассматриваются примеры ограничения дееспособности юридических лиц. Особое внимание уделяется вопросу соотношения дееспособности и правоспособности юридических лиц.

Ключевые слова: юридическое лицо, правоспособность, правосубъектность, дееспособность.

Гражданско-правовая правоспособность – категория, характеризующая субъекта правовых отношений, наличие у него определенного правового статуса, позволяющего участвовать в гражданском обороте.

Иметь гражданские права и нести гражданские обязанности способны физические, юридические лица (а равно публичные образования), однако правоспособность юридических лиц отличается от правоспособности физических лиц.

К примеру, согласно положению пункта 2 статьи 17 ГК РФ, правоспособность любого человека и гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью. Правоспособность физического лица – это априорное «свойство» физического лица. Сам гражданин не может ограничить свою правоспособность, изначально его правоспособность полная. Ограничение гражданских прав возможно только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (п. 3 ст. 55 Конституции РФ, абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ). В предусмотренных законом случаях и только по решению суда гражданин в ряде своих прав может быть ограничен. К таким ограничениям относятся меры уголовного наказания.

---

* © Кирсанова А.В., 2015

Кирсанова Анастасия Валериевна (kiranastasy@gmail.com), кафедра гражданского и предпринимательского права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

В отношении же юридических лиц на законодательном уровне установлена изначально разная правоспособность, предусмотрены ограничения. Правильное определение правоспособности юридического лица имеет принципиальное значение: правоспособность является «условием участия юридического лица в гражданских правоотношениях, в частности, условием действительности любой сделки юридического лица» [1, с. 34]. При удостоверении сделок, в которых участвуют юридические лица, обязательно проверяется их (юридических лиц) правоспособность, чего не происходит в отношении физических лиц, совершающих сделки, ввиду того, как мы выше отметили, что правоспособность (ее объем) физического лица – категория константная.

В результате постоянно возникающих в практической деятельности юридических лиц вопросов, а также изменений экономических, политических и правовых условий жизни в целом, возникновения новых организационно-правовых форм и прекращения существования прежних институтов юридического лица не стоит на месте: его изучение, в том числе изучение правоспособности юридических лиц, ее видов, не теряет актуальности в настоящее время.

Исследованию правоспособности юридических лиц посвящается большое количество работ ученых, взгляды которых зачастую не совпадают, что выражается уже на уровне используемых авторами терминов.

Современные ученые, изучая субъекты права, применяют понятия «правоспособность», «правосубъектность», «дееспособность», а также «деликтоспособность» и др.

Если говорить о правосубъектности, то, во-первых, правосубъектность – это общественно-юридическое качество лица: юридическое качество правосубъектного лица «заключается в признании за ним правосубъектности со стороны действующего законодательства» [2, с. 206]. Во-вторых, правосубъектность, а также норма права и юридический факт являются предпосылками возникновения конкретных правоотношений. В-третьих, правосубъектность устанавливает границы участия в гражданских правоотношениях. «По мнению большинства ученых, сущность правосубъектности наиболее кратко может быть охарактеризована как основанная на нормах права юридическая способность лица быть участником правоотношений» [3, с. 14].

Такая способность складывается из ряда взаимосвязанных элементов, но в науке не устоялось единое понимание структуры правосубъектности. Некоторые исследователи отождествляют ее с правоспособностью, другие считают, что в ее составе два элемента – правоспособность и дееспособность, третьи добавляют к этому еще и деликтоспособность и конкретные права и обязанности, вытекающие непосредственно из закона».

Как равноправные категории С.Н. Братусем рассматривались категории «правоспособность» и «правосубъектность»: «Правоспособность – это право быть субъектом права и обязанностей» [4, с. 6].

Но Н.М. Савельева и В.Д. Рузанова считают, что правоспособность – это структурный элемент правосубъектности, так как права могут принадлежать субъекту, который самостоятельно не может их осуществлять, в этом случае в интересах такого лица его права может осуществлять другое лицо. Таким образом, исследователями иначе понимается правоспособность и выделяется третий элемент, составляющий правосубъектность, – дееспособность. Н.М. Савельева и В.Д. Рузанова в своем исследовании говорят о дееспособности физического лица как о юридической категории, которая в отличие от правоспособности принадлежит не всем гражданам и не является для всех одинаковой. Дееспособность связана с другими категориями: возраста, психического состояния, жизненного опыта. «Именно поэтому гражданской дееспособностью лицо наделяется не с момента рождения, а по достижении лицом 18-летнего возраста (за редким исключением), поскольку, как свидетельствует наука,

лишь с достижением этого возраста человек приобретает достаточную зрелость. Это общее правило» [3, с. 30]. Под гражданской дееспособностью физического лица законодатель понимает способность лица своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (ст. 21 ГК РФ).

С.Н. Прошин, изучая институт юридического лица, понятия «правоспособность» и «правосубъектность» как взаимозаменяемые не использует. Исследователь также в составе правосубъектности юридического лица выделяет дееспособность и считает, что «невыделение такой категории, как дееспособность, не позволит полноценно раскрыть понятие и сущность юридического лица. ГК РФ определяет дееспособность гражданина как способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права и обязанности и исполнять их. Считаем, что дееспособности юридического лица можно дать такое же определение...» [8, с. 27].

О.А. Серова, с одной стороны, подчеркивает, что термин «способность» для юридического лица неприменим в силу искусственной природы юридического лица как правового образования, с другой стороны, категории «правоспособность» и «правосубъектность» в отношении юридических лиц она использует как полные синонимы: «Под правоспособностью (правосубъектностью) юридического лица понимается установленная законом и определенная учредительными документами совокупность юридических свойств организации, определяющая ее статус как участника гражданских правоотношений» [6, с. 73]. Категорию «дееспособность» исследователь вовсе не выделяет.

Вопрос существования у юридического лица дееспособности – сложный. В ГК РФ термин «правоспособность» используется как по отношению к физическому лицу, так и по отношению к юридическому лицу (ст. 17 и 49 ГК РФ), но термин «дееспособность» применяется лишь по отношению к физическому лицу (ст. 21, 22, 26 и т. д. гл. 3 ГК РФ). Категория дееспособности применима к физическому лицу, это не вызывает сомнений, данный вопрос вполне детально урегулирован, что же касается юридических лиц, то рассматриваемая проблема не находит однозначного решения.

Некоторые ученые считают, что понятие «дееспособность» можно использовать только по отношению к физическим лицам. Во-первых, так рассуждают сторонники теории фикции юридического лица, которая берет свое начало еще от папы Иннокентия IV, который первым констатировал, что корпорация – это плод человеческого воображения. Один из последователей, Фридрих Карл фон Савиньи, также рассуждал, что юридическое лицо не субъект права, так как оно является лишь вымышленным понятием, а в обороте участвует через представителей, физических лиц, которые, в свою очередь, обладают правоспособностью и дееспособностью.

Это справедливо, ведь юридическое лицо само по себе не имеет человеческих чувств: не имеет воли, мотивации, не ставит перед собой целей. Фридрих Карл фон Савиньи сравнивал юридическое лицо с ребенком или сумасшедшим. Только дееспособное физическое лицо может реализовывать цели, иметь на то мотивы, а юридическое лицо – это лишь инструмент в руках физического лица.

Однако, по мнению Е.В. Богданова, сторонники теории фикции так или иначе все же допускали наличие воли, вины самого юридического лица. Причина – влияние избранного с самого начала «ошибочного направления – антропоморфизма, которое и завело ученых в тупик» [7, с. 94].

На ранних стадиях исторического развития антропоморфизм сильно повлиял на концепцию социальной реальности, представители которой максимально «очеловечивали» юридическое лицо, однако и в наше время есть такие исследователи, например Н.В. Козлова, которая считает юридическое лицо самостоятельным субъек-

том, «истинной волеспособной и дееспособной личностью». В продолжение цитирования ее слов: «Вступая в правоотношения в качестве самостоятельного субъекта, юридическое лицо реализует свою правосубъектность, выражая собственную волю, приобретает и осуществляет вещные, корпоративные и другие права и обязанности, несет самостоятельную имущественную ответственность за собственные действия» [5, с. 4].

Е.В. Богданов по данному вопросу высказывается категорично: «Несмотря на то что, согласно ст. 48 ГК РФ, юридическое лицо может от своего имени приобретать и осуществлять права, в действительности своими собственными действиями оно ничего не в состоянии приобрести. Сопоставление ст. 48 и п. 3 ст. 53 ГК РФ позволяет сделать вывод, что для этого необходимо участие человека со своей правосубъектностью» [7, с. 94]. Именно поэтому, считает исследователь, дееспособность как правовая категория законом предусмотрена только за человеком.

С.Н. Прошин ставит под сомнение логичность таких рассуждений и считает, что сущность юридического лица невозможно раскрыть, обойдя категорию «дееспособность». Дееспособность и правоспособность юридического лица понимаются С.Н. Прошиным как взаимозависимые, но отличающиеся понятия: дееспособность выражает динамику правоотношений, правоспособность – статичная функция. «Конечно же, юридические лица не будут, да и просто не могут обладать теми правами и обязанностями, которые связаны с человеческой личностью. Примером могут служить права, связанные с полом, возрастом человека, супружеские права, а вследствие этого права на наследование по закону, где требуется родство. Также важным отличием будет являться то, что дееспособность юридического лица возникает с момента его регистрации, в то время как дееспособность граждан возникает с достижением определенного возраста, а иногда зависит и от состояния здоровья человека» [8, с. 27].

В ответ на данные рассуждения рождается вопрос: если правоспособность и дееспособность возникают у юридического лица одновременно, то зачем разграничивать эти понятия. Кроме того, С.Н. Прошин далее в своих рассуждениях приводит мнение Е.Н. Трубецкого о том, что дееспособность юридических лиц выражается в действиях определенных физических лиц, действующих от имени юридического лица. Но правильно ли данную способность физического лица переносить на юридическое лицо?.. Недееспособное или не полностью дееспособное физическое лицо и не может управлять юридическим лицом, значит, юридическое лицо всегда дееспособно. Если, например, директор утрачивает дееспособность, то у юридического лица сохраняется право своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать обязанности и исполнять их, пускай уже с другим директором или исполняющим обязанности директора лицом.

О.А. Серова, с одной стороны, поддерживает мнение, что правоспособность юридического лица в целом «совпадает» с дееспособностью и включает в себя как способность иметь права и нести обязанности, так и способность субъекта своими действиями приобретать для себя права и создавать для себя обязанности, с другой стороны, исследователь в качестве исключения приводит пример с государственными унитарными предприятиями, основанными на праве хозяйственного ведения, которые до момента завершения формирования уставного фонда вправе осуществлять только те права, которые связаны с учреждением унитарного предприятия (абзац 4 пункта 2 статьи 3 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях») [6, с. 74]. Данный пример, по мнению О.А. Серовой, показывает, что правоспособность и дееспособность юридического лица могут не совпадать в полной мере. Однако такое ограничение может свидетельствовать не об отсутствии того или другого «свойства» юридического лица (правоспособности или дееспособности), а об особой, ограниченной, правоспособности.

Пример недееспособности юридического лица приводит Н.В. Козлова: это случай, когда юридическое лицо находится на стадии банкротства, когда полномочия руководителя прекращаются и вводится внешнее управление. «Правоспособность должника сохраняется, хотя и в усеченном виде, поскольку он по-прежнему может обладать гражданскими правами и обязанностями (право собственности и пр.), однако не может приобретать и осуществлять их своими действиями» [5, с. 4]. С.Н. Прошин роль конкурсного управляющего сравнивает с ролью попечителя (опекуна) при физическом лице, ограниченном или лишенном дееспособности [8, с. 28].

С. Рухтин считает иначе: положение должника не может быть объяснено утратой им дееспособности, так как юридические лица всегда дееспособны. «Ведь даже передача полномочий исполнительного органа другой коммерческой организации или индивидуальному предпринимателю в соответствии п. 2 ст. 103 ГК РФ осуществляется акционерным обществом не как форма восполнения утраченной дееспособности, а как форма ее практической реализации. Поэтому с материально-правовых позиций «переход» к арбитражному (внешнему или конкурсному) управляющему полномочий органов управления юридического лица означает фактическое прекращение правоспособности этого последнего, причем уже на стадии внешнего управления» [9, с. 26].

Подводя итоги анализа вышеприведенных точек зрения, а также исходя из положений глав 3 и 4 ГК РФ, предположим, что заведомое неиспользование законодателем термина «дееспособность» в отношении юридических лиц вовсе не означает, что к ним данная категория не относится.

Законодатель говорит только о нормально функционирующих юридических лицах (независимо от их организационно-правовой формы), у которых дееспособность есть в полном объеме с момента их регистрации.

В отношении же физических лиц, у которых объем дееспособности изначально разный, законодатель предусмотрел варианты реализации правоспособности. Ребенок и взрослый человек имеют одинаковые права, но быть самостоятельным субъектом гражданских правоотношений ребенок не может: он недееспособен в силу возраста, за него сделку имеет право совершить иное дееспособное лицо: родитель, усыновитель и т.д.

Юридическое же лицо, как мы отметили, дееспособно с момента его создания и до момента прекращения существования, поэтому, по нашему мнению, обособлять дееспособность в отношении «обычных» юридических лиц законодателю не видится целесообразным.

Спорными могут представляться те случаи, когда для совершения определенных действий нормально функционирующему юридическому лицу необходимо согласие органов управления, и в этой связи возникает вопрос об объеме именно дееспособности юридических лиц (по аналогии с дееспособностью физических лиц). Например, когда обществу с ограниченной ответственностью или акционерному обществу для совершения крупной сделки требуется согласие органа управления. Но сравнивать данный случай с тем, когда, к примеру, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет совершают сделки с письменного согласия своих законных представителей — родителей, усыновителей или попечителей (п. 1 ст. 26 ГК РФ), было бы неверно.

В данном случае мы имеем дело с двумя разными субъектами: родитель (опекун, попечитель) и несовершеннолетний — это отдельные, самостоятельные субъекты, в то время как учредители, участники юридического лица, его органы представляют собой единое целое, единый субъект, поэтому согласие на совершение сделки будет согласием «внутри» субъекта, а не между двумя самостоятельными субъектами (как в примере с физическими лицами), следовательно, вопрос о дееспособности юридического лица в данном случае не ставится. Данный вопрос станет актуальным при «появлении

в жизни» юридического лица «другого» субъекта. Речь идет об определенных исключениях, когда юридическое лицо перестает функционировать нормально.

Во-первых, это касается юридических лиц на стадии банкротства. Уже во время процедуры наблюдения юридическое лицо большинство сделок может совершать лишь с согласия временного управляющего, выраженного в письменной форме (п. 2 ст. 64 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), чей статус в данном случае аналогичен статусу попечителя. То есть для совершения определенного действия юридическому лицу нужно согласие «извне». Конечно, при этом ограничивается не только возможность реализации прав (дееспособность), но и возможность иметь права (правоспособность). Например, юридическое лицо полностью лишается права реорганизации, создания филиалов, участия в иных юридических лицах и т. д. (п. 2 ст. 64 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Рассуждая о категории дееспособности юридического лица, важно сказать о Постановлении Конституционного Суда РФ от 12.03.2001 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся возможности обжалования определений, выносимых арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц». Описывая последствия введения наблюдения, Конституционный Суд РФ заключает, что они представляют собой существенные ограничения *дееспособности* предприятия. Таким образом, Конституционный Суд РФ применил к юридическому лицу категорию «дееспособность». В связи с этим Г.А. Мантул, описывая процедуру наблюдения, предлагает дополнить гл. 4 ГК РФ положениями о дееспособности юридических лиц, в частности нормами об ограничении дееспособности [10, с. 12].

Данная проблема касается также процедуры финансового оздоровления. При финансовом оздоровлении для совершения абсолютного большинства сделок юридическому лицу требуется согласие либо административного управляющего, либо собрания кредиторов (комитета кредиторов) (п.п. 3, 4 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), руководитель должника может быть вовсе отстранен от должности. Еще более серьезное ограничение связано с процедурой внешнего управления, а также конкурсного производства.

Во-вторых, еще один случай ограничения дееспособности юридического лица, когда оно частично утрачивает способность приобретать права и нести обязанности, описан в п. 2 ст. 57 ГК РФ, где говорится о назначении судом арбитражного управляющего для проведения *реорганизации* юридического лица, если учредители (участники) юридического лица, уполномоченный ими орган или орган юридического лица, уполномоченный на реорганизацию его учредительным документом, не осуществляют реорганизацию юридического лица в срок, определенный в решении уполномоченного государственного органа. С момента назначения арбитражного управляющего к нему переходят полномочия по управлению делами юридического лица.

Итак, мы признаем, что дееспособность присуща как физическому, так и юридическому лицу. Однако дееспособность юридического лица иного характера.

Во-первых, она связана не с физиологическими свойствами, как у человека, например, с возрастом, психофизиологическими процессами и некоторыми факторами (в частности, вредными привычками), которые могли бы отразиться на ее дееспособности.

Во-вторых, дееспособность юридического лица «проявляется» лишь на некоторых стадиях существования юридического лица: нами выявлено и описано всего два случая. Причем если для человека вопрос дееспособности (недееспособности) актуален с самого рождения, то для нормально функционирующего юридического лица вопрос дееспособности может никогда не стать актуальным.

В-третьих, ограничение дееспособности у юридического лица в большинстве случаев связано с ограничением правоспособности. Ограничение правоспособности предусмотрено при процедурах банкротства, а также может быть предусмотрено договором о реорганизации: «Договором о реорганизации может быть предусмотрен особый порядок совершения реорганизуемым обществом отдельных сделок и (или) видов сделок или запрет на их совершение с момента принятия решения о реорганизации общества и до момента ее завершения. Сделка, совершенная с нарушением указанного особого порядка или запрета, может быть признана недействительной...» (Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»). В то время как недееспособность гражданина не означает его неправодееспособности.

Возвращаясь к вопросу о понятиях «праводееспособность» и «правосубъектность», сделаем вывод, что правосубъектность юридического лица не может быть сведена к праводееспособности. Правосубъектность — более широкое понятие, которое включает в себя праводееспособность и недееспособность.

Библиографический список

1. Кашковский О.П. Праводееспособность организаций в сфере выбора видов деятельности // Юрист. 2001. № 10. С. 34–41.
2. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
3. Савельева Н.М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2006. 151 с.
4. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 367 с.
5. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. 220 с.
6. Серова О.А. Понятие и виды праводееспособности юридических лиц // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2010. № 1 (7). С. 72 – 87.
7. Богданов Е.В. Проблема сущности юридического лица // Современное право. 2011. № 11. С. 89–94.
8. Прошин С.Н. Дееспособность юридического лица — одна из составляющих его праводееспособности // Нотариус. 2012. № 2. С. 26–29.
9. Рухтин С. Праводееспособность несостоятельного юридического лица // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 26–27.
10. Мантул Г.А. Ограничение дееспособности юридического лица при введении процедуры наблюдения // Юрист. 2006. № 8. С. 12–13.

References

1. Kashkovsky O.P. Legal capacity of organizations in the field of choice of activities. *Iurist* [Lawyer], 2001, no. 10, pp. 34–41 [in Russian].
2. Ioffe O.S., Shargorodsky M.D. Questions of the theory of law. M., Gosiurizdat, 1961, 381 p. [in Russian].
3. Saveljeva N.M. Legal status of a child in the Russian Federation: civil, family and legal aspects. Samara, Izd-vo «Univers-grupp», 2006, 151 p. [in Russian].
4. Bratus S.N. Subjects of civil law. M., Gosiurizdat, 1950, 367 p. [in Russian].
5. Kozlova N.V. Legal personality of a legal entity. M., Statut, 2005, 220 p. [in Russian].
6. Serova O.A. Concept and types of legal capacity of legal entities. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya «Pravo»* [Vestnik of Samara Academy for the Humanities. Series «Law»], 2010, no. 1(7), pp. 72–87 [in Russian].

7. Bogdanov E.V. The problem of essence of legal entity. *Sovremennoe pravo* [Modern law], 2011, no. 11, pp. 89–94 [in Russian].
8. Proshin S.N. Legal capacity of a legal person – one of the components of its capacity. *Notarius* [Notary], 2012, no. 2, pp. 26–29 [in Russian].
9. Ruhtin S. Legal capacity of an insolvent entity. *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian justice], 2001, no. 7, pp. 26–27 [in Russian].
10. Mantul G.A. Limiting capacity of a legal entity under the supervision procedure. *Iurist* [Lawyer], 2006, no. 8, pp. 12–13 [in Russian].

A.V. Kirsanova*

**CONCEPTS «LEGAL PERSONALITY», «LEGAL COMPETENCE»,
«LEGAL CAPACITY» OF LEGAL ENTITIES**

The article analyzes the concepts of «legal personality», «legal competence» of juridical entities and individuals. The capacity of juridical entities and individuals is compared, examples of restrictions of legal capacity of juridical entities are viewed. Particular attention is paid to the correlation between legal capacity and legal competence of juridical entities.

Key words: juridical entity, legal competence, legal personality, legal capacity.

---

* *Kirsanova Anastasia Valerievna* (kiranastasy@gmail.com), Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Рузанова Валентина Дмитриевна, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой гражданского и предпринимательского права Самарского государственного университета. Тема канд. дис.: «Правовой режим основных и оборотных фондов государственных производственных объединений в промышленности» (защ. 1982 г.). Автор и соавтор более 200 научн. работ, в т. ч. коллективной монографии «Проблемы эффективности применения гражданского законодательства» (2004 г.).

Область научных интересов: гражданское право, семейное право, жилищное право.

Хмелева Татьяна Ивановна, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой гражданского и семейного права Саратовской государственной юридической академии. Тема канд. дис.: «Объекты права личной собственности» (защ. 1986 г.). Автор и соавтор более 70 научн. работ, в т. ч. коллективной монографии «Проблемы эффективности применения гражданского законодательства» (2004 г.).

Область научных интересов: гражданское право, семейное право.

Ильницкий Денис Александрович, старший преподаватель кафедры государственного и административного права Самарского государственного университета.

Область научных интересов: конституционное право, избирательное право, конституционно-правовой статус политической оппозиции.

Осетров Сергей Анатольевич, канд. юрид. наук, доцент кафедры государственного и административного права Самарского государственного университета. Тема канд. дис.: «Конституционные основания президентской власти в Российской Федерации» (защ. в 2010 г.). Автор 36 научн. статей.

Область научных интересов: вопросы реализации публичной власти в Российской Федерации

Напреенко Александр Александрович, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права; международного права; юридический факультет; Самарский государственный университет. Тема канд. дис.: «Гарантии прав подозреваемого в советском уголовном процессе» (защ. в ВЮЗИ в 1982 г.). Автор более 130 научн. и метод. работ, в т. ч. учебных пособий для абитуриентов «Основы государства и права» (1993; 1995, 1997, в соавторстве), «Человек. Общество. Государство. Право» (1999, 2003, 2008, в соавт.).

Область научных интересов: теоретические проблемы правообразования и законодательного процесса, методологические проблемы теории государства и права, история и проблемы совершенствования юридического образования, проблемы уголовного судопроизводства и прокурорского надзора.

Тарасов Александр Алексеевич, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и процесса, Институт права Башкирского государственного университета.

Область научных интересов: уголовное право и процесс.

Спирин Михаил Юрьевич, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права; международного права; юридический факультет; Самар-

ский государственный университет. Тема канд. дис.: «Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации» (2000 г., Казанский государственный университет). Автор 45 научн. работ, в том числе 1 учебного пособия (Сравнительное правоведение. Самара: Изд-во СамГУ, 2012).

Область научных интересов: общая теория права, социология права, учение об источниках права, сравнительное правоведение, юридическая география мира, учение о правовой системе.

Марьина Евгения Владимировна, канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики; юридический факультет; Самарский государственный университет. Тема канд. дис.: «Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм» (2010 г., СамГУ). Автор 22 научн. работ, в т. ч. учебника по уголовному процессу для бакалавров (2015, в соавт.) и 4 учебных пособий (2010, 2013, в соавт.).

Область научных интересов: сравнительное уголовное правосудие и уголовный процесс; зарубежные правоохранительные органы; противодействие коррупции.

Шмелева Марина Владимировна, канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры гражданского и международного частного права Саратовской государственной юридической академии. Тема канд. дис.: «Гражданско-правовое регулирование контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации» (защ. в 2013 г.). Автор и соавтор более 35 научн. работ, в т. ч. монографий «Рекомендации по проведению конкурса, успешный опыт и практика» (2009 г.) и «Гражданско-правовое регулирование контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации» (2014 г.).

Область научных интересов: гражданское право, предпринимательское право, корпоративное право, международное право, финансы и кредит.

Волков Владислав Эдуардович, канд. юрид. наук, доцент кафедры государственного и административного права Самарского государственного университета. Тема канд. дис.: «Конституционные основания правового регулирования компетенции муниципальных образований» (защ. в 2007 г.). Автор 33 научн. работ.

Область научных интересов: конституционное право, избирательное право, информационное право.

Карасев Дмитрий Владимирович, ассистент кафедры государственного и административного права Самарского государственного университета. В 2011 году окончил Самарский государственный университет. С 2013 года работает ассистентом на кафедре государственного и административного права.

Область научных интересов: участие общественности в управлении делами государства.

Половникова Юлия Сергеевна, аспирант кафедры государственного и административного права Самарского государственного университета, в 2012 г. окончила Самарский государственный университет по специальности «Юриспруденция». Тема канд. дис.: «Общественная экспертиза правовых актов как форма народовластия». Автор и соавтор 12 научн. работ.

Область научных интересов: общественная экспертиза и иные формы общественного контроля в Российской Федерации и зарубежных странах.

Шабанова Дарья Евгеньевна, ассистент кафедры государственного и административного права Самарского государственного университета. Окончила в 2011 году юридический факультет Самарского государственного университета и в 2014 году аспирантуру по специальности 12.00.02 «Конституционное право, конституционный судебный процесс; муниципальное право». Автор 10 научн. статей.

Область научных интересов: социальное право, трудовое право, пенсионное право.

Михеева Ольга Александровна, заместитель председателя правительства Самарской области – руководитель службы государственного финансового контроля Самарской области.

Область научных интересов: государственный финансовый контроль в Российской Федерации.

Крюкова Елена Сергеевна, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского государственного университета. Тема канд. дис.: «Прекращение прав на жилые помещения» (защ. в 2006 г.). Автор и соавтор более 50 научн. работ, в т. ч. монографии «Прекращение прав на жилые помещения в связи со сносом жилого дома»; учебных пособий «Коммерческий наем», «Специализированный жилищный фонд» (2009; 2011).

Область научных интересов: гражданское право, жилищное право.

Бронникова Марина Николаевна, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского государственного университета. Тема канд. дис.: «Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение» (защ. в 2006 г.). Автор и соавтор более 30 научн. работ.

Область научных интересов: социальная направленность гражданского права, трудовое право.

Горбачева Алла Владимировна, аспирант Академии труда и социальных отношений, в 2011 г. окончила автономную некоммерческую организацию высшего профессионального образования Московская открытая социальная академия по специальности «Юриспруденция». Юрист автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования учебно-методический центр по безопасности и охране труда в строительстве «Шит», г. Пенза, ул. Бекешская, 39. Тема канд. дис.: «Правовое регулирование труда работников дорожного хозяйства». Автор 6 научн. статей.

Область научных интересов: правовое регулирование охраны труда.

Денисова Анна Васильевна, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Самарского государственного университета. Тема канд. дис.: «Выявление и преодоление рассогласования положений УК РФ и предписаний уголовно-правового характера, содержащихся в федеральных законах иной отраслевой принадлежности» (защ. в 2004 г.). Автор и соавтор 55 научн. работ, в т. ч. монографий «Уголовно-правовые рассогласования: отраслевой и межотраслевой аспекты» (2006 г.), «Систем-

ность российского уголовного права: проблемы философской и юридической интерпретации» (2014 г.).

Область научных интересов: межотраслевые связи в правовой системе, системность уголовного права, формально-юридические источники уголовного права, проблемы бланкетности в российском уголовном праве.

Норвартян Юрий Сергеевич, ассистент кафедры уголовного права и криминологии Самарского государственного университета, аспирант, год окончания вуза: 2011 год – специалитет; 2013 год – магистратура. Тема канд. дис.: «Заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих: вопросы криминализации и пенализации».

Область научных интересов: преступления против личности, преступления против здоровья населения и общественной нравственности.

Закотянский Алексей Сергеевич, кафедра уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета, аспирант, в 2009 г. окончил Самарский государственный университет по специальности «Юриспруденция».

Область научных интересов: уголовный процесс, доказывание, допустимость доказательств, непроцессуальное познание.

Лазарева Валентина Александровна, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики. Тема канд. дис.: «Охрана прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в советском уголовном процессе» (защ. в 1980 г.). Тема докт. дис.: «Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики» (защ. в 2000 г.).

Область научных интересов: уголовный процесс и криминалистика.

Ромашов Роман Анатольевич, д-р юрид. наук, генерал-майор внутренней службы, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, полковник милиции в отставке. Декан юрид. факультета Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (с апреля 2015 г.). Тема канд. дис.: «Общество и государство: концепция Джона Локка» (защ. 1995). Тема докт. дис.: «Современный конституционализм: теоретико-правовой анализ» (защ. 1998 г.). Автор более 100 научн. работ, из них 4 монографии.

Область научных интересов: теоретические концепции конституционализма и федерализма, проблемы соотношения и взаимодействия государства и гражданского общества, теоретико-правовые аспекты юридической конфликтологии, теоретические модели пенитенциарного права и пенитенциарной безопасности.

Ярыгина Лидия Александровна, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета. Автор более 5 научн. работ.

Область научных интересов: дознание в отечественном уголовном судопроизводстве.

Кирсанова Анастасия Валериевна, магистрант II курса магистерской программы «Правовая охрана экономики» Самарского государственного университета.

Область научных интересов: корпоративное право, юридические лица.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ruzanova Valentina Dmitrievna, Candidate of Law, associate professor, Head of Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Legal regime of fixed and current assets of state industrial associations in the industry» (1982). Author and coauthor of over 200 scientific works, including multi-authored monograph «Problems of effectiveness of application of civil legislation» (2004).

Research interests: civil law, family law, housing law.

Khmeleva Tatiana Ivanovna, Candidate of Law, associate professor, head of the Department of Civil and Family Law, Saratov State Academy of Law. Subject of Candidate's thesis: «Objects of personal property law» (1986). Author and coauthor of over 70 scientific works, including multi-authored monograph «Problems of effectiveness of application of civil legislation» (2004).

Research interests: civil law, family law.

Il'nitsky Denis Alexandrovich, senior lecturer of the Department of State and Administrative Law, Samara State University.

Research interests: constitutional law, electoral law, information law, legal status of political opposition.

Osetrov Sergey Anatolievich, Candidate of Law, assistant professor of the Department of State and Administrative Law, Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Constitutional justification of presidential power in the Russian Federation» (2010). Author of 36 scientific works.

Research interests: issues of realization of public authority in the Russian Federation.

Napreenko Alexander Alexandrovich, Candidate of Law, associate professor, head of the Department of Theory and History of State and Law; International Law; Faculty of Law; Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Guarantees of the rights of the suspect in the Soviet criminal procedure» (1982). Author of more than 130 scientific and methodological works including study guide for applicants «Basics of state and law» (1993; 1995, 1997, coauthor), «Person. Society. State. Law» (1999, 2003, 2008, coauthor).

Research interests: theoretical problems in lawmaking and legislative procedure, methodological problems of theory of state and law, history and problems of improving legal education, problems of criminal proceedings and public prosecutor's supervision.

Tarasov Alexander Alexeevich, Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law and Process, Institute of Law, Bashkir State University.

Research interests: criminal law, process.

Spirin Mikhail Yurievich, Candidate of Law, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law; International Law; Law Faculty; Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Theoretical problems of legislative procedure in the Russian Federation» (2000). Author of 45 scientific works, including one schoolbook «Comparative jurisprudence» (Samara, 2012).

Research interests: general theory of law, sociology of law, study of law sources, comparative jurisprudence, juridical geography of the world, study of legal system.

Maryina Evgenia Vladimirovna, Candidate of Law, senior lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics; Law Faculty; Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Corruption crimes: branch and cross-branch harmonization of norms» (2010). Author of more than 20 scientific works including textbook for bachelors «Criminal procedure» (2015, coauthor) and 4 schoolbooks (2010, 2013, coauthor).

Research interests: comparative criminal justice and criminal procedure, foreign law enforcement agencies, fight against corruption.

Shmeleva Marina Vladimirovna, Candidate of Law, senior lecturer of the Department of Civil and International Private Law; Saratov State Law Academy. Subject of Candidate's thesis: «Civil-law regulation of contractual relations with state and municipal procurements in the Russian Federation» (2013). Author and coauthor of more than 35 scientific works including monographs «Recommendations for the competition, successful experience and practice» (2009) and «Civil-law regulation of contractual relations with state and municipal procurements in the Russian Federation» (2014).

Research interests: civil law, entrepreneurial (business) law, corporate law, international law, finance and credit.

Volkov Vladislav Eduardovich, Candidate of Law, assistant professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Constitutional basis of legal regulation of competence of municipalities». Author of 33 scientific works.

Research interests: constitutional law, electoral law, information law.

Karasev Dmitrii Vladimirovich, assistant of the Department of Constitutional and Administrative Law, Samara State University. Graduated from Samara State University in 2011. Since 2013 works as an assistant on the Department of Constitutional and Administrative Law.

Research interests: public participation in the state administration.

Polovnikova Iulia Sergeevna, postgraduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law, Samara State University, in 2012 graduated from Samara State University with a degree in «Law». Subject of Candidate's thesis: «Public examination of legal acts as a form of democracy». Author and coauthor of 12 scientific works.

Research interests: public examination and other forms of social control in the Russian Federation and foreign countries.

Shabanova Dar'ya Evgen'evna, assistant of the Department of State and Administrative Law, Samara State University. In 2011 graduated from Samara State University and in 2014 completed postgraduate studies on specialty 12.00.02: constitutional law, constitutional litigation; municipal law. Author of 10 scientific articles.

Research interests: social law, labor law, pension law.

Mikheeva Olga Alexandrovna, Deputy PM of the Government of the Samara Region – Chief of State Financial Control Service of the Samara Region.

Research interests: state financial control in the Russian Federation.

Kryukova Elena Sergeevna, Candidate of Law, associate professor, assistant professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University. Subject of Candidate thesis «Termination of dwelling rights» (2006). Author and coauthor of more than 50 scientific works including monographs: «Termination of dwelling rights because of its demolition», educational books «Commercial rent», «Specific dwelling fond» (2009; 2011).

Research interests: civil law, housing law.

Bronnikova Marina Nikolaevna, Candidate of Law, associate professor, assistant professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University. Subject of Candidate thesis «Civil presumption under Russian Legislation: content, legal forms and application» (2006). Author and coauthor of more than 30 scientific works.

Research interests: social orientation of civil law, employment law.

Gorbacheva Alla Vladimirovna, postgraduate student of the Academy of Labour and Social Relations, in 2011 graduated from the autonomous non-commercial organization of higher professional education Moscow Open Social Academy with a degree in «Jurisprudence». Lawyer of autonomous noncommercial organization of additional vocational education training center for health and safety in the construction «Shield», Penza. Subject of Candidate's thesis: «Legal regulation of work of workers of public road system». Author of 6 scientific articles.

Research interests: legal regulation of labor protection.

Denisova Anna Vasilievna, Candidate of law sciences, associate professor, assistant professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Identifying and overcoming of mismatch of provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and prescriptions of criminal and legal nature, contained in the Federal Laws of other sectoral affiliation» (2004). Author and coauthor of 55 scientific works, including monographs «Criminal mismatch: branch and interbranch aspects» (2006), «Systematicity of Russian criminal law: problems of philosophical and legal interpretation» (2014).

Research interests: interbranch connections in legal system, systematicity of criminal law, legalistic sources of criminal law, issue blanket of Russian criminal law.

Norvartyan Yury Sergeevich, assistant of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara State University, postgraduate student, in 2011 graduated from

Samara State University; in 2013 graduated from Master's programme. Subject of Candidate's thesis: «Contamination by infectious diseases communicable diseases that pose a danger to others: issues of criminalization and penalization».

Research interests: crimes against person, crimes against public health and public morality.

Zakotyansky Alexey Sergeevich, Department of Criminal Proceedings and Criminalistics, Samara State University, postgraduate student, in 2009 graduated from Samara State University with a degree in «Law».

Research interests: criminal procedure, evidence, admissibility of evidence, non-procedural knowledge.

Lazareva Valentina Alexandrovna, Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Process and Criminalistics. Subject of Candidate's thesis: «Protection of rights and legitimate interests of minor victims in the Soviet criminal process» (1980). Subject of Doctoral thesis: «Judicial protection in the criminal process of the Russian Federation: problems of theory and practice» (2000).

Research interests: criminal process, criminalistics.

Romashov Roman Anatolievich, Doctor of Law. General-major of internal service, professor, honored worker of science of the Russian Federation, colonel of militia retired. 3 Dean of the Law Faculty of St.Petersburg University of the Humanities and Social Sciences (since April 2015). Subject of Candidate's thesis: «Society and state: the concept of John Locke» (1995). Subject of Doctoral thesis: «Modern constitutionalism: theoretical and legal analysis» (1998). Author of more than 100 scientific works, including 4 monographs.

Research interests: theoretical concepts of constitutionalism and federalism, problems of correlation and interaction of state and civil society, theoretical and legal aspects of legal conflict studies, theoretical models of penal law and penitentiary security.

Yarygina Lidia Alexandrovna, assistant on the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara State University. Author of more than 5 scientific works.

Research interests: inquiry into the domestic criminal proceedings.

Kirsanova Anastasia Valerievna, 2nd year Master's student of Master's programme «Legal protection of economics», Samara State University.

Research interests: company law, legal entities.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в выпусках серий журнала «Юридический вестник Самарского государственного университета» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлекцией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (на диске) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или ttf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 8–10 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

**УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ, ПРОСИМ ПРЕДОСТАВИТЬ СВЕДЕНИЯ
ДЛЯ РАЗМЕЩЕНИЯ В ЖУРНАЛЕ
НА СТРАНИЦЕ «СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ»**

1. ФИО
2. Научное звание
3. Должность
4. Название кафедры и вуза
5. Тема кандидатской диссертации
6. Тема докторской диссертации
7. Количество научных работ публикаций, название монографий
8. Область научных интересов

Аспирантам указать год окончания вуза и поступления в аспирантуру по специальности.

СТИЛЕВОЙ БЛОК ДЛЯ НАБОРА ИНФОРМАЦИИ

Иванов Иван Иванович, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовного права и криминологии Самарского государственного университета, почетный академик РАН.

Иванов Иван Иванович, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Самарского государственного университета, в 2012 г. окончил Самарский государственный университет по специальности «.....».

Тема канд. дис.: «Актуальные проблемы производства следственных действий в российском уголовном процессе» (защ. в 2002 г.); тема докт. дис.: «Акты прокурорского реагирования в российском уголовном судопроизводстве» (защ. 2013 г.). Автор и соавтор 20 науч. работ, в т. ч. монографий «Доказывание в уголовном процессе» (М.: Юрайт, 2012, в соавт.); «Конфликты между профессиональными участниками процесса: проблемы разрешения» (СПб.: Правовой помощник, 2014).

Область научных интересов: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, следственные действия.

STYLE UNIT WHERE YOU SHOULD INSERT OR TYPE INFORMATION

Ivanov Ivan Ivanovich, Dr. of Law, prof., head of the Department of Criminal Process and Criminology, Samara State University, honourable academician of the RAS.

Ivanov Ivan Ivanovich, postgraduate of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara State University, in 2012 graduated from Samara State Technical University with a degree in «.....».

Subject of Candidate's thesis: «Topical issues of investigative actions in the Russian criminal process» (presented in 2002), subject of Doctor's thesis: «Acts of prosecutorial response in the Russian criminal procedure» (presented in 2013). Author and coauthor of 20 scientific works, including monographs «Proving in the criminal process» (M.: Iurait, 2012, in coauthorship); «Conflicts between professional participants of the process: problems of settlement» (SPb.: Pravovoi pomoshchnik, 2014).

Research interests: criminal process, criminal procedure, investigating actions.

